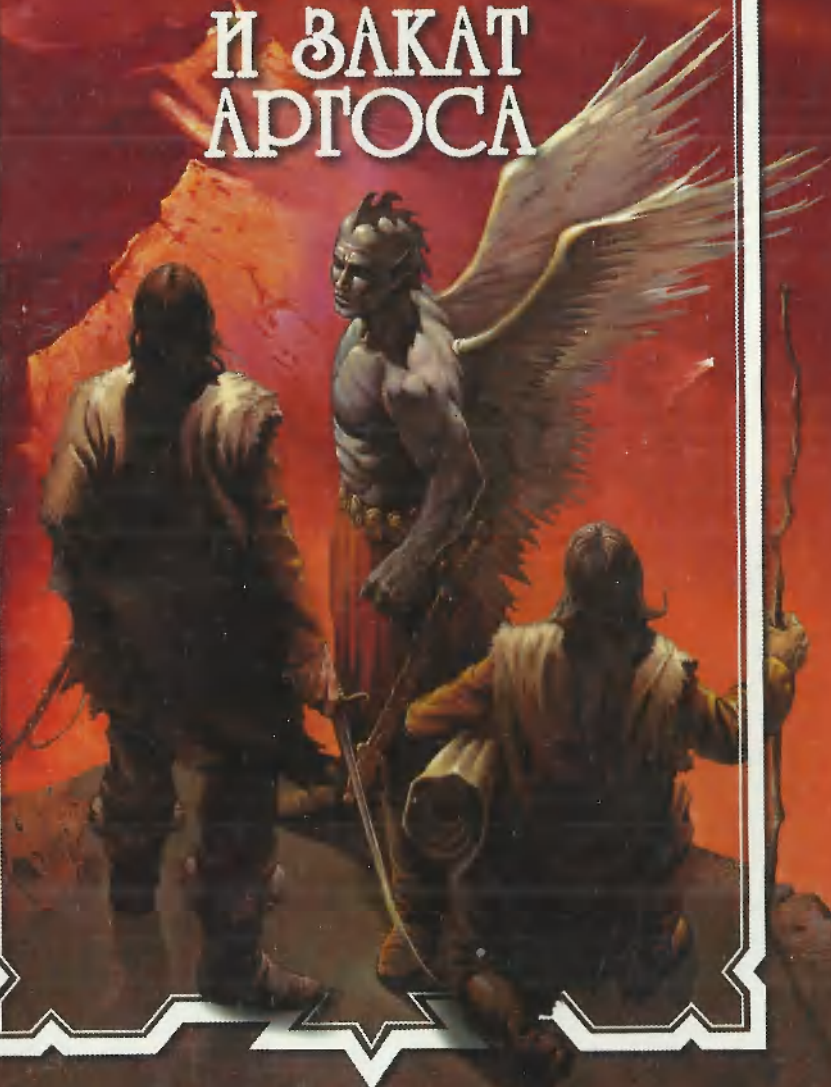

ВНИМАНИЕ **КОНАН**

КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРИ 11	КОНАН И НОМЫ КАЙНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРИДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЮЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОИНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛЕСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И ВАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАЧНИКИ ВЕЗДЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДАС 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАНДИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОДОБРАТКА ПЛАСТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

КОНАН

КОНАН
И
ЗАКАТ
АРГОСА

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.

Публикуется с разрешения автора.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

К64 Конан и закат Аргоса: Роман / Э. Варенберг. Братья по оружию: Роман / Н. Хьюз. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2002. — 430, [2] с.

ISBN 5-17-008534-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-053-7 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец, мудрый и бесстрашный повелитель Аквилонии, не ведая сомнений, вступает в поединок, чтобы отстоять свое право на трон. Он и не подозревает, что этот вызов — лишь часть коварного и изощренного замысла, чтобы лишить его не только королевства, но и жизни.

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2001

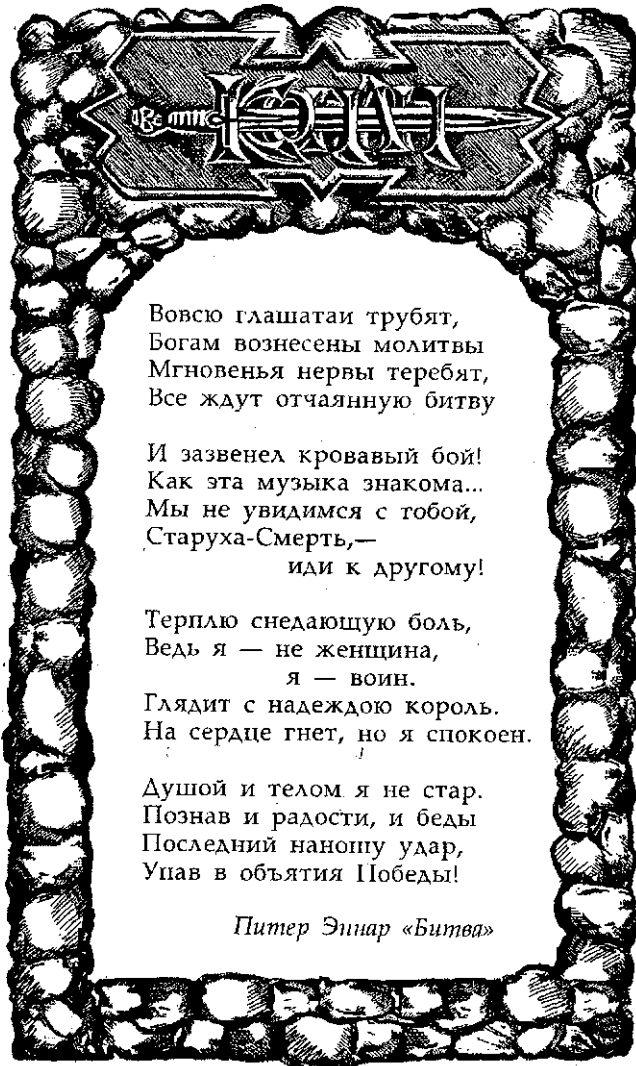
Глава первая

Бакого поединка Аквилония еще не знала. Не приходилось сомневаться, что предстоящая битва привлечет огромную толпу зевак, которые уже стекались к месту сражения, границы коего были обозначены веревкой, натянутой на вбитые в сухую, выжженную солнцем землю, колья.

Поединок чести, на котором двоим мужчинам предстояло осваивать свои права ценой жизни, должен был вот-вот начаться.

На деревянный помост уже поднимали кресла для более знатных зрителей. Вооруженные воины в кольчугах и шлемах заняли свое место у натянутой, как струна, веревки, воткнув копьа в землю. Толпа взволнованно зароптала, когда королева Зенобия и наследник престола, юный Конн, поднялись на помост и заняли свои места, окруженные свитой в ярких туниках, вставшей позади высоких кресел.

Вовсю глашатаи трубят,
Богам вознесены молитвы
Мгновенья нервы теребят,
Все ждут отчаянную битву

И зазвенел кровавый бой!
Как эта музыка знакома...
Мы не увидимся с тобой,
Старуха-Смерть,—
иди к другому!

Терплю снедающую боль,
Ведь я — не женщина,
я — воин.
Глядит с надеждою король.
На сердце гнет, но я спокоен.

Душой и телом я не стар.
Познав и радости, и беды
Последний наноси удар,
Упав в объятия Победы!

Питер Эинар «Битва»

Звуки труб возвестили о появлении участников поединка, одним из которых был сам Конан — король Аквилонии.

Он был уже немолод, но отнюдь не утратил ни своей величественности, ни исходившей от каждого движения властной, стремительной силы. Толпа восторженно взывала, приветствуя его появление, и недоверчиво смолкла, когда в круг вступил второй участник поединка, наглец, осмелившийся совершить невероятное, бросив дерзкий вызов королю и оспаривая его право на трон. Ростом он был несколько ниже Конана, и даже в кольчуге ему, пожалуй, не доставало массивности. Казалось, что доспехи несколько тяжелы для него.

Соперники остановились перед помостом.

Трубы прозвучали в очередной раз, призывая всех хранить молчание, и стихли. Вперед вышел глашатай.

— Слушайте все! Лэрд Ринальда поднял оружие против короля и объявил, что король Конан не имеет права на корону Аквилонии. Рыцарь Ринальд, признаешь ли ты свою ошибку и согласен ли поклясться в верности королю?

— Нет никакой ошибки,— возразил тот спокойно.

— Кто защитит право короля?

— Я сам,— произнес Конан.— Я не нуждаюсь в представителях и в состоянии отстаивать свои права в честном поединке.

Эти слова вызвали новые восторженные крики собравшихся. Конан по закону мог послать на

бой любого из лучших и беззаветно преданных ему турнирных бойцов, но отказался от такой возможности, предпочитая расправиться с противником собственной рукой.

Или умереть.

Юный Конн, подавшись вперед, нервно кусал побледневшие губы. Королева держалась со спокойным достоинством, но видно было, что она с трудом сдерживает волнение.

Противники переглянулись, надели шлемы, затянув ремни под подбородком, и взяли в руки щиты.

Когда лэрд Ринальда обнажил меч, солнце спряталось за тучами, скрыв от толпы долгожданный блеск стали.

Поначалу события развивались медленно.

Мужчины сошлись, и, скрестив мечи и щиты, словно проверяли друг друга. Они кружились на месте, поднимая клубы пыли... И вдруг Ринальда решительно устремился вперед, его удары стали резче и сильнее, от щита и меча короля градом сыпались искры. Конан, отражая выпады, отступал под натиском лэрда, но недолго. Вот он сам пошел в атаку и стал теснить соперника к кромке круга.

Ринальда споткнулся. Конан нанес сильнейший удар мечом, пробившим металлическую обшивку щита противника и вонзившимся глубоко в дерево.

Бой разгорелся с новой силой... Юный Конн в волнении стиснул зубами указательный палец.

Лэрд Ринальда словно потерял голову, усилил натиск, не заботясь о тактике боя и искусстве владения оружием. Король стойко отражал удары и вдруг, резко переломив ход боя, пошел в атаку.

Ринальда пошатнулся. Король Конан наступал, не сбиваясь с ритма, щитом отразил очередной удар и в то же время кулаком отбросил щит противника в сторону, а затем его меч пронзил сквозь кольчугу грудь мятежника.

Единодушный вопль пронесся над полем битвы. Тело Ринальда распласталось на земле.

— Он мертв, мама? — спросил Конн, оборачиваясь к Зенобии.

— Надо полагать, тихо произнесла королева, сжав его руку. — Твой отец отстоял свое право на трон.

Возле тела Ринальда возникло какое-то движение. По приказу Конана, с него сняли шлем и откинули металлическое забрало. Король глянул на неподвижное бледное лицо и слегка приподнял бровь.

— Старею, что ли, — с досадой произнес он. — Мерзавец почему-то еще дышит, — он снова поднял меч, собираясь довершить начатое.

— Нет, отец, — звонко крикнул Конн, — не надо! Пусть боги теперь решат его участь!

Конан недовольно покачал головой. Его сын не имел никакого права вмешиваться не в свое дело. Однако, помедлив, все-таки вложил меч в ножны и покинул круг.

Начался дождь. На пыльную землю падали крупные капли. В низине тут же образовалась бурая лужа.

Струйки дождя оросили лицо Ринальда и его волнистые, каштановые с проседью на висках, волосы, в которые набился песок.

— Унесите его, — велел король. — Он храбро бился и не заслуживает того, чтобы ему умирать на земле, как собаке.

Глава вторая

Рхитайка Лю Шен, опустив глаза, неподвижно стояла перед королем. Конан подумал, что за три зимы, которые Лю Шен провела при аквилонском дворе, он почти ни разу не слышал голоса девушки. Впрочем, это не мешало ему быть уверенным в ее безграничной верности и тихом обожании, замешанном на чувстве благодарности.

Три зимы назад он, Конан, спас Лю Шен жизнь, выкупив ее у отца, разгневанного тем, что девушка без его позволения и вне брачных уз отдала свое сердце молодому королевскому пажу; отец ее был торговцем из Кхитая и повсюду возил дочь с собою, ибо она была искусной врачевательницей, коей он мог вполне доверять. Однако после случившейся трагедии торговец проклял ее, произнес слова публичного отречения и в гневе покинул Аквилонию.

А Лю Шен осталась. Конан выдал ее замуж за того самого пажа, именем Имогең, виновника всех бед, и даже сам согласился быть посаженным отцом на ее свадьбе. Молодые люди счастливо прожили вместе год, а потом супруг погиб в поединке, пав жертвой собственной вспыльчивости.

Маленькая кхитайка опять осталась одна, да еще и с крошечным сыном на руках. Но Конан вновь выручил ее, оставив служить при дворе, так что являлся теперь для девушки чем-то вроде живого божества на земле.

— Ты знаешь, зачем я позвал тебя? — спросил король.

Лю Шен отрицательно качнула головой. Без крайней необходимости она рта не открывала, предпочитая объясняться жестами.

— Я хочу, чтобы ты ухаживала за раненым рыцарем Ринальдом, — произнес Конан. — Никто не справится с этим делом лучше тебя.

Щеки Лю Шен вспыхнули, а в глазах появился упрямый блеск.

— Вели убить меня, господин, — проговорила она, — но не заставляй использовать мое искусство для спасения жизни того, кто покушался на твою.

— Лю Шен, — прогремел Конан, заставив девушку вздрогнуть и сжаться. — Я не терплю от своих слуг неповиновения! Немедленно ступай к нему и исполняй приказ, ты поняла меня?! Иначе я сочту, что ты забыла свой долг и потеряла лицо.

Эти слова вынудили кхитайнку подчиниться — угрозы ужаснее для нее не существовало. Кланяясь и пятась задом, прижимая руки к груди, девушка покинула королевские покои.

— Спасибо, отец,— произнес Конн, который был свидетелем этой сцены.

— Замолчи,— произнес Конан, гневно взглянув на сына.— Я еще не простил тебя за грубое нарушение этикета и вмешательство в ход моего поединка!

— Я готов искупить вину и принять любое наказание, какое ты сочтешь нужным на меня возложить,— отозвался юноша,— потому что понимаю свою ошибку.

— Еще бы ты не понимал. Ступай к лошадям и две седмицы работай наравне с конюхами,— велел король.— И пусть тебя хранят боги, если я узнаю, что ты дурно выполнял свои обязанности. А пока станешь грести навоз и чистить сбрую, подумай, следует ли в другой раз разевать рот раньше, чем я спрошу твоего мнения.

Несмотря на внешнее проявление недовольства, в глубине души Конан был удовлетворен поведением сына. Мальчишка не только не по годам силен и смел, но и милосерден, что не так уж скверно для престолонаследника, ежели тот в будущем намерен разумно, без неоправданной жестокости, править страной. Стальная воля и светлая голова — еще не всё для правителя. Если у него при всём том нет живой, способной к состраданию души, толку не будет.

Киммериец обратился мыслями к лэрду Ринальду. Вообще-то он не сомневался, что мятежник не протянет долго, даже несмотря на завидный талант врачевательницы Лю Шен.

Меч вошел слишком глубоко и слишком близко к сердцу, разворотив дерзкому безумцу грудь так, что на открытую рану было страшно смотреть. Что ж, он этого заслуживал, посмеив бросить вызов аквилонскому трону.

Мелкопоместный лэрд из разорившегося рода вовсе не был мальчишкой, ищущим безрассудных приключений. Опытный боец, принимавший участие во многих битвах, он прежде не выказывал склонности к открытому неповиновению. Должны были существовать весомые основания для того, чтобы теперь всё изменилось, и Конан примерно знал, в чем тут дело.

* * *

Раненый снова негромко застонал сквозь стиснутые зубы, и Лю Шен склонилась над ним, осторожно вытирая покрывшийся испариной высокий упрямый лоб Ринальда.

Со стороны посмотреть, вряд ли кто-либо догадался бы, что этого человека она ненавидит всем сердцем и желает ему скорейшей смерти. Если бы не приказ Конана, Лю Шен давно оборвала бы едва трепещущую ниточку его прерывистого дыхания. Да ей для этого и делать-то ничего было не нужно, просто оставить всё как есть. Не стараться остановить кровь, не накла-

дывать чудодейственные бальзамы на его рану, не смачивать поминутно эти запекшиеся от жара губы. Но Лю Шен подчинялась дисциплине не хуже прошедшего самую суровую школу бойца из лучшего королевского легиона. Ее личные чувства никакого значения не имели.

Из-под воспаленных век Ринальда по щеке сползли две крупные слезинки. Рыцарь был не просто жив, но в сознании, и мучительно страдал от боли, хотя и старался держаться предельно мужественно. Иногда, впрочем, физические страдания всё же одерживали верх даже над его волей.

Его пальцы нашли руку Лю Шен и слегка сжали. Девушка уже хотела резко отдернуть кисть, — чего-чего, а утешать его она уж точно вовсе не обязана! — но почему-то не стала так делать, произнеся вместо этого:

— Потерпи. Я сейчас дам тебе специальный настой, чтобы ты заснул и не мучился.

Она приподняла ему голову и поднесла ко рту благодатную жидкость. Раненый жадно приник губами к краю чаши, но едва сумел сделать пару маленьких глотков, прежде чем всё его тело начал сотрясать надрывный кашель. Ринальд дернулся, вскрикнул, жидкость пролилась на белье.

— Боги, боги, — покачала головой Лю Шен, — хуже младенца...

Волны жара погрузили его в тяжелое забытие, в то время как руки и ступни оставались ледяными. Лю Шен решительно откинула про-

стыню, чтобы обтереть тело Ринальда и притушить, таким образом, сжигающее его изнутри пламя. Если не считать стягивающей грудь тугой повязки, теперь он был полностью обнажен. Против воли девушка отметила, что Ринальд чудесно сложен — длинные сильные ноги, плоский рельефный живот, крепкие узкие бедра. Его нота ее ничуть не смущала. Смущало другое — то, что это тело понравилось ей.

Со дня смерти своего супруга, Лю Шен ни разу не была с мужчиной. Да ей бы такое и в голову не пришло. Она слишком сильно любила Имогена, так, что ради него даже пошла против воли отца. К тому же по кхитайским законам вдова была обязана до конца дней хранить верность умершему мужу.

И уж совершенно очевидно, что смертельный враг ее господина и благодетеля в последнюю очередь должен вызывать чувства, даже отдаленно напоминающие вожделение.

Ее рука, сжимающая влажное полотенце, поднялась по ногам выше, коснувшись мужского естества Ринальда, темных завитков волос, покрывавших пах, и остановилась, уловив под собою ощутимое движение, которым плоть раненого отозвалась на прикосновение, немедленно увеличившись в размерах. А предательское воображение Лю Шен тут же нарисовало картину того, как эта плоть...

Нет, приказала она себе, не смей думать об этом! Получается, прав, прав был дорогой отец, назвавший ее самыми оскорбительными для че-

стной девушки словами! Не зная, куда деваться от стыда и смущения, Лю Шен наскоро завершила омовение и, убедившись в том, что Ринальду вроде бы стало полегче, опустилась на колени, вознеся покаянную молитву своей богине-покровительнице.

Однако в то время как язык ее послушно и привычно произносил знакомые с детства слова, мыслями Лю Шен никак не удавалось на них сосредоточиться. Вместо этого она думала о том, что попала в очень непростую ситуацию. Если Ринальд умрет, получится, что она не сумела исполнить приказ своего господина, коего это весьма огорчит и разочарует; но чтобы выходить человека, раненого так тяжело, одного лишь умения врачевать недостаточно. Ибо необходимо поддержать в нем угасающую силу ци, как поддерживают огонь в очаге, а такое возможно, лишь преисполнившись готовностью поделить свою собственную, а не ожесточая сердце.

Что-что, а такие простые истины были Лю Шен отлично известны! Всё живое нуждается в любви, как в воздухе и солнечном свете. Прервав молитву на полуслове, девушка обернулась к Ринальду и, вновь приблизившись, положила ладонь на его лоб. Густые каштановые ресницы раненого дрогнули и приподнялись, воспаленные глаза, мутные от страдания, осмысленно посмотрели на нее.

— Какая ты нежная,— прошептали его губы.— Не убирай руку...

— Не стану,— покачала головой Лю Шен.

Он затих и задышал спокойнее, ровнее. Девушка сидела с ним рядом так долго, что сама не заметила, как задремала.

Очнулась она оттого, что кто-то негромко, но настойчиво постучал в дверь, и на пороге возникла высокая стройная фигура Конна. Вот уж кого Лю Шен не ожидала увидеть! Юноша был облачен в простую одежду и не очень-то походил сейчас на наследника аквилонского престола. Девушка поспешно встала и поклонилась как только возможно низко.

— Он еще жив? — кивнул Конн в сторону Ринальда.

— Да, господин.

Конн подошел ближе и остановился, сдвинув брови и изучающе разглядывая лицо раненого.

— Почему ты хотел убить моего отца? Почему? — спросил он со смесью недоумения и ожесточения.

— О, господин,— решила вступиться Лю Шен,— ты же видишь, что он очень слаб и не может отвечать тебе. Но если бы мог, то для начала непременно поблагодарил тебя за спасение. Позволь мне сделать это за него.

Ее слова смутили инфанта.

— Да я сам не пойму, как это вышло,— пробормотал он,— и чего ради я за него вступился. Отец поступил бы справедливо, прикончив его.

— Но он явил свою милость и тем самым снискал еще большую любовь и уважение своего народа,— сказала Лю Шен.— Король Конан необычайно благородный человек. Ни один из пра-

вителей моей страны не сделал бы ничего подобного, ибо они славятся своей беспощадной жестокостью и заставляют подчиняться, устрашая. Кхитайские законы весьма суровы, господин. А теперь, если ты не сочтешь мою просьбу дерзкой, оставь нас. Я должна сменить ему повязку.

— Позволь, я помогу тебе, Лю Шен,— вызвался юноша.— Я вижу, ты устала, а он довольно тяжелый для такой хрупкой маленькой девушки, как ты.

— Это не дело для особы королевской крови,— возразила Лю Шен.

— Мой отец говорит, что будь я хоть трижды принц, а ни от какой работы не должен бегать! Да и как я поведу войска в бой, если стану бояться вида ран и крови? — отозвался Конн.

— Ладно, будь по-твоему,— сдалась девушка.— Ты только чуть-чуть его приподними... да, вот так... осторожнее.

Раненый закусил нижнюю губу, чтобы не стонать.

— Видишь,— удовлетворенно произнесла Лю Шен, сняв повязку с его груди и обращаясь к инфанту,— дела не так уж плохи. Рана чистая, не гноится, края не воспалены, это хороший признак.

Конн с усилием кивнул. В учебных поединках он и его товарищи не раз довольно сильно задевали друг друга, и он считал себя достаточно мужественным и терпеливым, но сейчас понял, что полученные им жалкие царапины ни в какое сравнение не идут с тем, что предстало его

глазам. Этот Ринальд, должно быть, страдает безмерно!

Конн едва ли счел бы его слабаком, даже если бы мятежник исходил криком, но тот не издал ни единого стога, что было достойно немалого уважения.

Лю Шен, между тем, уверенно и аккуратно покрывала грудь Ринальда каким-то желтовато-белым составом.

— Это позволит ране быстрее затянуться,— пояснила она,— хотя на нем и так всё неплохо заживает. Он сильный мужчина. Ну я же говорила тебе, господин, что не стоит здесь оставаться,— сказала девушка, заметив, как Конн побледнел.

— Всё со мной нормально,— с досадой ответил мальчик,— ему, вон, куда как хуже приходится!

— Верно, господин. Пожалуйста, помоги мне подтянуть его чуть повыше, иначе ему будет трудно дышать. Да, так. Благодарю тебя,— она снова поклонилась.

— Можно, я еще приду? — спросил Конн.

— Здесь после отца ты хозяин, твое право приходить когда угодно...

— Но ты не будешь возражать?

— Не буду,— улыбнулась Лю Шен.

Вновь оставшись с Ринальдом вдвоем, она не удержалась и коротким движением погладила его волосы.

— Молодец. Терпеливый.

— Я не стал бы орать перед королевским щенком,— произнес Ринальд,— даже если бы меня пытали каленым железом.

Лю Шен вздрогнула, как от удара.

— За что ты так ненавидишь короля? — воскликнула она.

— Потому что он самозванец, и боги тому свидетели,— слова давались Ринальду с огромным трудом.

— Если бы это было так, то почему он победил в вашем поединке, а ты проиграл? — резонно заметила девушка, подавив гнев.— Они дали явный знак своего расположения к нему.

— Боги — несправедливы,— стоял на своем рыцарь.

— Я не буду спорить с тобой сейчас,— сказала Лю Шен.— Надеюсь, ты просто не знаешь, что говоришь. Тебе нужно поспать, Ринальд,— она запнулась на его имени, которое произносила впервые.— Закрой глаза, а я отгоню демонов, чтобы они во сне не похитили и твою душу вдобавок к рассудку.

* * *

Две седмицы, пока юный наследник отрабатывал срок своей повинности как простой конюх, король не допускал его к себе. И несмотря на то, что по всей Аквилонии только и разговоров было, что о поединке, при дворе Конана эта тема негласно считалась запретной. Он сам не

упоминал о Ринальде, и никто не смел первым нарушить таковое молчание.

Но «не упоминал» не значит «не думал». Впрочем, проникнуть в мысли киммерийца еще никому не удавалось.

Зато сын его время от времени навещал мятежника, освободившись от груза собственных дневных забот. С самим Ринальдом он не разговаривал, но весьма сблизился с Лю Шен, охотно обучаясь у нее некоторым премудростям врачевания и слушая захватывающие рассказы об ее далекой и, как считала девушка, навсегда потерянной родине, внимая странным песням на непонятном, словно мяукающем, языке. Привыкнув к визитам инфанта и перестав стесняться его, она с удовольствием пела по его просьбе, замечая, что и Ринальду это вовсе не было неприятно.

— Мой отец бывал в Кхитае,— сказал однажды Конн,— надеюсь, что и мне повезет отправиться когда-нибудь туда в путешествие. Лю Шен, а ты бы не хотела вернуться?

— Нет,— она покачала головой,— мой муж был аквилонцем, и его родина стала моею.

В последнее время Лю Шен часто вспоминала своего умершего супруга, которого никогда не прекращала оплакивать. Юноша, который, казалось, улыбался даже во сне, светлый, как солнышко... Совсем не похожий на этого сурового, зрелого мужчину-воина с глубокими складками возле губ и серебром в волнистых волосах.

Ну почему она их всё время сравнивает?..

Ринальд мало говорил о себе, но постепенно Лю Шен выяснила, что ему сорок лет, почти всю свою жизнь с ранней юности он провел в битвах. О том есть ли у него семья и была ли когда-нибудь, Ринальд не упоминал, а природная тактичность не позволяла Лю Шен задавать ему прямые вопросы.

* * *

Наконец, настал день, когда Конну снова было позволено разделить трапезу с отцом, заслужив полное прощение. На языке инфанта так и вертелся вопрос, который он не решался высказать вслух, о дальнейшей судьбе мятежника. Как Конан намерен поступить с ним?

Наследник знал, что рыцарь Ринальд и не подумал изменить своего мнения о короле, а, значит, оставался опасным врагом, от которого можно ожидать чего угодно. Но при том, с точки зрения Конна, этот человек заслуживал уважения. Такого лучше иметь своим союзником и вассалом! Но как бы склонить его на свою сторону?

Несмотря на нежный возраст, Конн уже сейчас мыслил как будущий правитель, которому придется не только воевать, но и договариваться с представителями соседних государств, а как можно быть дипломатом на высоком уровне, если одного-то человека не можешь убедить присягнуть на верность? Эти мысли заводили его в тупик. Задача оказывалась принцу явно не по

силам, и в конце концов он решил обратиться к королю.

— Отец, что ты сделаешь с рыцарем Ринальдом, когда он встанет на ноги? — спросил он. — Предашь суду и казни или изгонишь из Аквилонии?

Казалось, Конан ждал этого вопроса.

— Прежде всего, я узнаю, кто, кроме него, участвовал в заговоре.

— Но разве лэрд выступал не от своего имени? — удивился Конн, который впервые слышал о чем-то подобном.

— Нет, разумеется. Безумец-одиночка?.. Ты наивен, сын! Он видишь ли, заявил, будто представляет интересы некоего законного наследника аквилонского трона, внебрачного сына Нумедидеса, который должен взойти на престол вместо меня — самозванца, убийцы, безродного вора, узурпатора, похитившего у Аквилонии данную богами власть, — с гневным сарказмом объяснил Конан. — Я готов пожертвовать жизнью во имя справедливости! Впрочем, он был совершенно уверен, что боги будут на его стороне, и он прикончит в поединке турнирного бойца, который станет отстаивать мою честь.

— Какого бойца? Ты же сам сражался.

— Еще бы. Этого Ринальд не мог предвидеть. Я никого не поставил вместо себя, потому что пока еще вполне способен вести бой.

— Но ведь он мог... — Конн заметно побледнел.

— Убить меня? Но ведь этого не случилось, верно? А в случае моей гибели ты бы заменил меня на престоле. Никто не живет вечно.

— А этот... сын Нумедидеса... не объявлялся?

— В том-то и дело. Он слишком ценен для заговорщиков. Наверняка его где-то скрывают, и я уверен, что Ринальда знает, где именно, и кто. Вот это я и намерен выяснить.

— А если Ринальда не скажет?

Конан сидел, подперев кулаком подбородок, и, слегка приподняв бровь, изучающе взирал на сына.

— Мальчик,— произнес он,— неужели ты считаешь, что ему не развяжут язык?

Конн так не считал, прекрасно зная возможности аквилонских палачей.

— Но сначала Лю Шен поставит мерзавца на ноги, чтобы он мог выдержать пытки,— добавил король.— Сдается мне, с ним придется повозиться.

И с этим Конн был совершенно согласен. У него была возможность убедиться в стойкости мятежника. Но думать о том, что предстоит вынести Ринальду, ему было неприятно. Вот если бы удалось уговорить его признаться! Всё равно ведь этим кончится. Даже очень сильный человек рано или поздно ломается. Убить врага легко, превратить же его в союзника — достойно. Вслух он своих мыслей высказывать не стал, не желая, чтобы отец подумал, будто он пытается казаться умнее него. Но в живом, гибком уме

юноши уже возникли кое-какие идеи, способные привести его план в действие.

Лю Шен, вот кто ему в этом сумеет помочь. Не откладывая дела в долгий ящик, Конн прямо отправился к девушке.

— Нам надо поговорить,— произнес он, и, кивнув в сторону Ринальда, добавил, понизив голос: — Наедине.

Мятежник спал и вряд ли мог его слышать, но кхитайнка кивнула и ненадолго оставила раненого в одиночестве, последовав за Конном. Юноша пересказал ей свою беседу с отцом. По мере того, как он говорил, лицо девушки принимало всё более печальное выражение. Для нее и прежде не было особенным секретом то, что мятежник нужен королю живым не просто так, Конн лишь подтвердил ее собственную догадку.

— Но понимаешь, Лю Шен,— продолжал инфант,— я думаю, ты бы могла убедить Ринальда рассказать тебе всё, о чем желает знать отец. Ты очень красивая и умная женщина, а он сейчас слаб и нуждается в тебе, в общем...

— Я поняла,— кхитайнка опустила глаза, но по ее лицу трудно было определить, как она относится к предложению Конна.

— Это вовсе не оскорбительно для твоей чести,— юноша старался говорить как можно убедительнее.— К тому же, поступив так и добившись признания Ринальда, ты окажешь отцу большую услугу. Ведь мятежник может умереть, не сказав ничего. Такое бывает, если не выдер-

живает сердце или рассудок. А ты станешь действовать наверняка.

И спасешь его от пыток. Лю Шен даже не поняла, произнес ли эти слова принц Конн, или они прозвучали у нее в голове. Единственное, что она не любила в своем искусстве врачевательницы, были такие вот моменты, когда спасенного ею человека затем предавали казни. Подобные услуги девушке приходилось оказывать еще собственному отцу. Например, когда один из погонщиков его каравана похитил часть товара и бежал. Изменника удалось поймать, он тоже был ранен во время преследования и препоручен заботам Лю Шен.

В последний раз она видела его извивающимся на остро отточенном колу. Это воспоминание заставило девушку содрогнуться. Дорогой отец всегда был скор на расправу и весьма жесток. Он мог, например, приказать содрать с человека кожу и, завязав ее узлом над головой, бросить его умирать. Лю Шен не раз доводилось становиться свидетельницей таких казней. Правда, она не знала, поступают ли в Аквилонии подобным образом или как-то иначе, но не сомневалась, что в любом случае Ринальда ничего хорошего не ждет. А ей этого отчаянно не хотелось.

Так что предложение инфанта нашло в ее сердце весьма горячий отклик, Лю Шен не привыкла слишком явно выражать свои чувства, поэтому только с достоинством склонила голову.

— Да, господин, я сделаю то, что ты сказал.

Есть, торжествующе подумал юноша. Его первый экзерсис в искусстве дипломатии начинался обнадеживающе.

Следует добавить, что маленькая Лю Шен едва ли не с раннего детства обучалась отнюдь не только целительству. При ее рождении расположение небесных светил было таково, что астрологи сразу определили ей судьбу врачевательницы, поэтому Лю Шен готовили именно к такой деятельности; однако самым главным для женщины являлось быть достойной женой, способной удовлетворить все самые изощренные капризы своего супруга, так что постигать подобные премудрости следовало, начиная как можно раньше. На брачное ложе должна всходить настоящая жрица любви, хотя, понятно, при этом остающаяся девственницей до момента произнесения всех необходимых обетов, а не насмерть перепуганная дурочка, понятия не имеющая, что делать с мужчиной.

Так что покойному супругу Лю Шен несказанно повезло с женой, что и говорить.

Но Имоген покинул мир живых, и Лю Шен обречена была никогда больше не иметь возможности явить кому-то свои умения и бесценный опыт любви. Ибо вдова второй раз не выходит замуж, как нельзя войти дважды в одну реку.

Однако если речь идет о повелении со стороны господина...

— Ты приказываешь мне так поступить? — спросила она.

— Нет, я только прошу...— начал было Конн, но вовремя вспомнил, что кхитайка нуждается именно в повелении, а не в просьбе.— Да,— властно проговорил он,— я, сын твоего господина, короля Аквилонии, великого Конана, приказываю тебе, Лю Шен, применить все свои способности и женские чары на благо престола и вывести, таким образом, у мятежного рыцаря Ринальда, опасные тайны, которые тот пытается скрыть,— он закончил произнесенную на одном дыхании тираду и перевел дух.

* * *

Лю Шен немедленно принялась за дело, ибо не пристало покорной служанке откладывать исполнение воли хозяина.

Ринальд, действительно, был еще очень слаб, чтобы вставать с постели и даже садиться без посторонней помощи, малейшее физическое усилие приводило к тому, что у него кружилась голова и темнело в глазах. Он и ложки в руках не мог удержать, так что Лю Шен приходилось самой кормить его, не говоря уж о том, чтобы выполнять все прочие манипуляции, неизбежные при уходе за тяжело раненым человеком.

Но только выполнять их можно по-разному. Девушка исхитрялась самое обычное омовение превращать в восхитительно чувственный ритуал, заставляя Ринальда трепетать от каждого касания ее ловких и нежных пальцев. То, что она дни и ночи проводила рядом с мятежником,

только облегчало задачу Лю Шен. Она умело разжигала в сердце его и теле такую страсть, с которой не сумел бы совладать ни один мужчина, но при этом не позволяла Ринальду самому прикасаться к ней, ускользая в последний момент, стоило ему только протянуть руку, зато собственным рукам и губам давала полную волю.

— Что ты делаешь со мною, Лю Шен?! — восклицал он.— Я хочу тебя! Почему ты не даешь мне тоже ответить на твою ласку?

Она тихонько смеялась в ответ, точно маленький серебряный колокольчик звенел.

Лю Шен и без его слов прекрасно знала, чего хочет Ринальд. Но ей нужно было другое. Нужно было дожидаться, когда он скажет не «хочу», а «люблю тебя». Когда станет принадлежать ей без остатка, забыв о воле и долге. И девушка понимала, что этого недолго осталось ждать. Общаясь с Ринальдом, она часто переходила на родной язык, уверенная, что рыцарь не понимает ни звука. Слова срывались с ее губ как бы случайно, а ему следовало догадаться, что ничем иным, кроме слов любви, они быть не могут, и так, должно быть, и происходило, ибо Ринальд ни разу не попросил ее перевести то, что Лю Шен сказала, на аквилонское наречие.

Так было и на этот раз. Склонившись к Ринальду и лаская свободную от повязки часть его груди и живот своими длинными прямыми волосами, Лю Шен между горячими поцелуями бормотала, негромко и невыразимо нежно:

— Да когда же ты, упрямец, выложишь мне правду о своих проклятых сообщниках, чтобы я могла рассказать о них господину? Ничего, я ставлю тебя это сделать, куда ты денешься...

И тут пальцы Ринальда с неожиданной силой вцепились в волосы Лю Шен на затылке. Приподняв ее голову и с холодной насмешкой глядя в испуганные раскосые глаза, он произнес:

— Кое-что новенькое ты узнаешь прямо сейчас, маленькая шляуха: я жил в твоём Кхитае четыре зимы и понимаю его язык не хуже, чем ты сама.

И между прочим, это было сказано по-кхитайски, пусть и с весьма заметным акцентом.

Лю Шен была до того потрясена, что какое-то время могла только молча открывать и закрывать рот, как рыба.

Тяжелый, сильный удар обрушился на голову девушки одновременно с тем, как Ринальд отпустил ее волосы. Лю Шен даже вскрикнуть не успела, прежде чем наступила полная темнота.

Глава третья

Как это что же, Ринальд,— особая королевская милость, что тебя не бросили в тюрьму, а принялись выхаживать, да еще подложив роскошную девку? Полагаю, тебе последнее обстоятельство пришлось особенно по душе! Верно, она отменно хороша в постели, признавайся?

— Обычная шпионка. Ее просто использовали, чтобы вынудить меня наболтать лишнего. Способ, конечно, куда более милосердный и приятный, чем дыба, каленое железо и кнут, зато изрядно гадкий. Боги создали любовь не для того, чтобы с ее помощью вести подлые игры.

— А люди, как всегда, всё испортили. Да, приятель, ты всё никак не можешь примириться с несовершенством мира, хотя за сорок лет мог бы и привыкнуть.

— Много болтаешь, Айган. Конечно, спасибо, что не бросил меня, но если так станешь гнать лошадей, то твои усилия могут оказаться напрасными, я вот-вот концы отдам,— поморщился Ринальд.

— Ничего, уже недолго осталось, потерпи. Скоро будем на месте. Зачем всё-таки ты заставил меня тащить с собой эту девку? Прикончили бы на месте, и всё.

— Нельзя, нехорошо. Она женщина. Я не убиваю безоружных, а ей, к тому же, обязан жизнью. Чего бы ради она это ни делала, но ходила за мною на совесть,— несмотря на резко усиливающуюся боль в груди, Ринальд счел необходимым вступить за Лю Шен, а не промолчать.

— С этим не поспоришь,— отозвался его друг, повыше лэрда ростом, крепко сбитый мужчина с изувеченным лицом: одна сторона этого лица оставалась нормальной, а другая, с пустою, заросшей глазницей, была рассечена безобразным шрамом от лба до подбородка и оставалась совершенно неподвижной так что даже говорил Айган, используя только один уголок рта.

Легкая крытая повозка подпрыгивала на каждой неровности дороги, заставляя лэрда сильнее стискивать зубы. Он повернул голову и посмотрел в лицо Лю Шен, руки которой были связаны за спиной. Девушка всё еще оставалась без сознания. Ее бесцеремонно бросили в повозку, точно мешок с мукой.

Хотя Ринальд и сознавал ее вероломство, он не находил в своем сердце ненависти к малень-

кой кхитайнке и был обеспокоен ее слишком затянувшимся обмороком. В конце концов, Лю Шен выполняла свой долг перед человеком, которому присягнула на верность, и не ее вина, что она не справилась со своей задачей.

Впрочем, как и он. Самозванец по-прежнему жив, здравствует и правит. Он, Ринальд, оказался скверным бойцом и не оправдал надежд тех, кто служил законному наследнику трона.

— Айган, ты осуждаешь меня за то, что я не смог победить киммерийца?

— С ума ты сошел, приятель? Я ведь был там и видел, как ты сражался! Вот это была схватка. Ты сделал всё, что мог. Я бы и сам вряд ли дрался лучше. К тому же, у самозванца был меч, пробивающий железо, а у тебя — самый обыкновенный. Если бы он не разрубил на тебе доспехи, ты бы его прикончил, клянусь!

— А что Эвер? И братья?

— Никто не осуждает тебя, если ты об этом беспокоишься,— нарочито приподнято произнес Айган, но Ринальд уловил в его голосе напряжение.— Говорю же, ты настоящий герой.

— А... Дэйна? Дождаться не могу, чтобы обнять ее!

Айган остановил лошадей.

— Всё, лэрд, мы на месте.

— Так быстро? — удивился Ринальд.— Но до монастыря еще...

— Какой монастырь? Я привез тебя к себе. Ну, друг, давай-ка выбираться...

— Но почему...— снова начал лэрд.

Вместо ответа Айган позвал двоих слуг, которые бережно подняли Ринальда и понесли в дом.

— Подожди, Айган, сначала — Лю Шен,— потребовал тот.— Ее нужно привести в чувство.

— Приведу, не волнуйся,— пообещал его приятель.— Ты всегда думаешь о себе в последнюю очередь,— добавил он и пробормотал под нос: — И ох, как порою напрасно, парень.

* * *

— Они обежали? Как? Поверить не могу! Ведь Эвер...— Ринальд приподнялся в сильнейшем волнении и тут же с глухим стоном откинулся на подушки.

— Да, скверная новость, но я должен был сказать тебе правду, не мог же я скрывать ее до бесконечности,— Айган сидел на краю постели и старался не смотреть лэрду в глаза.— Когда стало известно, что ты сдал бой киммерийцу и при том не погиб сразу, Эвер принялся орать, что под пытками ты всех выдашь, дело проиграно, и пора побыстрее уносить ноги. Дэйна отправилась с ним, прихватив все твои деньги, вырученные от продажи поместья, а остальные братья охотно составили им компанию.

— Кроме тебя,— бесцветно произнес лэрд.

— Ну, я не мог тебя бросить,— пожал плечами Айган,— Мы слишком много пролили крови вместе, и чужой, и своей. Я стал выяснять, жив ли ты и где тебя держат, и как только узнал, по-

старался вызволить. Ты бы сделал для меня то же самое, не сомневаюсь! Эти шакалы во главе с Эвером подставили тебя, Ринальд, придется принять. Ничего, мы сумеем отомстить, дай срок! А пока — ничего, проживем как-нибудь. У меня еще остались кое-какие сбережения, руки-ноги целы и голова на плечах имеется. Ничего! — ожесточенно повторил он.— И не в таких переделках бывали.

— Киммериец не отдал приказ пытать меня,— сказал Ринальд.— Но даже если бы он это сделал, я бы ничего не сказал.

— Я знаю,— кивнул Айган.— Конечно. Когда в Кхитае тебя держали в клетке и били каждый день, ты смеялся и плевал тем уродам кровью в лицо. А в битве за пограничный форт... если бы не ты, меня бы давно в живых не было!

При упоминании о Кхитае Ринальд вспомнил о Лю Шен.

— Где девушка? Как она?

— Очнулась. За ней присматривают.

— Она в порядке?

— Еще в каком. Кусается и царапается, как волчонок,— он усмехнулся.— Руку мне прокусила, стерва косоглазая. Ее счастье, что ты считаешь себя обязанным ей, а то бы...

— Не бей ее,— попросил Ринальд.

— Не бить? Не бить? Да ее убить мало!.. Ладно, не волнуйся, я пальцем ее не тронул. Я с бабами не дерусь.

— Айган? Ты бы не мог...

— Всё, что попросишь,— он изменил позу, усевшись вполоборота к лэрду и сочувственно поглядев, наконец, ему в лицо.

— Оставь меня. Я один хочу побыть.

— Как скажешь,— Айган поднялся.— Держись, солдат.

...Состояние друга тревожило его всё больше. В несколько последующих дней Ринальда почти не разговаривал и оставался совершенно ко всему безучастным, просто лежал, прикрыв глаза, отказываясь от еды. Айган вроде бы делал для него всё, как надо, менял повязки, заставлял понемногу пить, но всё было бесполезно — жизнь явно покидала лэрда. Он осунулся до неузнаваемости, на неподвижное лицо легли глубокие темные, почти фиолетовые, тени. Всегда такие живые глаза глубоко запали. То, чего не смогли сотворить физические страдания, сделало ясное сознание предательства тех, кому он так безоглядно доверял и ради кого пошел на смерть. Айгану невыносима была мысль, что это благородное, смелое и доброе сердце может вот-вот остановиться навсегда. Впервые на его памяти Ринальда отказывался бороться за свою жизнь, полностью утратив к ней интерес и волю.

Оставалось последнее и единственное средство, к которому можно было прибегнуть, и Айган обратился за помощью к пленнице.

— Иди к нему,— велел он.— Сбежать я всё равно тебе не дам, если попытаешься — учти, я меткий стрелок и бью без промаха, так что даже не думай! Попробуй как-нибудь расшевелить Ри-

нальда. Что-то он совсем плох. Сделаешь, в долгу не останусь. Он, может, и видеть тебя не захочет, но всё-таки...

Лю Шен подумала, странно, что эти люди до сих пор ее не убили. Ведь они знают, что она служит их заклятому врагу? Надеясь умереть побыстрее, она в первое время всячески старалась вывести Айгана из себя и вынудить нанести смертельный удар, но тот отчего-то сносил все ее выходки и не поднял на нее руку даже, когда Лю Шен его укусила. Она отказывалась это понимать. В ее прежнем мире был совсем иной порядок вещей.

А теперь еще ее посылают к Ринальду. Это как раз наиболее понятное из происходящего, Раненому нужен опытный врачеватель, Айган с этим делом не справляется. Ладно же. Она какое-то время станет разыгрывать пугливую покорность, а потом, усыпив его бдительность...

Что именно тогда произойдет, Лю Шен не подумала. При виде лэрда она смогла только ахнуть. Так скверно он не выглядел даже в первые сутки после поединка, а к тому времени, как его освободили, а ее похитили, и вовсе держался молодцом.

— Что с тобой? — опросила Лю Шен, подходя к нему и чувствуя, как больно сжимается сердце. От его, лэрда, силы ци почти ничего не осталось.

Ее враг, мятежник, бунтарь, изменник умирал, девушка ясно слышала хлопанье черных крыльев смерти над его головой.

И видят боги, вопреки здравому смыслу и долгу, она не желала такого исхода.

Лю Шен опустилась на колени рядом с его постелью, прижала к губам безвольно свесившуюся руку Ринальда и сказала по-кхитайски:

— Мы начнем всё сначала, рыцарь. Не прикидывайся, будто не понимаешь. Теперь-то мне известно, что тебе внятен мой язык.

* * *

...— Да, было дело. Мы с ним тогда нанялись к одному богатому путешественнику — телохранителями. Мотались везде, потом его понесло в Кхитай. А этому типу взойшло на ум похитить один кинжал у тамошнего мандарина, какой-то заговоренный, с рукоятью в виде божка. Его за руку поймали, а ты ведь знаешь, как у вас обходятся с ворами. Ну, мы с Ринальдом кинулись его отбивать, да только ничего у нас не подучилось. Хозяина нашего скормили крокодилам, а нас продали как рабов. Ринальд придумал, как нам сбежать, но мы внешне там получались уж очень приметными, трудно скрыться — с толпой не смешаешься, хотя у меня тогда еще лицо было вполне человеческое, но за кхитайца никак бы не сошел ни я, ни Ринальд. Ладно! Нанялись на корабль к одному, тоже, изрядному мерзавцу, которому зато люди были нужны без разницы, какого цвета. А Ринальда задело, что он в Хайбории считался за хорошего бойца, а у вас и с мальчишкой не мог один управиться. Из тех

грошей, что ему за работу причитались, он стал за нас двоих платить, лишь бы научили биться по-вашему. Я так не мог, жрать очень хотелось, свои деньги проедал, что было, то было! Ты бы тогда видела нашего лэрда — дочерна на солнце обгоревший, чистая головешка, тощий, только что живот к спине не прирастал, жилистый и до того упрямый, если за что зацепился, нипочем не бросит... молодые мы были, что там, сорок зим на двоих, — рассказывал Айган, помешивая угли в камине. — В общем, четыре зимы мы там прожили, много ваших обычаев переняли, и язык — это само собой, в первую очередь. Потом вернулись, причем при деньгах, и хороших. Служили при дворе одного князька, тот щедро платил... В Аквилонии осели, Ринальд купил поместье, разводил лошадей. Потом заскучал, подался в наемники, и я за ним. Э, всего не перескажешь!

— Очень интересно, — вежливо проговорила Лю Шен.

— Мы с ним — как братья, — добавил Айган. — Куда один, туда и другой, даже если... головой в преисподнюю. Я за Ринальда глотку перерызу хоть самому Нергалу. А вот, видишь как, не сумел его уберечь... И ведь чуяло мое сердце, что этот Эвер не по делу воду мутит. Но у Ринальда свои представления. Законный наследник, честь аквилонского престола... Знаешь, он отличный человек, но очень уж доверчивый. Его вокруг пальца обвести — плевое дело, пото-

му — душа чистая, и он такую же чистоту в других видит, вот как.

— Человек чести,— сказала Лю Шен.

— Что?.. Да, это верно, не поспоришь. Хотя если где погулять, побуянить, баб потрясти — тоже первый. Всё у него через край, до предела! Ты не гляди, что он сейчас такой тихий, будешь тихим, когда вся грудь разворочена. Обычно-то в нем столько силы кишит, девать некуда.

— А он действительно лэрд?

— Лэрд! Голубая кровь. Только из разорившегося рода. Но всё равно, не бастард, как я. Кстати, Ринальд очень ценит свое происхождение, даром что папаша его после себя ничего, кроме долгов, не оставил.

— Почему ты — бастард?

— Потому что у меня матушка — портовая шлюха, а отца и вовсе не было,— засмеялся Айган.— Поняла?

Было похоже, что это обстоятельство его ничуть не смущает. Чем дольше Лю Шен общалась с Ринальдом и Айганом, тем сильнее становилась ее привязанность к ним обоим. Ее давно уже не пугал вид изуродованного лица Айгана, поначалу наводивший Лю Шен на мысль, что человек, который так ужасно пострадал, должен быть жестоким и враждебным ко всему миру. Но ничего подобного она не замечала, наоборот, грубоватый и замкнутый Айган на поверку оказался весьма доброжелательным человеком, а его преданная привязанность к другу вызывала у Лю Шен глубокое уважение. Она уже знала,

что Айган в одиночку бросился выручать Ринальда, не пожалев никаких средств, чтобы подкупить часть охраны, и не остановившись перед тем, чтобы вступить в бой с остальными. В этом бою Айган уложил пятерых, о чем, впрочем, сказал лишь вскользь, как бы между прочим, ибо вовсе не считал, будто совершил какой-то особенный подвиг. Но для Лю Шен, которая чрезвычайно высоко почитала проявления подлинной бесстрашной верности, он сразу стал героем. Как и Ринальд, о котором Айган так много рассказывал. Эти люди, насколько она поняла, никогда не теряли лица!

И всё же Лю Шен не оставляла мыслей о победе. Ее чувство долга вступило в непримиримое противоречие с желанием сердца, но в подобных случаях выбор мог быть только один, и она твердо знала, какой именно. Наверняка король Конан поднял на ноги всех, кого мог, для поисков беглого мятежника. И она обязана сообщить, где скрывается Ринальд! Но при этом Лю Шен надеялась поведать Конану обо всем, что узнала об этом человеке, и вымолить для него смягчение наказания. Ведь Ринальд сам пал жертвой обмана и хитроумной интриги. Конечно, он виновен и заслуживает суровой кары. Однако в то же время он так внутренне похож на самого короля Аквилонии!

Вот если бы удалось как-то убедить его самого сдаться и явиться во дворец короля, присягнуть Конану на верность и попросить права искупить эту вину. Может статься, король не отка-

зал бы лэрду, оценив такой достойный и смелый поступок. А если нет?..

Между тем, Ринальд, благодаря ее неусыпным заботам, уже начал подниматься на ноги, хотя и не вполне уверенно. Рана в груди почти затянулась, если говорить о той, которую нанес ему в поединке Конан.

Что касается другой, едва ли не более глубокой... с этим было куда сложнее. Сердце лэрда словно разлетелось на тысячу осколков, когда он узнал о том, как его предали. И для того, чтобы собрать эти осколки и исцелить его душу, требовалось очень много усилий и времени. Особенно учитывая, что в этом деле была замешана женщина, которую Ринальд очень любил.

Лю Шен знала, что ее звали Дэйна.

Лэрда собирался жениться на ней и просил ее руки, но она сказала, что даст окончательное согласие лишь после того, как Эвер, сын Нумедеса, во многом благодаря Ринальду, взойдет на престол. А в результате сбежала всё с тем же Эвером... и деньгами Ринальда, оставив лэрда нищим. По словам Айгана, у Дэйны хватило цинизма заявить, что мертвецу деньги всё равно ни к чему.

Лю Шен было очень горько сознавать, что Ринальд считает и ее саму чем-то вроде Дэйны. Ведь обе женщины попросту использовали его для своих целей. Конечно же, у него не было никаких оснований доверять кхитайке и слишком близко подпускать ее к себе. Лю Шен старалась больше ни в коем случае не обращаться с ним

так, как могла бы это делать влюбленная женщина. Хотя она находила лэрда очень, очень привлекательным! Его тело притягивало ее, как магнит — железо. Да только разве ему об этом окажешь? И зачем? Всё равно им никогда не суждено быть вместе.

Всё, что могла, девушка для него и так уже сделала. Ринальд ожил, начал двигаться, и его вполне можно было препоручить заботам Айгана. А в тот день, когда лэрда впервые, на памяти Лю Шен, улыбнулся, ее сердце просто растаяло. Боги, что это была за улыбка, прекрасная и чуть застенчивая, озарившая лицо Ринальда, точно солнечный лучик, выглянувший из-за тяжелых грозовых туч. Да она всё на свете отдала бы, только чтобы почаще видеть его таким!

— Он... улыбается,— сообщила она Айгану.

— Ну и прекрасно,— сказал тот.— Ты еще его смеха не слышала.

Девушка, приподнявшись на цыпочки, обняла Айгана и поцеловав прямо в уродливо заросшую пустую глазницу на месте выбитого в бою с пиктами глаза.

— Что это на тебя нашло? — смутился Айган.

Из-за его увечья женщины не особенно его жаловали, и он старался пореже общаться с ними, ибо остро переживал, замечая в их глазах испуг и жалость. Так что коротенькая нежность Лю Шен была для Айгана весьма приятной неожиданностью.

— Человек, шрамы которого получены в честной битве, красив вдвойне,— сказала девушка.— И только полные дуры этого не понимают!

...А на утро Ринальда и Айган обнаружили, что она исчезла, заодно украв самую лучшую лошадь. Судя по всему, Лю Шен сбежала глубокой ночью, и к рассвету должна была оказаться так далеко, что преследовать ее не имело никакого смысла.

Глава четвертая

дин человек? Всего один? — переспросил Конан с оттенком недоверия и вдруг рассмеялся.— Вот это я понимаю! Да в нем сила десяти демонов, если он сумел уложить пятерых, а остальные клялись, что на них набросилась чуть не целая когорта!

— Бастард Айган,— бесстрастно сказал Просперо.— Когда-то я слышал о нем как об очень достойном бойце, но долгое время считалось, что он погиб. Значит, он заодно с заговорщиками?

— Он кровный брат лэрда Ринальда,— произнесла Лю Шен еле слышно.— Они с юности сражались плечом к плечу.

Конан взглянул на нее, радуясь, что маленькая кхитайка жива. Он был уверен, что те, кто освободил мятежника, убили ее. Зная натуру Лю Шен, трудно было предположить, что девушка

далась им в руки живой, но ее рассказ всё прояснил.

— А Эвер и иже с ним, значит, скрылись,— произнес он.

— Бросив Ринальда умирать,— добавила Лю Шен.— Хотя он сражался ради них.

— Я понял. Скоты! — Конан с грохотом опустил кулак на стол.— Ну, я их найду! Им не скрыться даже в преисподней. И ведь как было задумано — убив меня, затем воспользоваться растерянностью двора, устроить смуту и возвести на престол этого подлеца.

— Безнадежная глупость,— пожал плечами Просперо.— Войска в два счета подавили бы бунт, объявив королем Конна. Я бы об этом позаботился лично, став регентом до достижения наследником совершеннолетия.

— Не сомневаюсь в тебе,— согласился киммарец.— Ладно! Лю Шен, расскажи теперь, где находятся Ринальд и Айган.

К его удивлению, девушка молчала. Повисла затянувшаяся пауза.

— В чем дело? — не понял Конан.

— Господин,— Лю Шен опустила на колени,— за то время, которое они удерживали меня в своем доме, я поняла, что это весьма достойные люди, однако сами ставшие жертвой ужасного обмана. Умоляю, выслушай их и позволь искупить вину перед тобой! Аэрд Ринальда не заслуживает смерти.

— А чего же он заслуживает? — язвительно опросил король.— Награды за то, что обнажил против меня меч, так, что ли?

— Нет, конечно, нет,— в замешательстве произнесла кхитайка.— Но от мертвого толку мало! А живой, он мог бы послужить тебе. И Айган тоже. Они смелы, сильны, опытни и надежны.

— Да, признаться, такими людьми разбрасываться не следует,— поразмыслив, согласился Конан.— Будь по-твоему, Лю Шен, я готов выслушать их объяснения, когда эту пару доставят во дворец.

У девушки камень с души свалился. Теперь она смело могла поведать господину, где искать людей, к которым она успела так привязаться.

— Но кто-то должен за них поручиться,— добавил король, оглядывая присутствующих.

— Я поручусь,— выступил вперед его сын, на которого то, о чем только что поведала Лю Шен, произвело весьма сильное впечатление.

— Еще?

— И я,— произнесла кхитайка.

— Прекрасно. Юноша и женщина сказали свое слово. Но мужчины пока безмолвствуют.

— Айган служил под моим началом,— произнес Просперо.— Второго я помню смутно, но Айган был представлен к награде после битвы с пиктами за приграничный форт. Тогда считалось, что посмертно... Я готов поручиться за него.

— Твое слово дорогого стоит,— согласился король.

— Отец, а кто пойдет за этими людьми? — подал голос инфант. — Ты уже решил, кого пошлешь за ними?

— Конечно, — подтвердил киммериец. — Лю Шен. Они ее знают...

Присутствующие растерянно загудели. Уж не повредился ли король в уме? Послать маленькую женщину против двоих опытных бойцов?

— И я сам, — добавил Конан. — Такова моя воля! Я всё сказал.

* * *

— Она вернется, — «утешил» друга Айган. — И не одна, а приведет с собою целую королевскую свору, готовую разорвать нас на куски и скормить псам. Так что надо бежать, пока есть время.

— Беги, — сказал Ринальд. — Ты абсолютно прав.

— Что значит «беги»? Мы уйдем вместе.

— Далеко ли — с такой обузой, как я? Нет, Айган, иди один. Ты выживешь и отомстишь Эверу. Его нельзя оставлять безнаказанным за его подлость. Во имя справедливости, придется так поступить. Что касается меня, я задержу их на какое-то время, а потом... — Он покрутил в руках остро отточенный клинок. — Моя смерть будет быстрой.

— Ага, очень. Я вот как дам сейчас по твоей дурной бритой башке, свяжу, перекину через седло и в таком виде провезу через всю Аквилу-

нию! Думаешь, не оправлюсь? Еще как запросто. Тебе сейчас со мной лучше не тягаться.

— Это низко, Айган, пользоваться тем, что я сейчас не в лучшей форме! Не смей меня унижать!

— И ты меня! Как ты посмел предлагать мне бросить тебя? Повернулся язык, да?! Получается, это только ты у нас такой благородный, что два дня тащил меня на плечах, как мул, после того форта, будь он неладен, когда мне разворотили башку мечом? Через степь! И отдавал мне свою воду! Как же, ты — лэрд, тебе честь рода иначе не позволяла. А я ублюдок, который с радостью умчится, лишь бы свою шкуру спасти.

— Я этого не говорил! Айган, зачем ты так?

— Зато я вижу, что ты сделал. Готовность к последней битве? По кхитайской традиции? Обрить себе волосы в знак покаяния перед богами за все жизненные прегрешения? Отлично выглядишь, старина. В самый раз — в кхитайский рай. Только тебя туда всё равно не примут, ты недостаточно косоглазый. Зря рассчитываешь проскочить.

Несмотря на шуточки и ёрничанье, в глубине души Айган был очень обеспокоен тем, что его друг еще не настолько силен, чтобы вынести долгий путь и уходить от погони. Они не смогут двигаться так быстро, как того требуют обстоятельства! Преследователи настигнут их в два счета. А если остаться? Это была сумасбродная, дерзкая идея. Но ведь Айган не случайно выбрал расположение своего дома таким образом,

чтобы сразу же следом за ним начинался лес, и жил на отшибе. У него было в распоряжении несколько слуг, но однако в основном Айган предпочитал довольствоваться тем, что удавалось добыть на охоте. Он был отменным стрелком, в отличие от Ринальда, у которого если и имелись какие-то недостатки, то в первую очередь не слишком зоркие глаза. Зато Айган клал свои стрелы без промаха, и с охоты возвращался, набив вполне достаточно дичи.

Если посланные Конаном люди сунутся за ними в лес, то в первую очередь наткнутся на хорошо замаскированные арбалеты-самострелы, которые приводятся в действие легчайшим прикосновением к туго натянутым тонким веревкам, сплетенным из медвежьих кишок. Каждый выстрел станет выводить из строя их лошадей, которым стрелы из арбалетов вонзятся в ноги и животы.

А те, кто прорвется дальше, наткнутся на предусмотрительно выкопанные волчьи ямы-ловушки, глубокие, с врытыми изнутри остро отточенными колыями. Да, его и Ринальда голыми руками не возьмешь. Пусть приходят. Сам же Айган рассчитывал воспользоваться укрытием собственного изобретения, откуда легко будет добить еще с десятков, не меньше, воинов короля. Не так уж мало.

А вот потом они с Ринальдом постараются уйти прежде, чем Конан сообразит, что произошло и пошлет новых людей. Ничего! Это позволит выгадать несколько бесценных дней, за

которые лэрд станет хотя бы чуть-чуть поувереннее и сможет дольше продержаться в седле.

Он рассказал Ринальду о своем плане.

— Остаться? Безумие,— возразил тот.

— Эй, эй, приятель, полегче. Когда я в лесу, я непобедим, учти это. Лес — не враг, а лучший союзник, если его понимаешь. А я научился его понимать за прошедшие годы, пока живу здесь. В любом случае, попробовать стоит! Ну, решайся.

— Ладно,— неохотно согласился лэрд.— Попробуем.

— Положись на меня,— сказал Айган.— Просто поверь, что я сумею спасти наши шкуры, старик.

* * *

Это случилось на закате спустя еще полтора дня. Айган первым заметил скачущего в их сторону одинокого всадника, а за ним еще одного.

— Ринальд,— окликнул он друга.— Ринальд! Началось. Давай в укрытие. Быстрее. Они приближаются.

Вскоре лэрд тоже различил первого всадника. Тот показался ему каким-то странно маленьким. Ребенок? Подросток? Быть не может!

— Айган, ты видишь лучше, чем я. Кто этот человек? — спросил он.

— Лежи и молчи,— отозвался тот.— Пригни голову, если не хочешь, чтобы нас заметили.

Природная зоркость уже позволила ему понять, кого он видит. Маленькая кхитайская стерва, вот кто это такой. Вернее, такая. Второй всадник следовал за нею чуть позади, и его лицо было закрыто забралом. Ничего, кроме сжатых губ различить было невозможно. Вот они покрутились возле опустевшего дома, и Лю Шен о чем-то поговорила со своим спутником, махнув рукой в сторону леса. Ну идите сюда, мстительно подумал Айган. Давайте. В своих самострелах он не сомневался. Стоит лошадам пересечь невидимую черту, и смертоносные стрелы вонзятся в них, а если повезет, то и в седоков. Он об этом позаботился.

Всадники приближались, и Айган, положив руку на затылок лэрда, старался удерживать его голову опущенной, не желая, чтобы тот узнал кхитайянку. У его друга слишком большое сердце, в котором, вполне возможно, нашлось место даже для вероломной косоглазой шлюхи.

И неудивительно. Ведь и его, Айгана, она каким-то образом заставила себя если не полюбить, то хотя бы считать довольно милым созданием. Он вспомнил, как Лю Шен его целовала, и стиснул зубы от гнева. И ведь как раз перед тем, как...

Ринальд всё-таки поднял голову в тот момент, когда Айган бесшумно потянулся за луком и вложил стрелу в тетиву, решив для верности не полагаться только на самострелы, но прикончить кхитайянку собственным выстрелом. Словно что-то почувствовав, девушка звонко крикнула:

— Ринальд, Айган, не стреляйте! Мы пришли с миром!

Еще чуть-чуть, и ее лошадь должна была пересечь смертельную черту!

— Стой, Лю Шен! Стой! — прокричал лэрд в ответ, вскакивая на ноги и устремляясь к девушке.

— Проклятье,— выругался Айган,— ну, так я и знал. Не видит дальше собственного носа, зато слышит хорошо...

Лю Шен изо всех сил натянула поводья, заставив лошадь встать на дыбы. И остановилась в каком-то дюйме от арбалетов.

— Ринальд! — она поспешно прыгнула с седла, переполняемая противоречивыми чувствами, главным из которых была радость: девушка и не думала, что всего несколько дней разлуки с ним заставят ее так отчаянно тревожиться и тосковать по этому человеку.— На колени. Мой господин, великий король Аквилонии Конан хочет говорить с тобою.

* * *

В длинном плаще с капюшоном, надетом поверх доспехов, и в шлеме Конан, и без того очень высокий и широкоплечий, казался еще крупнее и величественнее. Квадратный подбородок и прямая линия суровых губ, покамест не размыкавшихся... Он ожидал возможного нападения и готов был отразить его, выхватив меч из ножен. Готовность убить любого, кто встанет на

его пути, ясно читалась во всем облике короля и была совершенно очевидна.

Но вот он расстегнул шлем, снял его и передал Лю Шен. Его голову покрывала металлическая сетка подшлемника, но теперь лицо было полностью открыто. Прямые, крупные черты, темная линия бровей подчеркивает выпуклость лба...

Он напоминал боевого коня, стремительного и неудержимого в битве.

Айган подошел и встал рядом с Ринальдом плечом к плечу. Он впервые видел Конана так близко, в отличие от лэрда, которому довелось с ним сражаться, но не мог не признать, что если и не по праву рождения, то по всей стати это — истинный повелитель, настоящий король.

Не то что Эвер, рыхлый, белый, с пухлым капризным, как у женщины, ртом, суетливый и истеричный.

И — Конан пришел один, если не считать кхитаянки. Без телохранителей, без оруженосцев и свиты. Точно так же, как без тени страха вступил в круг на поединке чести, не доверив никому отстаивать собственное достоинство.

Вот — король, которому само сердце велит присягать на верность.

Понимает ли это Ринальд? Чувствует ли? Айган едва успел подумать об этом как лэрд молча опустился на одно колено перед Конаном и с непередаваемым спокойным достоинством склонил голову.

Его друг в точности повторил то же самое.

У Лю Шен вдруг закружилась голова от испытанного чувства облегчения, сменившего почти невыносимое напряжение, в котором она пребывала всё это время. Трое мужчин, одного из которых она считала своим господином, коему обязана жизнью, другого уважала за мужество и верность дружбе, а третьего любила всем сердцем, больше не противостояли друг другу, разрывая ее душу на части.

Пусть Ринальд никогда не узнает об ее чувствах и считает ее кем угодно, это совсем не важно.

* * *

Они долго разговаривали, не допустив Лю Шен присутствовать во время этой беседы.

Зато она успела приготовить для них ужин из мяса оленя, совсем недавно подстреленного Айганом. Девушка всё время прислушивалась к их голосам, не разбирая слов, но стараясь уловить общую интонацию разговора, судя по которым, мужчины хотя еще и не вполне доверяли друг другу, но и не были настроены враждебно.

Перед внутренним взором Лю Шен ярко стояла картина: лэрд Ринальд бежит ей навстречу, чтобы уберечь от смертоносной стрелы, остановить. Значит, ему не только не было всё равно, что с нею будет, но он не хотел ни ее смерти, ни увечья. Настолько сильно не хотел, что покинул свое укрытие, выдал себя, чтобы защитить ее. Ведь он наверняка думал, что ее спутник послан

королем, чтобы покончить с ним! В руках лэрда даже оружия не было, и доспехи не закрывали его тело. Он оставался совершенно незащищенным, таким уязвимым на открытом пространстве.

Боги, как Лю Шен боялась за него. И как любила. Теперь-то поздно и глупо было продолжать обманывать себя! На ее глазах выступили слезы нежности к Ринальду, переполнившей до краев всё ее существо. О мой милый, подумала Лю Шен, счастье мое, жизнь моя...

* * *

— Итак,— подвел общий итог разговору король,— вы оба отправитесь на поиски Эвера и его людей и приведете их ко мне живыми.

Айган открыл было рот, чтобы что-то возразить, но Конан властным жестом велел ему молчать.

— Живыми,— настойчиво повторял он.— Мое право судить и казнить негодяев, осмелившихся замышлять бунт против меня! Я хочу, чтобы всё было по закону. Я не разбойник с большой дороги, а Аквилония — не проклятый грязный кабак, где может твориться любое беззаконие, и дела идут между перепившимися идиотами, разрешающими свои споры с помощью тупых ножей.

Он-то не понаслышке знал, о чем говорит.

— Так,— коротко и удовлетворенно согласился Ринальд, который думал точно так же, и ко-

торому слова Конана пришлось особенно по душе.

— Но пока ты,— король повернулся к нему,— еще не в полном порядке, вы станете находиться при дворе.

— Я готов выступить хоть сегодня,— горячо заявил лэрд, и его глаза сверкнули темным огнем.

— Да? — Конан слегка толкнул его в грудь.— Готов?

Совершенно не ожидавший этого Ринальд сдавленно вскрикнул и закрипел зубами от боли. Айган дернулся и сжал кулаки, словно ощутил такую же.

— Сидеть,— рыкнул на него король.— Я только показываю, что прав, и ему рано отправляться в путь. У меня хватает замечательных лекарей. Пока они не скажут своего слова, ты с места не сдвинешься, Ринальд. А если осмелишься проявить своеволие и нарушить приказ — ты, который только что присягнул мне на верность! — я ни на что не посмотрю и велю выпороть тебя, как положено обращаться с непокорным вассалом. Не хочешь терпеть унижение, научись подчиняться. И нечего играть желваками.

— А я в таком случае даже не подумаю за тебя вступаться, Ринальд,— сказал Айган.— Ким...— он вовремя прикусил язык,— король прав.

— Киммериец, ты хотел сказать? — спросил Конан, заметив его оговорку и не став делать вид, что пропустил ее мимо ушей.— Да, киммериец, сын кузнеца, и горжусь этим не меньше,

чем королевским титулом. Я никогда не отрекался ни от своей родины, ни от происхождения. Мой отец был достойным человеком, и я чту его память.

Если бы можно было присягнуть дважды, Айган сейчас повторил бы свою клятву не задумываясь..

Глава пятая

у, что с тобой происходит, Лю Шен? — обеспокоенно спросила Зенобия, ласково глядя на девушку. — С некоторых пор я стала замечать, что на тебе лица нет, одежда болтается, и ты всё больше становишься похожа на ходячую тень. Как это понимать? Ты не больна?

— Нет, госпожа, — поклонилась кхитаянка, — я здорова, благодарю.

— Тогда что с тобой творится?.. Послушай, ведь я тоже женщина и всё способна понять.

Не всё, подумала Лю Шен. Не всё! Тот, кого ты любишь, каждую ночь делит ложе с тобою, а мой любимый так близко и в то же время так далеко! Он даже не смотрит в мою сторону, а я умираю каждый день, каждый час, ибо страсть к нему сжигает мне сердце.

— Всё хорошо. Я всем довольна.

— Ты спала прошедшей ночью?

Ни прошедшей, ни во все предыдущие ночи Лю Шен ни на миг не сомкнула глаз. И есть она не могла — кусок не лез в горло.

— Может быть, у тебя слишком много работы?

— Что ты, госпожа! Ведь ко мне приходят лишь те, кого задели в учебных поединках. Правда, некоторых приносят. Но это всё такие мелочи, о которых даже говорить смешно.

— А что твой сын?

— Он тоже здоров, благодарю.

Двухлетний мальчик, сын Имогена, был сейчас, пожалуй, единственной отрадой Лю Шен. Она долгое время была разлучена с ним, пока ухаживала за Ринальдом, и дитя было доверено заботам Эмис, ее подруги, у которой было трое собственных детей, однако она никогда не отказывала в помощи Лю Шен: последнего из сыновей Эмис кхитайка принимала у нее сама, роды были очень трудными и едва не стоили Эмис жизни, но когда всё обошлось, женщины весьма сдружились. Не желая даром есть хлеб своего господина, кхитайка почти фанатично несла службу, не всегда оставляющую время для забот о Первом, каковые охотно брала на себя Эмис. Кому-то это могло показаться странным, но хотя сыну Лю Шен было уже больше двух зим, имени у него не имелось. Первый. — и всё. Имя нельзя давать сразу, это бережет человека от происков демонов, к тому же надо еще посмотреть, к чему

у него будет больше склонностей, и нарекать соответственно этому, а не как попало. Не раньше пяти лет.

Но и это имя будет считаться детским. Настоящее и окончательное дается человеку значительно позже.

Понятно, что следующий ребенок был бы назван Вторым, и так далее.

Но так уж случилось, что Первый остался единственным, и других у Лю Шен никогда не будет.

— Ты не хочешь снова выйти замуж? — спросила Зенобия. — Ведь срок траура давно прошел.

Как ей объяснить, что у траура по умершему супругу нет никакого срока?

— У нас не принято вступать женщинам в брак дважды, — сказала Лю Шен.

— Боги, как это печально. Получается, такая чудесная девушка, как ты, просто созданная быть женой и матерью десятка детей, должна так и зачахнуть в одиночестве?

— Да, госпожа. Но... неужели ты бы сама согласилась, если бы, сохрани его боги, конечно, твой супруг покинул тебя и ушел в Сумерки, забыть его и стать женой другого?

Удар достиг цели. У Лю Шен не было иного способа вынудить Зенобию оставить скользкую тему. Кхитайка, как и весь двор, отлично знала о том, насколько преданны друг другу Конан и его королева.

— Нет, — ответила та. — Не согласилась.

— Вот видишь. Кхитайские законы весьма мудры. Ты позволишь мне уйти, госпожа?

— Иди,— вздохнула Зенобия, и, отослав Лю Шен, задумалась.

Девочка-то не так проста, как старается показаться. И сохнет она, и глаза у нее на мокром месте не случайно. Зенобия вовсе не была ни слепой, ни безразличной, ни недалекой. И ей доводилось замечать, какие взгляды бросает Лю Шен на лэрда Ринальда. Просто сердце рвется! А он, бревно бесчувственное, занят только тем, что обучает мальчишек, и Конна в том числе, сражаться на деревянных мечях. Это разве дело, когда рядом такая красавица, и души в тебе не чает? Кхитайские законы... прикрывается ими, как броней доспехов, а под той броней живая душа изводится. Что ж, она, Зенобия, как-нибудь сумеет помочь этому горю.

Королева подошла к окну, наблюдая, как раз, за учебным поединком, которые проводились почти постоянно. Привычно поискала глазами сына. Некоторые юноши сражались на мечях, иные в рукопашную, а совсем юные и неопытные — на палках. Откуда-то приволокли толстое дерево и рубили его мечами, отрабатывая силу удара так, что только щепки летели в разные стороны. Но где же Конн? Зенобия вгляделась в кучу дерущихся людей. Боги, да он сражается с Ринальдом, и в руках у инфанта настоящий меч, только не очень большой. Лэрд прекрасно владеет ситуацией, не атаковал, подставляя под удары юноши щит, и, судя по всему, постоянно да-

вал Конну указания. Тот же предпринимал все новые яростные, отчаянные атаки, вероятно рассчитывая применить тактику изматывания противника, но из этого ничего не получалось. Конн быстро устал и прекратил бой. И вдруг, перехватив меч, как копье, с воинственным криком бросился на Ринальда. Лэрд ловко отпрыгнул в сторону, спустя мгновение выбил меч из рук принца, и тот свалился на траву, тяжело дыша, затем встал и убрал свое оружие в ножны. Зенобия улыбнулась. Хорошо, что Конна тренирует такой опытный боец, как Ринальд. Да и сам лэрд со времени своего появления при дворе выглядит несравнимо увереннее и лучше. Конечно, победа над мальчишкой — невеликая доблесть, но если учитывать, что сам Конан по мере возможностей тоже кое-чему обучает инфанта, и не совершеннейший пустяк для человека, который недавно перенес тяжелое ранение.

...Ринальд с неудовольствием ощутил, что слегка сбил дыхание.

Собственная слабость страшно злила и удручала его. Эдак он никогда не доберется до Эвера! Больше надо работать, и не с зелеными юнцами, а с равными себе мужчинами. Он огляделся, чем бы еще заняться, и уже собрался примкнуть к тем, кто сражался в рукопашную — вот где поле непаханое, ничего не умеют! — как к нему подошел Айган.

— Довольно на сегодня, брат. Иди, отдохни.

— Брось,— отмахнулся Ринальд,— я и так от безделья с ума сойду скоро. Ну, ты посмотри на

этих — право, младенцы, когда возьмется, выглядят более ловкими, чем они! Я только покажу им пару приемов... просто руки чешутся.

— Я займусь этим вместе тебя,— твердо возразил Айган,— Ни к чему надрываться. Зато ближе к вечеру мы сразимся между собой, идет?

— Идет,— вздохнул лэрд и опустился на траву, продолжая жадно и тоскливо наблюдать за дерущимися, в том числе и за Айганом, который играючи раскидывал в стороны молодых парней, бросавшихся на него всем скопом. К нему подошла женщина средних лет с ребенком на руках.

— А ты-то что делаешь на тренировочной площадке? — удивился Ринальд.

— Да вот, пришла посмотреть, как там мой парень,— улыбнулась женщина.— Вон он, видишь?.. Вот будет боец, его хлебом не корми, дай подраться.

О самом Ринальде можно было сказать примерно то же самое, так что он кивнул:

— Это хорошо для мужчины! А этот, младший твой, тоже пойдет по стопам брата?

— Да этот как раз не мой,— весело отозвалась она, поставив дитя на землю.— Просто присматриваю.

— А он чей же тогда? И где его мать?

— Мать трудится, что твоя пчелка. Сейчас ее королева зачем-то к себе позвала, вот Лю Шен и помчалась туда.

— Лю Шен? — Ринальд не сразу осмыслил услышанное.— Так это ее ребенок?

— Ну да, ее и Имогена сын. Ничего парень, верно?

Крепкий, черноволосый и черноглазый мальчик выглядел крупнее и старше своего возраста.

— Я не знал,— пробормотал Ринальд, разглядывая его.

— О чем?

— Что она замужем, и у нее есть ребенок. Она сама еще почти девочка.

— Маленькая собачка до старости щенков! А муж ее уже две с лишним зимы как на Серых Равнинах.

— В Сумерках,— произнес лэрд.— Кхитайцы бы так сказали. Первый! — позвал он.— Иди сюда.

Тот приблизился, беззастенчиво его рассматривая, и спросил:

— А почему ты не дерешься? Все мужчины сражаются!

— Я тоже,— серьезно отозвался лэрд.— Но не всегда же?

— Откуда ты знаешь, как его зовут? — удивилась женщина.

— Если у Лю Шен других детей нет, то Первый — как же еще может быть у кхитайнки... я просто так оказал, даже не подумал.

— Вот ведь, судьба у нее,— сочувственно покачала головой женщина.— Не повезло бедняжке. А сердце у нее золотое, точно скажу. Никому еще в помощи не отказывала. И тебя ведь тоже она на ноги подняла? И потом за тебя просила, не боясь королевского гнева.

— Лю Шен?!

— Кто же еще? Ты глухой, что ли, по два раза переспрашивать? Об этом весь двор говорит! Примчалась, как безумная... жизнью, говорит, клянусь, и головой, если надо, отвечу за него, что не виноват и готов принять присягу. Конечно, я сама не слыхала, мне тоже люди рассказывали, как она за тебя горой стояла...

Ринальд вскочил, резко выпрямившись и в сильнейшем волнении.

— Как твое имя?

— Эмис,— с достоинством сообщила она.— Эмис, жена старшего королевского конюха...

Он подхватил ее под локти, приподнял и поцеловал.

— Спасибо!

— Вот же сумасшедший,— изумленно ахнула Эмис, проводив взглядом лэрда, бегом умчавшегося куда-то.

* * *

— Почему ты мне ничего не сказала?

— О чем? — спокойно опросила Лю Шен, хотя только боги ведали, чего ей стоило это спокойствие, когда Ринальд появился перед ней и буквально навис над девушкой, упираясь рукой в стену.

Быть так близко от него, ощущать его дыхание... о, невозможная, сладкая пытка!

— О том, что на самом деле ты, умудрившись сбежать от Айгана и меня, пришла во дворец просить за меня перед королем. Ведь я думал...

— Но я ни о чем не просила,— ресницы Лю Шен взметнулись.

— Как? Мне сказали, ты...

— Я рассказала королю правду, которую узнала о заговоре и о том, как обошлись с тобой те, на чьей стороне ты оказался. Я не знала, как он сочтет нужным поступить. То, что господин решил сам отправиться за вами, было его собственным решением, на которое мое мнение никак не могло повлиять. Я хотела выполнить его волю. Он должен был узнать, где ты скрываешься, я лишь выполняла долг перед своим господином.

— И всё? — испытующе уточнил Ринальд. Девушка кивнула.

Лэрд приподнял пальцем ее подбородок и потянул кверху, внимательно вглядываясь в глаза Лю Шен, в которых таились все невысказанные слова, которые ей так хотелось произнести. Она изо всех сил старалась не выдать себя, не прижаться к нему, не утонуть в жаре, исходившем от его тела. Само его присутствие вытягивало из нее силы.

В этот момент, когда в ней трепетала каждая клеточка, как же Лю Шен любила Ринальда за эту ранимость, которую распознала в его тоне, как радовалась невысказанному намеку на его привязанность к ней!..

— Где тебя носит, Ринальд?!

Лэрд отступил от Лю Шен и обернулся на голос Айгана.

Девушка поспешила немедленно удалиться; Айган, однако, не мог не заметить ее и с некоторой задумчивостью посмотрел вслед.

— Что значит «где носить»? Я же не собака, которая сидит на цепи на одном месте,— проворчал лэрд.— Что случилось?

— Король хочет тебя видеть, и немедленно. А я никак не мог тебя найти,— объяснил Айган.— По-моему, не очень-то учтиво заставлять его ждать.

— Но я...— Ринальд с некоторым смущением оглядел себя: после недавней тренировки с Конном на мечях он всё еще был облачен в простую, пропахшую потом одежду, совершенно не соответствующую визиту к королю Аквилонии. — Я должен сначала привести себя в надлежащий вид.

— По-моему, Конан мало обращает внимания на то, во что одеты его люди,— пожал плечами Айган,— зато он может быть весьма недоволен, тем, что ты не явился на его зов немедленно.

Айган был весьма рад служить Конану и старался оправдывать оказанное ему доверие в чем только мог. Это не имело ничего общего с лизоблюдством, но являлось совершенно естественным выражением признания по отношению к человеку, доказавшему свое право быть вожаком.

Ринальд, которому резоны друга показались вполне убедительными, тут же отправился к королю.

Конан встретил его со своей обычной мрачноватой доброжелательностью, каковую проявлял при виде людей, пользующихся его расположением.

— Что ты хотел мне сказать, господин? — спросил лэрд.— Айган говорил, что ты хотел меня видеть.

— Верно. Я знаю, что ты тренируешь инфанта Конна,— произнес король,— ну, и как тебе его успехи?

— Заслуживают всяческих похвал, равно как и желание в совершенстве овладеть искусством боя,— отозвался Ринальд.— Твой сын станет отличным воином и никогда не опозорит свое имя и род.

— Надеюсь, что так,— Конан удовлетворенно, хотя и несколько рассеянно, кивнул; видно было, что он позвал Ринальда вовсе не затем, чтобы справиться о принце, в котором и так не сомневался.

Лэрд ждал продолжения, очень надеясь на то, что король наконец соизволит отправить его на поиски Эвера, чем, по его разумению, давно пора было заняться.

— Я намерен посетить Аргос,— вместо этого сказал тот.— И ты станешь сопровождать меня в числе рыцарей, которых я желаю взять с собою. Мой визит будет недолгим, но он необходим, чтобы я сам, лично, мог поговорить с королем

Треворусом и решить некоторые вопросы, связанные с интересами Аквилонии.

Конан вовсе не собирался спрашивать мнения Ринальда, просто ставил его в известность о своих планах.

— Но, господин,— лэрда не смог скрыть разочарования,— если мне не изменяет память, у тебя имелись несколько иные намерения относительно моего ближайшего будущего. Эвер всё еще на свободе, и мне кажется, что мой долг...

— Твой долг молчать, когда я говорю, и выполнять, когда приказываю,— голос Конана напоминал глухой рокот дальнего грома.— Не испытывай мое терпение, Ринальд, оно не безгранично. Мы выступаем в путь завтра же.

— Я могу задать вопрос?

— Можешь,— позволил Конан.— Но только один.

— Отчего такая поспешность?

— Оттого, что я предпочитаю не предупредить о своих планах заранее,— объяснил киммериец.— Никого. Иначе мне слишком часто пытались бы помешать в их осуществлении.

Он всё еще тосковал по той, прежней, вольной и беспечной жизни, когда мог как угодно распоряжаться собой и не тащить на себе подчас непомерный груз ответственности за множество людей, судьбы которых вынуждал киммерийца вершить королевский титул; нередко Конан мечтал о том, чтобы сбросить вериги власти и провести остаток жизни так, как желало его вечно молодое, горячее сердце бродяги-воина.

Рожденный в царствующей семье наследник с детства бывает приучен к мысли о том, что настанет день, когда он сам взойдет на престол, его сознательно готовят к исполнению будущей высокой миссии; но Конан, сын кузнеца, понимал, что, пожалуй, власть — это одна из самых печальных и безрадостных вещей на свете, и старался не становиться беспомощным рабом собственного могущества, заложником принятого на себя титула.

Собираясь в Аргос, он рассчитывал сделать путешествие как можно более приятным, то есть отправиться туда в сопровождении всего нескольких человек из Черной гвардии во главе с Паллантидом, а не докучливой свиты с целым обозом совершенно бесполезных людей и вещей. Ринальд же он пожелал взять с собою, чтобы не потерять из вида надолго.

Откровенно признаться, глядя на этого человека, Конан узнавал в нем собственные черты: та же безудержность, тот мятежный дух авантюриста и вечного скитальца, непомерная гордыня и стремление во что бы то ни стало добиваться желаемого.

Пожалуй, только он сам в свое время мог бы совершить нечто подобное тому, чтобы вызвать на бой короля: оно и верно, не с мышами же сражаться человеку, которые словно зачат самим пламенем и рождены быть героем-победителем!

Всё в Ринальде было Конану по душе, он понимал его, точно собственного брата-близнеца, и

успел, в своем роде, полюбить, хотя киммериец ни для кого полностью не раскрывал душу, зная, насколько это может быть опасно, и всегда выдерживал ощутимую дистанцию. Исключением являлась только Зенобия, его королева, которой он доверял безгранично.

Глава шестая

В первые дни пути Конан так гнал лошадей, что его немногочисленные спутники только восхищенно переглядывались: король, казалось, не ведал, что такое усталость! Он за светом покидал простой походный шатер, с наслаждением вдыхая наполненный туманной сыростью воздух своей недолгой свободы, и чувствовалось, что такая жизнь ему привычнее и ближе, нежели в покоях дворца.

Остановки в пути если и были, то в основном возле придорожных таверн, которые Конан отнюдь не брезговал посещать, откровенно смеясь над их сбивающимися с ног хозяевами, никак не ожидавшими визита такой высокопоставленной особы — Конан запретил предупреждать о своем приближении заранее, не посылая впереди себя никаких гонцов и глашатаев, и сваливался, как

снег на голову. Бывали забавные ситуации, когда те же самые хозяева и завсегдатаи этих таверн не сразу верили, что пред ними — сам король, принимая его за проезжего богатого рыцаря, не более, а поняв свою ошибку, едва не лишались чувств.

Конан всегда был не прочь пропустить кварту-другую эля или хорошего пива, и его спутники охотно к нему присоединялись, за исключением, пожалуй, Ринальда, которым почти всё время пребывал в глубокой задумчивости и отказывался от любых излишеств. Он нес службу, и всё. Проверял выставляемые ночами посты, по несколько раз обходя маленьким лагерь, днем же почти не слезал с седла, следуя за королем на одном и том же расстоянии. А если тому приходила мысль остановиться и войти внутрь очередной таверны, предпочитал оставаться снаружи. В конце концов, Конан обратил внимание на таковые его особенности и, подозвав, спросил:

— Что, лэрд, ты никогда не считаешь возможным слегка развеяться? Или, может, осуждаешь меня за то, что я немного отпустил поводья и решил пожить в свое удовольствие?

— Отчего же,— возразил Ринальд,— просто нет настроения.

— Почему, позволь спросить?

— Я непременно должен отвечать, или всё-таки то, что происходит в душе у человека, может оставаться его личным делом? — осведомился Ринальд.

— Ну, чужая душа, не зря говорят, вообще потемки,— заметил Конан,— и твоя не исключение. Я и сам не терплю, когда кто-то пытается влезть в мою, так что могу тебя понять. И всё же давай-ка, выпей со мной! Тебе это не повредит, а то до того смурной, что глядеть тошно. Может, из-за того, что я велел твоему другу остаться в Тарантии? Так это естественная мера предосторожности, мало ли чего можно ожидать, когда вы вместе! Ты не обижался, но я считал ее разумной... Или у тебя кошки на душе скребут потому, что я не отпустил тебя ловить Эвера? Что, я не ошибся? — усмехнулся король, заметив, как вспыхнули скулы рыцаря, а рот его непримиримо сжался.— А если я скажу тебе, что эта твоя головная боль, по моим сведениям, вполне может находиться как раз там, куда мы держим путь?..

Ринальд вздрогнул всем телом и недоверчиво взглянул на киммерийца.

— Ага, зацепило,— удовлетворенно произнес тот.— Что ж ты думаешь, я столько времени потерял напрасно и не предпринял никаких шагов, чтобы кое-что разузнать об Эвере? И о женщине,— добавил он.— Ведь с ним — женщина, верно, лэрд? Красивая?

— Мне казалось, что необыкновенно,— вырвалось у Ринальда.

— Ну как же иначе. Ты ведь из тех, чей жеребец без узды и вечно себе стойло ищет.

— Есть такой грех,— немного смущенно подтвердил рыцарь, не в силах сдержать улыбки в

ответ на грубоватую прямогу короля.— Так, значит, он... мы...

— Всё, хватит об этом. На месте узнаем,— оборвал его киммериец.— Не забывай, что здесь и у меня интерес не меньше твоего. А теперь пей,— велел он, передавая лэрду внушительную кружку эля, которую тот охотно и с явным удовольствием осушил, не отрываясь, что немедленно подействовало на Ринальда, подняв ему настроение, и глаза его перестали напоминать потухшие угли в камине, сделавшись блестящими и необыкновенно живыми.

— Другое дело,— оказал Конан,— уже меньше похож на висельника, которого едва из петли успели вынуть. Ну-ка, Ринальд, правду ли говорят, будто ты умеешь слагать баллады?

— Нет, но зато знаю их множество,— произнес лэрд.— Я всегда любил слушать менестрелей, кое-что запомнил.

— Не сочтешь ли за труд спеть что-нибудь?

— Могу,— неожиданно легко согласился Ринальд, потянувшись за второю кружкой и присовокупив ее содержимое к первой.

У него оказался довольно сильный и приятный голос, да и в выразительности исполнения трудно было отказать. В боевых походах Ринальду прежде не раз доводилось собирать вокруг себя воинов, поднимая их дух и отвлекая от мрачных размышлений балладами и песнями во время недолгих передышек, так что дело это ему было не в новинку. Конан остался вполне доволен услышанным.

— Славно,— проговорил он, когда Ринальд закончил.— Умеешь душу согреть.

«Умееет»,— подумала Лю Шен, единственная женщина, которую Конан взял с собою в Аргос: что бы ни случилось, он считал, что кхитайка с ее искусством всегда должна быть под рукой, да и привычна она была к долгим переходам. К тому же Зенобия приложила некоторые усилия, убеждая его в том, что девушка может оказаться просто незаменимой в случае возникновения любых неожиданностей, связанных с внезапными болезнями или ранениями.

Пока Ринальд пел, она подошла поближе, словно зачарованная, впервые обнаружив за ним такую способность. До сих пор, с того момента, как они покинули Тарантию, кхитайка держалась от него на расстоянии, боясь неосторожно выдать свои чувства.

— А, еще одна неприкаянная душа пожаловала,— приветствовал Конан ее появление.— Иди сюда, Лю Шен! Что стоишь, как чужая?

Она и есть чужая, всему и всем, в чужой земле, вдруг остро понял Ринальд, услышав его слова и словно ощущая одиночество девушки. Неприкаянная душа, уж это точно. С ним в Кхитае, в свое время, был, по крайней мере, Айган, а у Лю Шен в Аквилонии ни единого близкого человека.

Она приблизилась к Конану и села с ним рядом — лэрд обратил внимание, с какой признательностью, почтением и тихим обожанием Лю

Шен смотрела на короля, в то время как по нему самому ее взор скользнул только случайно.

— Говорят,— произнес Конан, приобняв кхитайнку за плечи,— будто есть где-то такая птица, которая питается одним только ароматом фруктов, более же ничем. Вот уж не знаю, не видел этакого чуда. Но ты, дитя, верно, решила, что ты и есть эта самая птица! Этак скоро ты и ног не потянешь. Тебе приказать, или сама отвечаешь что-нибудь?

В голосе киммерийца и в его жесте было что-то неуловимо отеческое. Девушка благодарно улыбнулась.

— Наши женщины едят немного,— сказала она.

Сейчас Лю Шен, облаченная в мужскую одежду в куда более соответствующую условиям похода, нежели ее обычное одеяние, была скорее похожа на подростка, чем на женщину. Долго ломаться она, однако же, не собиралась и охотно принялась за еду под одобрительным взглядом Конана.

— Бывала ли ты в Аргосе прежде? — спросил король.

— Да,— подтвердила девушка,— и в Аргосе, и в Немедии, и в Шеме. Дорогой отец брал меня с собою повсюду, только в северных землях мы ни разу не были. Он говорил, там люди дикие, одеваются в шкуры зверей, им шелка и украшения ни к чему, и сами они, как дикие звери.

— Врал,— решительно возразил киммериец.— Вот я — северянин, но вроде на зверя не похож.

— Не похож, господин,— горячо подтвердила Лю Шен.

— Тебе нравится в Аквилонии?

— Везде люди живут,— сказала кхитайнка.— Только тут всё не так, как у нас.

— Лучше или хуже? — настаивал король.

— Не лучше и не хуже, просто иначе. По-другому. И это не всегда правильно. Многие люди обычаи свои же не чтут, рода своего не помнят и внутрь себя не глядят. Суетятся много, а живут бестолково, ничего не понимают о себе.

— Может, это тебе потому так кажется, что мы больше думаем сердцем, чем головой? — неожиданно спросил Ринальд.

— Но разве возможно одному и тому же человеку одновременно идти в разные стороны? Так и здесь. Всё должно пребывать в равновесии и гармонии,— уверенно объяснила Лю Шен.

— Вот я всю жизнь пытаюсь обрести эту гармонию, но ничего не получается — проговорил Ринальд,— а одна только смута и хаос в душе. Всё, к чему я ни прикасаюсь, рассыляется в прах и течет, как песок меж пальцев. Отчего так, Лю Шен? Может быть, ты подскажешь, как человеку согласовать свое дыхание с бурными вздохами мира? И каким заповедям требуется следовать, чтобы обрести покой?

— Об этом только великие мудрецы ведают, которые живут уединенно высоко в горах,— отозвалась девушка,— они, верно, сумели бы тебе помочь.

— Я был вором, пиратом, наемником,— сказал Конан,— всю Хайборию исходил вдоль и поперек множество раз и самой смерти в глаза смотрел бесчисленно. Так что имею право утверждать, что просто меньше надо задумываться о мироустройстве, а покой искать в одних только битвах.

Если бы Ринальд мог с ним согласиться! Но он тоже прошел немало битв, а они не принесли ему утешения, так что оставалось только позабывать королю...

Глава седьмая

Ролевский эскорт прибыл, наконец, в Аргос и был принят там всеми подобающими почестями. Конана здесь ожидали; будучи приграничным с Аквилонией государством, однако далеко не столь обширным и могущественным, Аргос нуждался в союзнических отношениях и, главным образом, в том, чтобы заключить договор, касающийся торговых путей; что касается Конана, его прежде всего, интересовали выходы к морю, которых Аквилония не имела. Строя далеко идущие планы, он не раз подумывал о том, чтобы просто присоединить Аргос к собственным территориям и таким образом разрешить множество проблем, однако пока не считал себя готовым к открытым военным действиям: значительная часть аквилонской армии была постоянно стянута к гра-

ницам с Пиктскими пустошами, готовая отразить возможное в любой момент нападение. Это требовало немалых усилий и затрат, так что о масштабном завоевательном походе приходилось временно забыть.

В последний раз Конан был в Аргосе задолго до своего воцарения на аквилонском престоле и хорошо помнил его как весьма процветающее, одно из богатейших в Хайбории государств.

Правда, тогда он не особенно интересовался внутренним политическим устройством стран, в которые его заносила судьба, ввязываясь в бесчисленные опасные авантюры и стараясь держаться подальше от власти предрежащих. Однако сейчас он был поражен представшим ему запустением и нищетой, совершенно немыслимыми для Аквилонии. Конану и прежде доносили, что в Аргосе творится неладное: словно сама природа ополчилась против него, обрушивая поочередно и без передышки землетрясения, наводнения, селевые оползни и, вдобавок ко всему, невиданный прежде мор, болезнь, от которой человек, пораженный ею, словно стирался изнутри и за один день умирал в мучениях.

Сия напасть, по счастью, пока еще не доползла до столицы, но в Мессантии с ужасом ожидали ее приближения. Естественное беспокойство охватило и всех, кто прибыл с Конаном, только сам король держался совершенно спокойно и невозмутимо, не выражая желания немедленно развернуть лошадей и возвратиться в Тарантию, хотя в подобных обстоятельствах такое решение

было бы встречено его спутниками с полнейшим пониманием. Однако пока никто не осмеливался вслух высказывать своих опасений, надеясь на то, что пребывание в Аргосе не продлится долго. Что касается Ринальда, тот и вовсе не думал об опасности, его больше волновало, насколько верными окажутся полученные сведения относительно Эвера и Дэйны.

Первым, что поразило его при аргосском дворе, еще когда король Конан со своими людьми только ступил на широкую, идеально ухоженную дорогу, ведущую через роскошный сад в сторону резиденции Треворуса, был неожиданно раздавшийся звук, точнее, душераздирающий нечеловеческий вопль, донесшийся откуда-то справа, который повторялся, не умолкая. Лэрд не раздумывая выступил вперед, ближе к Конану, и сжал пальцы на рукояти меча, озираясь в поисках источника этого крика.

— Расслабься, Ринальд,— усмехнулся, однако, киммериец,— это всего лишь брачная песня.

— Что? — поразился рыцарь.

— Так орут павлины, обхаживающие своих самок. Никогда не слышал?

— Нет,— признался лэрд,— не доводилось. Павлины? Это надо же!.. Никогда бы не подумал, что такие красивые создания способны столь мерзко вопить.

Павлин важно прошествовал наперерез небольшой процессии, обиженно покосившись в его сторону.

Сам дворец, возраст которого насчитывал триста лет, поражал своими размерами, но выглядел несколько обветшалым. Окна с витражными стеклами, в выступающих эркерах, были заключены в свинцовые перешлеты. По каменным стенам вверх поднимался плющ, образуя арки над оконными проемами и дверями.

Ступив за высокую массивную дверь парадного входа, Конан и его спутники не могли не заметить, что изнутри резиденция аргосских правителей не блистала роскошью.

Неровные каменные полы были застланы коврами, хранившими следы былой красоты: когда-то они, разумеется, были дорогими и роскошными, однако теперь выглядели потертыми и требующими замены. Здепний повелитель, похоже, не обращал на это внимания. Треворус вообще мало на что обращал внимание с тех самых пор, когда его молодая и горячо любимая жена умерла при родах, произведя на свет дитя, которое, в отличие от нее, к несчастью выжило и было поражено, как говорили, неким невероятным уродством, так что отец, увидев его впервые, вскрикнул и едва не лишился чувств. Ужасное несчастье так потрясло его, что Треворус вроде как слегка повредился в уме, забросил дела на радость многочисленным охотникам погреть руки возле казны и большую часть времени проводил в крытых оранжереях, поглощенный одними лишь экзотическими растениями и почти безучастным к собственным обязанностям государя.

Во дворце имелось не менее двух сотен комнат, а использовалось едва пара дюжин. Остальные не открывались и не проветривались годами. Коридоры, узкие и извилистые, были освещены весьма скудно, так что с непривычки в них легко можно было заблудиться.

Холод и сырость стен смягчали гобелены, однако тоже столь древние и пыльные, что на них с трудом можно было разобрать изображение.

— Ну и кошмар,— негромко произнес Палландид,— лучше жить в тюрьме, чем в подобном, с дозволения оказать, дворце.

Его никто не поддержал, и далее шествие продолжалось в полной тишине. Коридоры походили на лабиринты крысиных ходов всё больше и больше, они пересекались, возникали внезапно, ответвлялись друг от друга, переходили в тупики и казались мрачными черными бесконечными тоннелями, не имеющими никаких примет. Разве что гобелены сменялись портретами прежних царствующих особ. Иногда можно было заметить зеркала с факелами с каждой стороны, свет их, отражавшийся в зеркале, освещал коридор впереди, пока идущие не заворачивали за следующий угол.

Наконец впереди показались широкие двойные двери, серебряные ручки которых в форме горгулий блестели в свете свече. Дворецкий, церемонно распахнул двери, и Конан первым шагнул вперед.

От размеров парадного зала захватывало дух. Потолок высотой не меньше чем в двадцать фу-

тов был украшен прихотливой росписью. Казалось, что смотришь на огромное полотно с изображением покатых холмов, покрытых деревьями, под куполом синего неба.

Из центра потолка свисала огромная люстра. В этом сооружении из золота и хрусталя сверкало не менее двухсот свечей. Свет их добирался до всех углов зала, пространство потолка, освещенное лучше всего, изображало восход солнца, в дальних углах, где свет был более тусклым, был написан закат.

Конан и король Аргоса Треворус обменялись положенными по этикету приветствиями.

Ринальд тем временем пристально разглядывал этого человека, коего видел впервые. В тунике из алой шерсти с тонким черно-золотым позументом и массивными золотыми браслетами на руках, он выглядел вполне подобающе для правителя.

Лицо, достаточно красивое, с правильными чертами, хотя и несколько обрзгшее, оставалось, однако совершенно неподвижным, а глаза казались не просто холодными, но какими-то совершенно мертвыми, что производило почти пугающее впечатление.

— Я рад приветствовать властителя Аквилонии на своей земле,— произнес Треворус,— и надеюсь, что ты и твои люди останутся довольны этим визитом. Увы, дела в Аргосе обстоят не лучшим образом... да, далеко не лучшим! Мы переживаем скверные времена, которым конца не видно, и я не собираюсь этого скрывать.

— Уныние — дурной советчик для правителя,— заметил Конан,— никогда не следует опускать руки.

— Когда сами боги ополчаются против человека, титул ни от чего не спасает,— возразил Треворус.

— И на самих богов можно найти управу,— уверенно проговорил киммериец.— Им тоже ведомы поражения. Они устают противодействовать упорству и неутомимому желанию человека настоять на своем.

— Не знаю... когда жрецы кричат на всех углах, о том, что правитель едва ли не наводит порчу на собственный народ, с этим трудно бороться!

— И не нужно,— отозвался Конан.— Жрецам надо только вовремя заткнуть их смрадные пасти, и многое встает на свои места. В государстве может быть лишь одна власть, а все те, кто только посмеет поднимать вой против нее, подлежат смерти.

Треворус неожиданно пошатнулся и едва не упал, его спасло от позорной потери лица лишь то, что его поддержал вовремя подбежавший оруженосец.

— Я... прошу извинить,— с усилием выдавил он.— Вынужден просить перенести нашу встречу на более позднее время...— голос Треворуса звучал совсем слабо.— Нынче же вечером мы продолжим ее. А пока мои люди помогут вам разместиться и окажут все подобающие и необходимые услуги.

* * *

В отведенных ему покоях Ринальда ощущал такой холод, что зуб на зуб не попадал.

Пребывание в резиденции Треворуса правилось ему с каждой минутой все меньше и меньше, он чувствовал гнетущую тяжесть, исходившую, казалось, от самых стен. Даже свет от огня в камине казался тусклым, и этот огонь почти не давал тепла, что было уж и вовсе невероятно. Скверное место! Повезло Айгану, оставшемуся в Тарантии. Отсюда хотелось сбежать, и немедленно.

Какое-то время он нервно мерял шагами комнату, пытаясь отделаться от этого ощущения.

И это — Аргос?! Поверить невозможно! Аргос, в котором за целый год ненастные дни по пальцам пересчитать, и то только одной руки довольно? А сейчас, говорят, уже которую луну тучи не расходятся, одни дожди, и эта сырость и холод, от которого сводит всё тело. Снова противной, не сильной, но ноющей болью напомнила о себе рана в груди. Ринальд приблизился к огню и опустился на медвежью шкуру, расстеленную на полу, подогнув одну ногу и обхватив руками колено другой. Ему хотелось спать, и голова казалась тяжелой, но лэрда знал, что, стоит только приклонить голову, и вместо сна начнется сплошное мучение в сумятице самых разнообразных мыслей и воспоминаний; лучше так перематываться!

Заполночь затянувшаяся, обильная и тяжелая трапеза в обществе правителя Треворуса и его приближенных еще более убедила Конана и его, Ринальда, в том, что над Мессантией в самом деле, словно тяготеет какое-то проклятье. Мрачное, отрешенное выражение не сходило с лица Треворуса, зеркально отражаясь на лицах всего здешнего двора, разговоры, начавшись было, внезапно умолкали, превращаясь в сплошные недомолвки.

...Да в этом дворце, пожалуй, полно призраков водится, усмехнулся про себя лэрда, которые отчаянно скрывал ото всех свой, безусловно, совершенно недостойный страх перед всякого рода непостижимыми сущностями, преследовавший его всю жизнь, сколько он себя помнил. Хотя ему ни разу не доводилось воочию сталкиваться ни с чем подобным, однако он подозревал, что запросто может повредиться в уме, случись ему встретиться с духом.

Об этом не подозревал даже Айган, но в ночной темноте Ринальду часто казалось, будто к нему тянутся какие-то цепкие пальцы. Отчасти поэтому он ненавидел ночи вообще и в особенности такие, когда ему было не с кем разделить постель. Про такое разве расскажешь даже самому близкому другу?

Пламя свечи позади Ринальда уже чадило, догорая. Неровное оранжевое пятно прыгало, слабо освещая стены и мебель в комнате. Свет плясал, оттого что здесь царил сквозняк, задувавший из-под двери, и потому вид и размеры

вещей были искажены. Ринальд встал, нашел новую свечу и собирался зажечь ее, прежде чем догорит старая, но тут услышал тихий стук в дверь, точно кто-то подавал ему условленный заранее сигнал.

Раз. Два раза. Три...

Почему-то лэрда никак не мог заставить себя повернуть дверную ручку и впустить позднего гостя, застыв, словно в столбняке.

Наконец он всё же распахнул дверь — никого. Вероятно, оставшемуся неведомым посетителю надоело ждать, и он ушел. Но лэрду показалось, что в конце коридора движется высокая белая фигура, бесшумно и плавно, точно не по земле ступает, а...

Он захлопнул дверь, злясь на свою разыгравшуюся фантазию и нелепые для взрослого человека, здорового, крепкого мужчины-воина, страхи. Населенная тенями, ночь всегда играла с ним скверные штуки, превращая привычные вещи в жутких демонов с костлявыми руками и прочую нечисть, не позволяя ни глаз сомкнуть, ни встать с постели, но ведь это было еще в детстве, так невероятно давно!..

Чей-то полуплач-полустон донесся до его уха. Верно, опять проклятые павлины в саду, кому ж еще быть? Туманное освещение раннего утра постепенно вползало в окна. Ринальд, наконец, добрался до постели и, не раздеваясь, мгновенно заснул.

...А открыв глаза, увидел, что на дворе давно уже день. Получается, он чудовищно, безобразно

проспал! А ведь он мог понадобиться королю Конану!

И вообще, как можно было столь надолго утратить бдительность, здесь, в подобном месте, где, вполне возможно, королю может угрожать опасность?

Лэрда стрелой вылетел из своих покоев и отправился к королю, думая о том, с каким стыдом предстанет перед ним, но тут его подстерегала очередная неожиданность.

Ринальду казалось, что накануне он прекрасно запомнил расположение дворцовых помещений, и он не сомневался, что уж покои своего господина найдет без труда. Но не тут-то было. Вероятно, он умудрился перепутать повороты коридоров, при том что на своем пути не встретил ни единой живой души.

Это было как продолжение кошмарного сна, но в конце концов лэрду пришлось признать, что он безнадежно заблудился и совершенно не понимает, в какой части дворца находится. Более дурацкой ситуации трудно было себе вообразить учитывая, что он — не в какой-то забытой богами лесной чащобе, а ни много ни мало в резиденции нескольких поколений Аргосских правителей.

Айган, узнав об этом, должно быть, умер бы от смеха, мрачно подумал Ринальд, но ему самому сейчас было почему-то совсем не смешно, а казалось, будто его водит некий неведомый морок. Лэрда охватило раздражение и гнев. Он просто обязан был как-то отсюда выбраться, и

чем скорее, тем лучше, но не знал, что для этого предпринять, принявшись наугад толкать одну запертую дверь за другой, пока наконец одна из них не отворилась, совершенно неожиданно и почти беззвучно, и он не оказался в помещении, которое, как он понял, являлось детской комнатой.

И здесь он столкнулся с новой неожиданностью, которую при всем желании нельзя было назвать приятной. Ибо взору его предстало существо, вернее, два существа, однако при том составлявшие единое целое: они имели две головы и четыре руки, как и положено двум людям, но начиная от пояса были чем-то невероятным, потому что обладали всего лишь тремя ногами на двоих.

Лица их, совершенно одинаковые, до того, что возникало полное ощущение, будто двоится в глазах, и принадлежали детям лет десяти, серьезно, несколько настороженно взиравшими на незнакомца двумя парами круглых от удивления глаз и еще, они были разительно похожи на правителя Треворуса, так что не оставалось никаких сомнений в том, что это именно его порождения.

Ринальд невольно отступил на шаг назад. Все слова, которые он мог бы произнести, в любой другой ситуации, застряли у него в горле, и он безмолвствовал, не в силах придумать, что говорить и как вообще держаться, пока наконец разум не возобладал над первоначальным потрясением.

Лэрд поклонился, сиюсь выдавать учтивую улыбку, которая, пожалуй, все же больше напоминала гримасу.

— Приветствую... э-э... инфантов... наследников аргосского престола,— произнес он.

Инфанты ничего ему на это не ответили. Их взгляды были также одинаковыми и не выражавшими сейчас почти ничего. И уж точно, не детскими.

Вообще-то у Ринальда не имелось никакого опыта общения с детьми, но он все же подумал, что столь юные создания так смотреть не должны.

Кроме того, они выглядели так, словно очень давно — или вообще никогда? — не покидали пределов дворца, и их лица были бледными до синевы.

— Я прибыл в Асгалун в числе людей, сопровождающих великого короля Аквилонии Конана,— продолжал рыцарь.— Мое имя Ринальд,— он снова поклонился со всем возможным почтением.— Со мной произошла странная вещь. Я не сумел найти никого, кто помог бы мне добратсья до выхода из дворца.

— Короче говоря, ты заблудился в переходах и коридорах,— произнес один из мальчиков, тот, которые был справа.— Я — Химат. А это мой брат Талгат.

— Очень рад нашему знакомству,— лэрд приложил руку к груди.— Это большая честь для меня. Но я был бы вам чрезвычайно призна-

телен, если бы вы оказали любезность объяснить мне, как...

— Мы лучше просто покажем,— вызвался Химат.— Объяснять долго,— ему, похоже, показалась крайне забавной неловкая ситуация, в котором оказался аквилонец, потому что серые глаза Химата оживились и глядели с усмешкой, впрочем, совсем не злорадной, а скорее, даже сочувственной.

Он, вернее, сказать, они довольно шустро вскочили и приблизились к Ринальду, ловко перебирая тремя ногами, а затем покинули детскую. Лэрду ничего иного не оставалось, как последовать за братьями.

— Нам повезло, что мы родились наследными принцами крови,— по дороге произнес Химат.— Будь мы из семьи простолюдинов, нас продали бы бродячему цирку и показывали зевакам за деньги, как поступают со всеми уродами вроде нас.

— По-моему, это в любом случае жестоко,— сказал Ринальд.— Никому в целом свете не позволено издеваться и насмехаться над людьми, если они не похожи на других. Я ненавижу такие представления и нахожу их безнравственными.

— Зато мы бы объездили и увидели весь Аргос, а может быть, и другие земли тоже,— подал голос второй мальчик, Талгат: слава богам, а то лэрда уже было начал думать, что тот, ко всем прочим несчастьям, еще и лишен дара речи.— Посиди-ка здесь, как зверь в клетке. Отец сты-

дится нас, а слуги ненавидят и боятся, считают порождениями демонов и карой за грехи королевского рода, так что мы не можем никуда выходить, чтобы не привлекать любопытных. Если бы я мог, я бы давно сбежал, и плевать, что мы принцы крови.

Он с такою тоской произнес это, что у Ринальда сердце перевернулось. Что за кошмарная участь, никогда не покидать этот не то склеп, не то лабиринт, такой холодный и мрачный! Он сам здесь за одну ночь едва не поседел, каково же всю жизнь провести в подобном каземате? И за какие прегрешения?

— Это неправильно,— убежденно сказал Ринальд.— Вам непременно следует выходить и не обращать ни на кого внимания. Хотите, я поговорю об этом с вашим отцом, правителем Треворусом?

Ну, и кто тянул лэрда за язык?..

— Ты правда это сделаешь? — с отчаянной надеждой спросил Талгат.— Не обманешь? О нас никто никогда не просит, чтобышний раз не расстраивать отца.

— Сделаю,— подтвердил Ринальд.

Маленькая ладошка доверчиво и естественно легла в его руку.

Теперь отступать было, уж точно, поздно, да и некуда, ибо это выражение признательности обожгло душу лэрда столь сильно, что к горлу подступил комок.

Если и существуют на свете клятвы, которые недопустимо преступать даже под страхом смерти, это был раз такой случай.

Дневной свет, показавшийся ему нестерпимо ярким, ударил по глазам.

— Дальше иди один,— сказал Химат.— Вон он, выход-то.

Глава восьмая

у и гораздо же ты дрыхнуть, парень,— усмехнулся Конан, увидев его.— Что, сильно перебрал вчера? Я сначала не велел тебя поднимать, а потом стал думать, куда ты вообще делся.

В голосе короля Аквилонии, впрочем, не слышалось ни гнева, ни недовольства.

— Я... э-э... не спал,— тем не менее, принялся оправдываться лэрд.— То есть сначала спал, а потом так вышло, что...— он сбился, не зная, как признаться в своей нелепой оплошности.

— Не беда,— отмахнулся Конан, избавив его от необходимости продолжать.— Ты, собственно, ничего не пропустил. Треворус предлагает нам осмотреть Мессантию, и я ничего не имею против. Если хочешь, присоединяйся. Кстати, здесь имеются знатные термы, просто грех пройти мимо. Так что седлай коня, и поторопись.

Еще бы киммериец когда-нибудь проходил мимо чего-то, представляющего собою одну из радостей жизни! Ринальд уже сидел в седле, когда к нему подошла Лю Шен. Она, похоже, дворец покидать не собиралась, однако негромко окликнула лэрда.

— Что? — он натянул поводья, останавливая нетерпеливо перебирающего копытами скакуна.

— Ты не присутствовал во время трапезы нынче утром, — сказала кхитайянка, — вот, возьми, поешь.

Она протянула ему завернутые в платок хлеб и мясо, которые Ринальд, вдруг ощутив, что действительно голоден, проглотил, не пережевывая.

— Лэрд, — крикнул Конан, — не отставай!

— Благодарю, — только и успел произнести Ринальд, устремляясь вслед за своим королем.

Что бы ни угнетало Треворуса, он старался быть гостеприимным и отдал распоряжение своим приближенным развлекать высочайших аквилонских визитеров со всем возможным тщанием, что и выполнялось неукоснительно. Дворцы и храмы Мессантии, выступления лучших танцовщиков и акробатов — всё было в полном распоряжении Конана и его людей, так что голова шла кругом. За один день они успели побывать во множестве мест, и в другое время лэрд был бы полностью поглощен этим водоворотом развлечений и впечатлений. Однако нынче даже полдюжины юных темнокожих наложниц, которые разминали его тело в тех самых знаменитых

термах, о которых говорил Конан, и умащивали всевозможными благовониями, не могли полностью вывести Ринальда из задумчивости. Красавицы, следует отдать им должное, трудились, как пчелки, стараясь угодать ему, чем могли, однако не вызывали у Ринальда никаких чувств. Это и его самого удивляло! Обыкновенно, чтобы воспламенить лэрда, довольно было вовсе ничтожной малости, на что бы другое, а на недостаток страстности он пожаловаться не мог.

Ну да и месяц светит, пока солнца нет! Он только тогда ощутил знакомый прилив желания, когда ярко представил на месте этой стайки красавиц всего лишь одну единственную, Лю Шен. Словно всю свою жизнь Ринальд неутомимо искал женщину, которая бы соответствовала некоему идеальному образу, жившему глубоко в душе его, и наконец обрел, а обретя, утратил снова. Вид почти совершенно обнаженных, если не считать за одежду узкие золотые ленточки на точеных бедрах, девушек и вполтину столь сильно не действовал сейчас на него, как коротенькое воспоминание о запрокинутом лице кхитайянки и ее чуть смущенном: «Вот, возьми, поешь...», произнесенном нынче.

Трудно оказать, преследовал ли образ, королевы Зенобия Конана столь же неотступно, но король аквилонский, насколько мог заметить Ринальд, времени даром не терял и в долгих уговорах не нуждался, готовый к бою постоянно: три, не то четыре девушки ползали по нему одновременно, и он ни одну не обошел вниманием,

не оставил неудовлетворенной, набрасываясь на них так, словно год женщин не видел даже близко, а заодно решился значительно увеличивать население Аргоса. Можно себе представить, подумал Ринальд, что же он должен был вытворять, будучи зим хотя бы на двадцать моложе, то есть в его, лэрда, годах?..

При всем том сии развлечения для Конана были так себе, легкой разминкой, ибо он не выказывал никакого утомления, лишь время от времени делая недолгие передышки, чтобы погрузиться в прозрачно-голубую воду бассейна с выложенным мозаикой дном. И диво, что вода в этот момент вокруг него не закипала! Рядом с Конаном никто из его приближенных не выглядел столь же величественно, хотя все они были достаточно крепкими, видными мужчинами. А Ринальд, который за время, прошедшее после недавнего ранения, значительно потерял в весе и силе, уступал, пожалуй, еще более заметно. Он, в конце концов, просто отошел в сторону, ожидая окончания королевских утех; рука его невольно коснулась ужасного багрового шрама, пересекавшего грудь, который не могла скрыть густая поросль темных завитков волос.

— Возвращайся во дворец, — сказал Конан, подходя к лэрду. — Дорогу, верно, найдешь. Мы тут, может, и до утра... сам понимаешь... а с тебя вроде довольно. Завтра тоже день будет не из легких, Треворус предлагает выйти в море, на акул поохотиться. Здесь они возле самого побережья шастают, здоровые такие. Так что иди, от-

дыхай, и, — добавил он, — этого вот. — Конан указал на грудь Ринальда, — не стесняйся. У меня, как видишь, у самого шрамов столько — живого места нет.

С этим нельзя было не согласиться. Вся летопись бурной жизни и приключений аквилонского короля была словно впечатана в его тело.

Ринальд, покинув термы, направился в сторону дворца, кстати вспомнив о своем обещании, данном Талгату (он положил для себя намертво запомнить, что тот из мальчиков, который справа — Химат, а слева — Талгат, и никогда не ошибаться, если снова встретится с ними). Если же и говорить с Треворусом, то сделать это следовало с глазу на глаз, без лишних ушей.

Аргосский правитель и сам редко покидал свою резиденцию, так что на вопрос о нем Ринальду указали, что он найдет Треворуса в оранжерее. Лэрд проследовал туда. Треворус словно не обратил внимания, когда ему доложили об аквилонце. Он стоял среди многочисленных растений и не сводил глаз с увядающего цветка.

— Проклятье, они снова гибнут, — бормотал Треворус. — Виновата эта гнусная погода. Никакого солнца. Растения привыкли к солнцу и не могут без него, — от огорчения его плечи поникли. — Все, к чему я ни прикасаюсь, гибнет.

— Да, — подтвердил Ринальд, сообразив, что вряд ли дождется, когда аргосский правитель уделит ему минуту своего драгоценного внимания, поглощенного цветами, если он будет стоять и молчать. — Да, не только они нуждаются в

солнце. Прискорбно, конечно, наблюдать за увядающей красотой таких чудесных созданий, но куда печальней видеть людей, безвинно томящихся в заключения.

— Ты обо мне? — Треворус вытер испачканные землей пальцы об одежду, как простой садовник. — Но мое затворничество совершенно добровольное и нимало меня не тяготит. Что, король Конан уязвлен тем, что я не сопровождал его лично, и послал тебя оказать мне об этом? В таком случае, приношу свои извинения. Передай Конану...

— О, нет, — возразил Ринальд, — мое появление здесь никак не связано с волеизъявлением моего господина, ибо он не выражал никакого недовольства. Напротив. И речь моя не о тебе, право каждого человека решать, как ему жить. Но твои сыновья...

— Мои... — печаль и ярость исказили лицо Треворуса. — Ты их... видел? Проклятье, снова слуги не уследили! О, прости, понимаю, это удручающее, убийственное зрелище! Но что я могу поделать, скажи мне, что? Это ужас, ужас. Породив их, я сделался позором Аргоса... и, не имея иных наследников...

— Не имея иных наследников, — гневно произнес лэрд, — тебе следует не стыдиться Химата и Талгата, а гордиться ими, ибо они умны, подвижны и добры, сумев посреди всеобщей неприязни не превратиться в затравленных зверенышей. Как можно лишать их возможности даже ненадолго покидать дворец? И собака воеет, сидя

на цепи, а они люди! Люди, — устало повторил он.

Треворус, казалось, был поражен его натиском, однако быстро оправился.

— Ты, вообще, по какому праву указываешь мне, как я должен поступать? — вкрадчиво спросил он. — Я понимаю, что у себя в Аквилонии ты птица высокого полета, но всё ж таки не более, чем слуга своего короля, а слугам не по чину этак дерзко держаться с теми, кто выше них по положению. Здесь пока еще я — правитель и господин, и не потерплю подобных выходов. Я лично сообщу Конану о твоём визите, и не думаю, что его обрадует ситуация, когда подобный тебе смеет вмешиваться в дела короля Аргоса. Кстати, я и лица твоего не запомнил, не то что имени.

— Лэрд Ринальд, — представился рыцарь, сдерживая негодование.

— Прекрасно, лэрд Ринальд. Если ты высказался, так изволь немедленно убраться, — взвизгнул, багровея, Треворус, — я больше не желаю видеть тебя!

Ничего хорошего его гнев Ринальду не сулил. Он как-то, действительно, не подумал, что грубо нарушает этикет, своевольно явившись к особе королевской крови. Треворус был, похоже, человеком достаточно мстительным и злопамятным, так что в исполнении его угрозы можно было не сомневаться. Оставалось надеяться, что Конан отнесется к происходящему с большим пониманием!

В полном смятении чувств и по-прежнему вне себя от гнева, лэрд, круто развернувшись, вышел из оранжереи, оставив Треворуса в окружении столь любезных его сердцу цветочков, что были королю сто крат дороже людей, и постарался выбросить проклятого самодура из головы. Однако на следующий день Конан призвал его к себе и выглядел мрачнее грозовой тучи.

— Что происходит, Ринальд?! — прогремел он. — Верно ли, будто ты осмелился заявиться к Треворусу и повышать на него голос, будучи, ко всему, мертвецки пьяным?! Неужели тебя и на миг нельзя выпускать из виду?!

— Я был совершенно трезв, господин, — произнес лэрд. — Дело же, с которым я обратился к его величеству, было свойства столь деликатного, что я не счел возможным прежде спрашивать твоего совета.

— Я тебя знаю, как никто! Как я погляжу, Ринальд, наш поединок тебя совершенно ничему не научил. Тебе просто нейдет, ослепленному бешеным своим самомнением, ввязываться в ссоры с теми, кто...

— Не мне чета, — закончил за него лэрд.

— Вот, вот именно! Ты даже вины за собой не ощущаешь! Между тем, твоя выходка уже успела осложнить мои отношения с Треворусом, и он не пожелал подписывать договор о морском пути, до тех пор, пока я не выдам ему тебя. Это может стоить Аквилонии такого количества упущенных возможностей, что я просто слов не нахожу!

— Так, значит, выдай меня, — Ринальд стоял, опустив глаза и не смея взглянуть на Конана. — Невозможно, чтобы по моей вине были нарушены твои планы. Я виноват — я и отвечу.

Однако, хотя лэрд, казалось бы, не произнес совершенно ничего оскорбительного, гнев Конана только еще более усилился.

— Ты ответишь?! — рявкнул он, одним прыжком очутившись рядом с Ринальдом и схватив того за грудки так, что плотная ткань одежды лэрда тут же треснула и разошлась. — За что ты вообще способен отвечать, в отличие от меня, вынужденного общаться с этим ненормальным любителем цветочков, от которого невозможно ничего добиться? И вот едва дело пошло на лад, влезаешь еще и ты, перечеркивая все мои усилия! С-собака, — в ряду витиеватых эпитетов, которыми Конан наградил Ринальда, этот мог показаться почти похвалой.

Признаться, киммериец не мог припомнить, когда он в последний раз так на кого-нибудь кричал. Это было совершенно ему не свойственно. Обычно он внешне оставался спокоен, холоден, как сталь, что бы ни случилось. Голос он повышал крайне редко. Да в этом и не было необходимости. Желаемого для себя эффекта он достигал сразу, стоило ему только взглянуть на провинившегося, а тут...

Объяснение этому было только одно, и очень простое. Все последнее время Конан был сам не свой. Поездка в Аргос, поначалу задумывавшаяся почти как недолгая увеселительная прогулка,

превратилась в утомительный, тягостный кошмар, которому — сколько ни бейся, ни старайся — а все конца-края не видно.

Треворус избегал прямых разговоров, даже по самым простым вопросам никак не мог принять решения, бесконечно оттягивал и откладывал подписание договоров... А если и оживлялся ненадолго и проявлял хоть к чему-то интерес, так тема разговора была одна: эти его листики-цветочки из оранжереи, будь они трижды прокляты!

Немудрено, что Конан так взбеленился, обнаружив, что кто-то из его приближенных еще более осложнил ему задачу.

...Приникнув к крошечному слуховому окошку, благодаря которому он различал каждое слово, произносимое аквилонцами, Химат негромко ахнул.

— Это из-за нас! Из-за нас! — прошептал он, содрогаясь. — Я точно знаю

— Что теперь аквилонский король сделает с Ринальдом? — спросил Талгат; более робкий и чувствительный, чем брат, он тут же предательски зашмыгал носом от раскаяния.

— Ничего, если мы вмешаемся, — яростно отозвался Химат. — Бежим!

Появление братьев вызвало у аквилонцев обильный вздох потрясенности.

— Ты молчи, — велел брату Химат, — я старший, я и буду говорить! — его голова показалась из чрева матери первой, поэтому считалось, что он имеет право старшинства. — Этот человек ви-

новен только в том, что вступился за нас перед отцом, мы его сами об этом просили, — он очень старался не позволить своему голосу сорваться, хотя испытывал неимоверные мучения под полными любопытства и отвращения взглядами аквилонцев. — И он это сделал не на совете, а в личной беседе, так что никого не оскорбил. Речь шла о том, чтобы... чтобы... нам иногда позволяли выходить из дворца.

— И всё? — очень тихо и отчетливо спросил Конан.

— Всё, — в один голос подтвердили братья.

— Это правда, Ринальда?..

— Чистая правда, — кивнул лэрд.

Аквилонский король на секунду прикрыл глаза, сию же минуту оправившись с новым приливом ярости, направленной теперь отнюдь не на Ринальда.

— И из-за такого пустяка, которым яйца выеденного не стоит, я унизил одного из своих лучших людей? — Киммериец, словно сам не мог поверить тому, что произносил. — Да я этот паршивый договор Треворусу в глотку заткну! — взревел он.

Ринальд почувствовал, что, счастливо избежав расправы, он вот-вот может превратиться в причину начала открытых военных действий между Аквилонией и Аргосом. Может быть, об этом когда-нибудь станут слагать баллады, но сначала прольются такие реки крови, в которых можно захлебнуться. Несмотря на гордость, которой лэрду было не занимать, по сравнению с

такой перспективой просить прощения у аргосского самодержца показалось ему не столь уж немислимым делом.

— Может быть, его величество Треворус удовлетворится моими нижайшими извинениями? — осмелился он спросить.

— Успокойся хоть теперь-то, — буркнул Конан. — Я сам разберусь.

Вот она, проклятая королевская несвобода!.. В былые-то времена киммериец бы поросту вышиб дух из мерзавца Треворуса за подлый оговор. Но — нельзя, нельзя. Изволь идти, подбирать какие-то слова... там, где и без слов всё ясно.

Глава девятая

аступила новая ночь, однако лэрд, всё еще не в силах успокоиться после предшествующих ей потрясений, снова не мог даже помыслить о сне. Он ощущал нарастающую тревогу и понимал, что это неспроста. Дворец в Мессантии в это время суток наполнялся тенями, шорохами, зловещими звуками, словно был населен незримой нечистью от подвалов до верхних помещений.

Удастся ли Конану как-то исправить положение и загладить его, Ринальда, оплошность? И что будет с Химатом и Талгатом? Лэрд вдруг со стыдом понял, что даже не поблагодарил их за своевременное вмешательство, не выразил восхищения немалым мужеством этих несчастных, понадобившимся, чтобы предстать перед чужаками из Аквилонии: нужно будет непременно

сделать это при первом удобном случае. За что боги так сурово карают человеческие род, позволяя появляться на свет подобным созданиям? У Треворуса есть все основания роптать на судьбу и вздрагивать при одном упоминании о сыновьях... но увы, недостает широты души принять их такими, каковы они есть.

Ринальда подумал о том, каким счастливым ребенком рос он сам — единственный сын, в котором отец и мать души не чаяли и всегда старались показать ему свою любовь. Он, конечно, не был каким-то уродом, но и от совершенства был весьма далек — нескладный, неловкий, робкий, болезненно застенчивый и превращавшийся в вечную жертву собственных детских проделок. Не будущий лэрда, а сплошное огорчение для своего отца, он срывался даже с невысоких деревьев, пытаясь на них забраться, тонул на таком мелководье, где не смог бы захлебнуться и слепой щенок, и умудрялся так чем-то не нравиться собакам, что самые ленивые и смиренные с лаем бросались на него, норовя укусить, так же как лошади — непременно сбросить. Но не было случая, чтобы отец лэрда Руфус, выразил по этому поводу негодование или принялся оскорблять своего отпрыска, словно рожденного быть вечным неудачником и посмешищем!.. Он учил Ринальда мужеству, не унижая, и вере в себя — постоянно подчеркивая, что человек вполне может преодолеть свои слабости, только для этого нужно терпение и время. Так что юный лэрда гораздо чаще слышал — «Я люблю тебя», «я гор-

жусь тобою», нежели недовольное ворчание в свой адрес; говорят, человек знает о любви ровно столько, сколько видел ее в своей жизни — если это правда, рыцарь Ринальд знал о ней очень, очень много, и сызмальства усвоил, что благородство и честь всегда идут рука об руку с великодушием и доброжелательным отношением к миру и людям.

Правда, нельзя сказать, будто лэрда Руфус никогда не поднимал на него руку, но если Ринальду и случалось, подростком, отведать розог, то он точно знал, за что именно, и принимал наказание достойно, ибо отец не поступил бы с ним несправедливо.

И сейчас он не сомневался, что, родись он даже неполноценным, отец и в этом случае сумел бы держаться по отношению к нему совсем не так, как Треворус!..

Когда Ринальду сровнялось одиннадцать зим, в его жизни появился Айган. Произошло это так: один из арендаторов поймал в своем доме вора и притащил его на суд лэрда Руфуса. Оборванный, грязный, голодный и злой, как тысяча демонов сразу, Айган со смесью страха и ненависти взирал на лэрда, ожидая решения своей участи. Руфус же, поняв, что парню просто некуда идти, велел отмыть и накормить этого звереныша и оставил его у себя. Это был рискованный шаг, который, однако, принес свои плоды. В первое время Айган, демонстрируя свою независимость и нежелание принимать чужую милость, все свои обиды на жизнь обрушил на хо-

зыйского сына. Он издевался над Ринальдом, как только мог и при каждом удобном и неудобном случае, мальчишки постоянно дрались, а поскольку, несмотря на то, что они были ровесниками, юный лэрд уступал Айгану в силе и злобности, то и ходил постоянно в синяках и с разбитым носом. Изобретательным пакостям Айгана конца не было! Маленький гаденыш подкладывал колючки под седло лошади Ринальда и корчился от смеха, глядя, как животное сбрасывает того на землю, подсовывал в постель дохлых крыс и змей... но не было случая, чтобы его жертва пожаловалась кому-либо на своего неутомимого мучителя.

Айган тоже знал о любви столько, сколько видел ее в своей жизни. И ничего удивительного в его безоглядной детской жестокости не было.

Да, Ринальд страдал от него постоянно и в толк не мог взять, за какие грехи на его голову свалилось это исчадие преисподней, но гордость и чувство собственного достоинства не позволяли ему просить защиты у отца. Неизвестно, как бы дальше развивались события, но однажды Айган, уж и не зная, чем бы еще досадить человеку, избранному во враги, бросил в огонь одну из книг, которую тот как раз в этот момент читал. И тут словно прорвало плотину. Ярость, мгновенно вспыхнувшая в сердце Ринальда, заставила его одним прыжком перемахнуть через стол и наброситься на Айгана, мигом стерев с ненавистного лица наглую, глумливую кривую ухмылку. Юный лэрд схватил его руку и резко

вывернул — кость сломалась с глухим отвратительным хрустом. Пока Айган корчился от боли, Ринальд произнес:

— Если ты, сволочь, еще хотя бы раз посмеешь сделать подобное, мне придется тебя убить.

И видят боги, это была не угроза, а предупреждение! Он заставил Айгана уважать себя. Но понадобилось еще какое-то время, чтобы тот спросил:

— Слушай, а почему ты так взбесился-то из-за этой пачки паршивого пергамена?

Ринальду очень сложно было объяснить, что для него книги — почти то же самое, что близкие люди, а события жизни их героев он переживает столь же остро, как если бы сам в таковых участвовал; в его глазах, Айган совершил ужасное святотатство. Книги, которые собирал лэрд Руфус, стоили безумно дорого, но он был просто одержим ими и не останавливался ни перед какими затратами, заразив сына тою же страстью. Но где было найти слова, способные прояснить для Айгана, совершенно неграмотного, то, что Ринальду казалось очевидным? Как рассказать слепому о радуге?.. Вместо ответа он принялся рассказывать Айгану одну из самых захватывающих историй о пирате-полубоге, который на своих кораблях прошел все моря, омывающие Хайборию. По мере того, как Ринальд говорил, глаза Айгана становились всё шире, он слушал, замерев, не прерывая и почти не дыша, и потом робко — это Айган-то?! — спросил:

— А что было дальше?

— Дальше было то, что ты сжег, — пожал плечами Ринальд, — я не знаю, чем там всё закончилось.

И тогда лицо Айгана исказилось, и из глаз сами собой потекли слезы, этот парень, который разучился плакать еще в раннем младенчестве (мать надолго, на все бесконечные ночи, оставляла его одного, нередко забывая даже накормить — ори не ори, кто тебя услышит?), этот отчаянный юный бандит рыдал, как ребенок, сотрясаясь всем телом, не в силах прекратить, и вместе со слезами из его души уходила вся годами копившаяся боль и тоска по человеческому теплу, сознание собственной ненужности ни единому существу в мире, смешанные, невероятным образом, с раскаянием в том, как он, не зная, что делает, оказывается, убил отважного пирата-полубога, а вовсе не просто швырнул в камин «пачку паршивого пергамента».

Ринальд был потрясен. Он никак не мог ожидать подобного, полагая до сего момента, что легче заставить плакать камень, чем Айгана.

— У нас есть еще другие книги, — сказал он, — правда! Хочешь, я тебя научу читать?..

С того дня началась их дружба, не прерывавшаяся вот уже почти тридцать зим.

Им было по пятнадцать, когда умерла мать Ринальда, и лэрд Руфус почти сразу последовал за ней. Сын унаследовал отцовский высокий титул и огромные долги: несколько неурожайных лет и благородное сердце Руфуса, не позволявшее ему вовремя взыскивать плату с арендато-

ров, сделали свое дело. Поместье оказалось давно заложенным, так что Ринальда просто вышвырнули из родового гнезда, как приبلудную собаку. И если бы тогда не Айган, имевший богатый горький опыт выживать в любых обстоятельствах, лэрду пришлось бы совсем туго. Но к тому времени они были ближе единокровных братьев, и о том, чтобы расстаться, даже не помышляли, хотя, разумеется, ссоры и отчаянные драки между ними тоже случались.

...Почему-то именно сейчас, в Мессантии, воспоминания нахлынули на лэрда особенно сильно и ярко; он не вполне понимал, думает о них наяву или спит и видит яркий сон, в который погружается время от времени. Ему хотелось, чтобы Айган сейчас оказался рядом, но увы, Конан счел нужным оставить его в Тарантии.

Сквозь тяжелую дрему Ринальд слышал тот же стук, что и в первую ночь в Аргосе. На этот раз он медлить не стал, тут же подскочив к двери и рывком распахнув ее, тем не менее, результат оказался прежним — он никого не увидел, и это было весьма странно. Ничего, кроме тишины и темноты, за дверью не оказалось.

— Может, я начинаю сходить с ума? — вслух сказал лэрд, раздраженно пожимая плечами.

Кем бы ни являлся неизвестный, если только он действительно существовал, так быстро уйти он мог едва ли. Но Ринальд готов был поклясться, что совершенно отчетливо слышал стук! Разве лишь он ошибся относительно источника звука? Но откуда тот еще мог исходить? Помеще-

ния, в которых расположились аквилонцы, находились в средней части дворца, непосредственно под той самой оранжереей, из которой почти не вылезал Треворус. С обеих сторон от комнаты Ринальда были почти такие же апартаменты, где сейчас десятку сон видели двое черных гвардейцев, Ролло и Рестан — уж эти-то молодцы бессонницей точно не страдают, тут хоть стадо слонов пробеги, если они не несут службу и могут позволить себе расслабиться, не услышат ни шума...

Да что ему дался этот стук?!..

Ринальд всё-таки прошелся по коридору в поисках, возможно, какой-нибудь неглубокой ниши, вжавшись в которую, некто (или нечто?) мог какое-то время оставаться незамеченным, однако ничего похожего не обнаружил. Он уже собрался вернуться к себе, когда всё крыло дворца огласилось встревоженными криками. Молодой Морганн, оруженосец Конана, звал на помощь. Ринальд немедленно бросился на его голос, спустя несколько мгновений к нему присоединились остальные спутники аквилонского короля. Морганн, сбиваясь, говорил, что, как и положено, стоял на посту у дверей королевских покоев и вошел внутрь, когда Конан позвал его — но это было и всё, что киммериец успел сделать. Морганн обнаружил его лежащим не в постели, а на полу, и при том без чувств, точно мертвого. В том же состоянии Конан находился и сейчас — вероятно, почувствовав, что с ним что-то неладно, он попытался встать прежде, чем потерял

сознание. Паллантид склонился над ним, коснувшись пальцами трепещущей на шее правителя Аквилонии жилке, облегченно произнес:

— Король жив.

— Пропустите меня! Откройте окна!

Удивительно, с какою завидной силой и порывом маленькая Лю Шен, расталкивая бес толково столпившихся мужчин, рвалась к своему господину. И они уважительно расступились перед ней, зная, что если кто и может сейчас принести пользы больше всех остальных, вместе взятых, так это именно кхитайка. Ей, однако, ничего не пришлось делать: едва лишь в помещение ворвался поток холодного воздуха, Конан пошевелился, открыл глаза и сел, встряхивая головой.

— Что за ерунда? Что происходит? — спросил он.

— Не двигайся, господин, — Лю Шен не просила и не советовала — она требовала. — А вы, кто-нибудь, поднимите его и положите на постель, а не стойте, как стадо баранов!

Паллантид и Морганн исполнили приказание девушки, хотя Конан тут же заявил, что он сам вполне способен встать и ни в чьей помощи для этого не нуждается.

— Нуждаешься, — возразила Лю Шен. — Не надо со мной спорить, господин. У кого-нибудь здесь достанет ума принести воды?..

Воины подчинились ей даже, когда Лю Шен попросила их выйти и оставить Конана с нею вдвоем.

— Что произошло, господин? — опросила она, глядя на него встревоженно и нежно, — Расскажи мне.

— Ну... я не знаю. Мне снился какой-то дурацкий сон, будто я сражаюсь с неким не то человеком, не то чудовищем, я видел только силуэт, но не различал лица. Потом он вцепился мне в горло и стал душить... хотя нет, сначала он, или оно, прижал меня к земле так, что я не мог даже пошевелиться, а затем... я проснулся оттого, что мне было нечем дышать, но оно... это... Как будто не исчезло. Я хотел позвать Морганна, но не успел.

— Ты позвал его, — возразила Лю Шен.

— Да? Я не помню, — Конан всё еще ощущал непривычную слабость, и это его раздражало. — Но всё это просто ерунда, со мной всё нормально.

— Не совсем, — сказала кхитаянка.

Она прекрасно понимала, что происходит в душе Конана. Такие люди, привыкшие чувствовать и осознавать свою силу и мощь, испытывают почти детский страх и растерянность, обнаружив, что тоже уязвимы и смертны. Если бы киммериец был ранен в битве, всё было бы иначе — боль от ран он знал и умел терпеть. Но такая нелепость, как обморок — разве пристало мужчине терять сознание, точно какой-то бабе? Да еще его люди оказались свидетелями этой неизвестно откуда взявшейся слабости! Было от чего испытывать досаду. Девушка успокаивающе прижала свою маленькую прохладную ладонь к

щеке киммерийца. Сейчас он был для нее не королём и господином, а человеком, нуждающимся в поддержке и утешении.

— Тебе надо отдохнуть, господин, — произнесла она

— Это проклятый дворец, — проворчал Конан. — Тут точно какое-то колдовство, я это чувствую!

Лю Шен слышала, как быстро и неровно бьется его сердце, и догадывалась, что гиганту-северянину гораздо хуже, чем он пытается показать. Насчет колдовства она сомневалась, скорее всего, причина такого его состояния — то, что он всю жизнь провел в непрерывной бешеной скачке, не зная никаких передышек. Рано или поздно собственное тело вполне могло предать его. Но как скажешь об этом человеку, упрямо отказывающемуся признавать, что ему уже не двадцать и не тридцать зим?

— Позови Ринальда, — сказал киммериец. — Сейчас.

— Да, конечно, если ты этого хочешь, господин.

— Лю Шен? Ты можешь назвать меня по имени?

— Разумеется, Конан, — легко ответила девушка, сама удивившись, как это у нее получилось. — Лэрд сейчас придет.

Он и не уходил, впрочем, как и остальные, стоя по другую сторону двери, словно в ожидании приговора. Стоило Лю Шен появиться, аквилонцы окружили ее.

— Что с королем? Ты знаешь?.. Ему ничего не нужно?..

Молчал один только Ринальд, снова отчетливо вспомнив своего отца. И как лэрд Руфус однажды просто упал, коротко вскрикнув, и больше не поднялся. Да, Ринальд молчал и вообще держался чуть в стороне от остальных, но по его напряженному серому лицу Лю Шен сразу поняла, насколько он встревожен.

— Ему нужно, чтобы вы оставили его в покое и перестали толкаться на пороге и говорить все разом, — произнесла Лю Шен. — Расходитесь и ничего не бойтесь. Господину уже лучше. Лэрд Ринальд, король звал тебя.

Рыцарь вошел и почтительно остановился перед Конаном.

— Сядь, — махнул тот рукой. — И послушай... вот, ты бы это, не обижался на меня, что ли. Ну, я погорячился, да. Сам знаю.

Конан, который в чем-то раскаивается — на это стоило посмотреть, другого такого случая и во всю жизнь могло не представиться!

— Право суверена... — начал было Ринальд.

— Иди ты с этим правом. Я унизил тебя ужасно, публично, да еще и несправедливо. Простить этого не могу ни себе, ни Треворусу. Ладно бы просто кулаком по морде съездил, а то ведь... я был рабом и знаю, каково это — терпеть унижения прилюдно.

— Я тоже был рабом в Кхитае.

— Знаю! Видел шрамы у тебя на спине, которые с другими не спутаешь, от кнута следы. Так?

— Да.

— Так вот, честью клянусь, а мое слово — верное, что никогда на тебя руку не подниму. И давай забудем об этом.

— Считай, я уже забыл, господин.

Конан вздохнул с таким облегчением, что лэрд понял — ему было важно это услышать.

— А на акул пойдешь со мной? — спросил киммериец.

— Конечно, — охотно согласился Ринальд. — Ни за что такую охоту не пропущу. Это ж не карасей из пруда таскать!

— Хорошо, никто не против, чтобы вы перебили всех акул возле побережья и впридачу крокодилов в аргосских болотах, — вмешалась Лю Шен, — но только не сегодня. Пусть пока живут.

Глава десятая

А где там подевался этот бездельник Рестан? — громко спросил Паллантид. — Или этому... с позволения сказать, воину, хоть камни с неба вались, дела нет, вообще, ни до чего? Нет, ну что за безалаберность?!

Действительно, среди остальных Рестана не было. Ролло вызвался сходить за ним и отсутствовал очень недолго, а когда возвратился, на лице гвардейца было написано сильнейшее потрясение, у него даже волосы на затылке приподнялись, как шерсть у собаки.

— Он... Рестан...

— Что? — спросил Паллантид. — Да говори ты, а не заикайся!

— Он мертв, — выпалил Ролло.

...Действительно, молодой гвардеец был безнадежно мертв уже несколько часов, и его тело

успело остыть. Темно-карие глаза оставались удивленно распахнутыми, словно перед смертью Реотан увидел нечто, крайне его поразившее, а цвет лица ясно указывал на то, что умер он от удушья.

— Задохнулся?! — Паллантид осмотрел шею Рестана, но не обнаружил никаких следов, соответственно которым можно было утверждать, что гвардеец погиб от чьей-то руки. — Проклятье! Я ничего не понимаю. Кто из вас последним видел его живым?

— Я, — сказал Ролло, — мы играли в кости, а потом я ушел. Он проигрывал... мы решили продолжить завтра.

— А сейчас, когда ты входил к нему, дверь была открыта?

— Я постучал, но Рестан не отозвался. Тогда я толкнул дверь, и она, правда, оказалась незаперта.

— Позовите Лю Шен, — велел Паллантид, тут же вспомнив, где и с кем находится кхитайнка.

Повисла напряженная пауза.

— Мы должны сообщить Конану о Рестане, — всё-таки решил Паллантид. — Король не может оставаться в неведении относительно того, что здесь происходит! Нам всем следует понять, что мы в этой треклятой Мессантии, — на чужой и, демоны меня разорви, враждебной земле, а не у себя дома, и эта смерть — тому горькое подтверждение.

... — Я уже видела такое, — Лю Шен приподняла руку Рестана, разглядывая синие ногти на его

пальцах, затем оттянула вниз его веки.— Да, видела, и могу утверждать, что он отравлен каким-то не сразу действующим, но очень сильным ядом, от которого останавливается сердце.

— Значит, всё-таки убит,— Паллантид сжал кулаки.

— Но он не ел и не пил ничего такого, что не употребляли и все мы,— усомнился Ролло.— Однако остальные все живы, а Рестан...

— Живы. Пока,— мрачно уточнил Паллантид.

— Отравить человека можно не только через еду и вино,— сказала Лю Шен.— иногда довольно крошечного укола, простой царапины. Надо осмотреть каждый дюйм его тела, прежде чем подготовить к погребению, может быть, это что-нибудь прояснит.

— Мы подготовим к погребению всю Мессантию,— прорычал Паллантид.— Никто не смеет безнаказанно убивать наших людей! Треворус ответит за это!

— Конан...— Лю Шен подняла голову и посмотрела в суровые лица мужчин.— Наш король тоже был в одном шаге от точно такой же смерти. Всё очень похоже. Кто-то пытался покончить не только с Рестаном,— отчетливо произнесла она вслух то, о чем уже успели подумать многие, и напряженный голос девушки зазвенел от ярости.— Но это не значит, будто именно подданные Треворуса решилась на подобную подлость. Поверьте, мне тяжело говорить об этом, однако убийцей может быть один из нас, и он не оставит своих попыток.

Наступила такая гнетущая, полная тишина, в которой не слышалось даже дыхания.

— Один из нас? — первым нарушил молчание Паллантид,— Я лично подбирал самых надежных людей, обвинить кого-то из них — значит обвинить меня самого! Черная гвардия — не змеиное гнездо предателей!

— Не все, кто отправился с королем в Аргос, принадлежат к Черной гвардии,— ей хотелось умереть раньше, чем она закончит, но долг велел продолжать и договорить до конца.— Два человека не находятся в твоём личном подчинении, Паллантид: я сама. И лэрда Ринальда.

«Убийца... не оставит своих попыток... лэрда Ринальда...»

Ринальд, который один раз, уж точно, пытался убить Конана на глазах всей Тарантии! Тогда, в открытом бою, он проиграл, но значило ли это, что на том и успокоился?

Не было руки, которая в этот момент не потянулась бы за оружием, и не было сердца, в котором не вспыхнул бы гнев, способный расплавить даже камень!

В самом деле, в словах Лю Шен была железная, совсем не женская логика. Покушаться на жизнь короля Аквилонии подданным Треворуса не было ни смысла, ни выгоды. Вряд ли в Мессантии нашелся бы безумец, желающий видеть Аргос растоптанным подковами коней аквилонской армии, которая непременно начала бы, в таком случае, войну. Что касается Черных гвардейцев Паллантида, каждый из них доказал свою

преданность Конану не один раз. Кхитайка также оставалась вне всяких подозрений. Вывод напрашивался сам собой.

Вокруг лэрда немедленно сомкнулось плотное кольцо.

Только железная дисциплина не позволяла гвардейцам прикончить его, не дождавшись приказа.

Паллантид скрипнул зубами.

— Убейте эту мразь.

— Только право короля выносить ему приговор,— на лице Лю Шен не дрогнул ни один мускул, на нем лишь губы двигались — через силу и такую страшную душевную боль, что кхитайка сама не понимала, чем так прогневила богов, которые заставляют ее проживать одно мгновение кошмарней и невыносимей другого...— Судить и предать казни.

— Да,— согласился Паллантид.— Умереть прямо сейчас — такой милосердной смерти он не заслуживает. Ролло, арестуй его.

Ринальд не оказал никакого сопротивления. Он словно вдруг вообще перестал понимать, что происходит.

Паллантид шагнул к нему и изо всей силы наотмашь ударил по лицу.

Голова лэрда дернулась, но он и тут не издал ни звука.

Когда его уводили, Ринальд не видел, что на правой щеке Лю Шен расплывается багровое пятно — в том же месте, куда ему самому нанес удар глава Черной гвардии.

* * *

— Ринальд?

Он не хотел ни отвечать, ни вообще подавать признаков жизни, ибо за эти сутки впервые подумал о своем отце более с досадой, чем с любовью. Лэрд Руфус, зачем ты породил меня на свет таким сильным, что я пережил это?

— Мы слышали, о чем говорят все ваши,— продолжал Химат, зная, что рыцарь его прекрасно слышит.

— И наши тоже,— добавил Талгат.— Весь дворец гудит об одном и том же.

— Оставьте меня в покое,— попросил Ринальд.— Я не знаю, как вы сюда пролезли, но ради всего святого, уходите тем же путем, а?

— Но ты же не собирался убивать вашего короля. И того парня тоже.

— Мне нечем это доказать,— бесцветно возразил Ринальд.

— Конечно, до тех пор, пока ты не найдешь, кто это совершил на самом деле.

— Я? — если бы мог, Ринальд бы засмеялся, но он забыл, как это делается.— Разве что мой дух вернется с Серых Равнин после того, как меня повесят.

— Твоему духу вовсе не обязательно расставаться с телом,— Химат достал нож и перерезал веревки на руках и ногах лэрда.— Вставай. Из этого каземата есть два выхода. В одну дверь вталкивают преступника, чтобы он здесь ждал казни, а через вторую выводят во внутренний

двор, где она совершается. Ты пройдешь через нее. Но не на казнь.

— А куда ж еще?.. — запястья и кисти рук Ринальда ужасно распухли, он не чувствовал своих пальцев, а ступни начали понемногу отходить, вызывая примерно такие же ощущения, как если бы в них вонзили разом сотню раскаленных игл.

— С этого внутреннего двора умершего затем вывозили через Ворота Смерти и сбрасывали в ров, — продолжал обстоятельно объяснять Химат. — Они узкие и не заперты. Ты сразу окажешься за пределами дворца, в Мессантии. С той стороны выставлен караул, но он скоро сменяется. Ты успеешь проскочить, пока внешний дозор передает следующему по очереди, если поспешишь. Мы проводим тебя. Мы знаем дворец так же хорошо, как лес — звери, и тайные подземные норы — кроты. Ну, давай же, Ринальд, пожалуйста, встань — ты ведь можешь! — умоляюще сказал он.

И лэрд поднялся. Удивительное дело, Химат и Талгат предусмотрели всё. Его путь до свободы не занял и нескольких минут. Как понял Ринальд, он провел в камере около полутора суток — над Мессантией сгущались серые сумерки перед следующей ночью, а дождь лил сплошной стеной.

Ринальду пришлось, действительно, преодолеть ров за стеною дворца. Торопясь, он споткнулся о какой-то желтоватый камень, выбив большой палец босой ноги, выругался сквозь зу-

бы, взглянув вниз: не камень, а человеческий череп взирал на него пустыми черными провалами глазниц.

Пока выбирался наверх, несколько раз срываясь и сползая назад по мокро-вязкой глине, лэрд успел приобрести такой вид, что теперь в нем ни одна живая душа не признала бы знатного человека. Правда, он не имел счастья видеть самого себя, но догадывался, что выглядит, как бродяга — босой, мокрый насквозь, оборванный и грязный, с заросшим короткой жесткой щетиной лицом. И он понятия не имел, куда идти — главное, оказаться подальше от дворца, в котором остались люди, убежденные в его предательстве и вероломстве, в том, что он покушался на жизнь Конана и убил Рестана.

«Ты не докажешь свою невиновность, если не найдешь того, кто совершил это на самом деле».

О если бы он знал, откуда начать поиски!..

Глава одиннадцатая

Я дойду до тебя, где бы ты ни была.
Не тревожся, поверь — я сумею.
Через дикие горы и полчища зла,
Что мечом изрублю и рассею.
Долечу до тебя, только ты подожди —
мое чистое, долгое эхо.
Ни ветра, ни колючие злые дожди —
Ничего мне теперь не помеха.
Доползу до тебя! Если станет невмочь,
ты залечишь мне раны, родная.
Ярким светом рассеется долгая ночь,
Отойдем от зловещего края,
Не дождавшись меня, ничего не споешь
И другому откроется дверца —
Значит, так суждено. Неспособный на ложь,
Сохраню я тебя в моем сердце.

Питер Эннар «Стремление»

— Однажды — это было уже давно — я сказал одному человеку, очень юному: «Научись по-лучше разбираться в людях и отличать того, кто

способен вонзить нож в спину другого человека, от того, кто никогда не поступит подобным образом», — произнес Конан. — Это была девушка, уверенная в том, что я собирался прикончить ее отца, моего друга, из-за женщины, которую мы оба любили.

Это было первым, что он произнес за сутки, прошедшие с момента известия о смерти Рестана и аресте Ринальда. До сих пор король Конан не выразил никаких чувств по поводу того и другого.

Все это время он просто молчал и думал, что было очень не похоже на обычное резкое, импульсивное поведение киммерийца. А теперь заговорил, но почему-то тоже совершенно не о том, чего от него ожидали услышать.

— Но я-то, слава богам, не наивный юнец, — продолжал Конан. — И не верю в то, что Ринальд мог предать меня. Он не враг. И уж точно не стад бы действовать подло.

— А кто же еще мог... — начал Паллантис.

— Будь я проклят, если знаю, но в любом случае я сначала хочу выслушать Ринальда!

— Он ничего не сказал в свое оправдание.

— Естественно! Он и не должен оправдываться! Его вину никто не доказал.

Лю Шен слушала короля, замерев. Ведь это она, она высказала вслух свои подозрения, хотя сердце подсказывало ей то же самое, что и Конану. Но долг требовал не исключать даже малейшей возможности...

— Приведи его ко мне, Паллантид,— велел Конан.— А ты, малявка, перестань же, наконец, плакать, ты скоро всю Мессантию утопишь в слезах! Одно горе с этими бабами!

Кхитайка покайнно замотала головой, но поток слез от этого не остановился, хоть руками глаза зажимай.

Паллантид возвратился спустя непродолжительное время, но Ринальда с ним не было, а лицо главы Черной гвардии было перекошено от бешенства.

— Вот и доказательство его вины,— сдавленно произнес Паллантид.— Куда уж требовать иных. Он сбежал!

— Сквозь стену? — вкрадчиво опросил Конан, сверля Паллантида глазами.— Там что, охраны не было?!

— Трое человек... но он как-то сумел перерезать веревки и уйти через вращающуюся дверь и внутренний двор! Там... эта дверь... тяжеленная каменная плита, но вделана так, что поворачивается легким нажатием, надо только знать, куда нажимать. Мы даже не подозревали об ее существовании! Нам сказали, что в этом каземате держали смертников, и надежнее его не сыскать.

И тут Конан рассмеялся.

— Провались ты на месте, Паллантид, и я вместе с тобою, но мне нравится этот парень! Кром! На его месте почти каждый просто лежал бы в собственном дерьме и скулил от страха, а он исхитрился сбежать! Вот хоть съешь теперь

собственные сапоги от досады... Ладно! Прочешите все углы и закоулки Мессантии и найдите его. Надеюсь, люди Треворуса вам в этом охотно помогут.

Глава двенадцатая

В глубине темного сквера, в двадцати шагах от Ив, раздались лязгающие звуки стали и дикий вопль человека, лицом к лицу столкнувшегося со смертью. Ив прижалась к стволу дерева, чтобы две закутанные в серые плащи тени, бросившиеся бежать, не обили ее с ног.

Один из бегущих, не заметив ее, промчался мимо, а второй, что был чуть позади, наткнулся на нее и взглянул так, что она поняла: это конец. Такие никогда не оставляют случайных свидетелей.

Опередив его, Ив шнула незнакомца в пах с такой силой, что сама не удержала равновесие и упала, но тут же вскочила и увидела перед собой уже третью фигуру, призраком возникшую из мрака ночи. Свет мерцавшей на небе луны, всего на миг выступившей из-за туч, блеснул на

лезвии меча, занесенного над головой Ив... но прежде, чем холодная отточенная сталь коснулась ее, раздался торопливый звук шагов, и в слабом свете возник силуэт мужчины. В то же мгновение взметнувшийся над Ив меч отлетел в сторону.

— Собаки,— крикнул незнакомец,— неужели вы способны зарубить женщину?

Тот, кто едва не лишил Ив жизни, издал нечто вроде рычания и бросился на ее спасителя, однако мужчина, хоть и безоружным, дрался так отчаянно и умело, что его противник был вынужден ретироваться.

— Спасибо,— сказала Ив,— мне повезло, что ты оказался рядом в нужный момент.

— Я только сделал то, что подобает мужчине,— хмуро ответил он.— Прощай.

— Подожди,— Ив, прищурившись, оглядела его.— Сдается мне, мальчик, что тебе не мешает где-нибудь обсохнуть и поесть.

— Ничего себе «мальчик»,— проворчал он.

— Да, ничего себе,— кивнула Ив.— Храбрый и не из слабаков, точь-в-точь мой покойный сын, мир его праху. Славный был боец, весь в меня! Тебя как кличут-то?

— Ринальд,— представился он,

— Ну а я — Хромая Ив, не слышал?

— Нет,— признался Ринальд,— а должен был?

— Зим тридцать назад меня знала вся Мессантия. Я шла дорогой мужчин и вела образ жизни мужчины, пила, ругалась, ходила в походы и сражалась так, что мне немного находилось

равных в бое на мечях. Однажды, переодевшись мужчиной, я выбила на турнире из седла барона Авгарата, моего будущего мужа, тоже давно покойного... Э, славные были деньки! Ну, довольно тебе слушать старческую болтовню, идем-ка лучше со мной.

Ринальд повиновался. Собственно, терять ему было нечего, а при упоминании о еде так засосало под ложечкой, что он бы и за демоном пошел.

Хромая Ив провела его какими-то проулками до своего дома, небольшого, но вполне пригодного для жилья. Главное, здесь было тепло и сухо. Ринальд устало опустился на скамью у стены и прикрыл глаза.

— Ну, ну,— Ив потрясла его за плечо,— не спи. Снимай с себя это мокрое рваньё. А ноги-то как сбил! Это что же ты делаешь? На таких ногах далеко не уедешь,— проворчала она, согревая воду и выливая ее в некое подобие деревянной ванны.— Иди сюда, мальчик.

Ринальд стащил через голову липнувшую к телу рубашку.

— Штаны тоже снимай,— усмехнулась Ив, заметив, что он медлит с этим делом.— Меня стесняться нечего, я на своем веку перевидала столько мужчин, сколько ты бокалов вина не выпил. Вот так. Сейчас согреешься.

Горячая вода заставила сбитые ноги занять с новой силой, но наслаждение от тепла и покоя было таким невероятным, что Ринальд блаженно вздохнул.

— Хорошо? — опросила Ив,— Надо думать! Давай помогу тебе смыть грязь.

Несмотря на солидный, возраст, она была худой, высокой и без намека на немощную согбенность. Вероятно, в молодости Ив считалась настоящей красавицей. Ее сухие сильные руки, крупные, с узловатыми пальцами, ловко терли тело Ринальда жесткой тканью, сложенной в несколько раз. Он откинул голову на край и боролся с тем, чтобы не заснуть.

— Вставай, мальчик,— Ив протянула ему полотенце.— Держи, вытрись.— Она дотронулась до шрама на его груди.— Кто тебя так?.. Впрочем, дело не мое. Сильно болит?

— Уже почти нет,— отозвался он.

— Ложись в постель. Если дождешься, я тебе поесть принесу. Ничтожная плата за спасение, но уж ты не обессудь: чем богаты...

Ив с удовольствием смотрела, как жадно Ринальд поглощает принесенные ею лепешки, мясо и овечий сыр.

— Еще хочешь? — спросила затем.

— Хочу,— признался он,— но не могу: некуда.

— Тогда поспи. Я тебя тревожить не буду.

Дважды повторять это Ив не пришлось. Ринальд перевернулся на живот и мгновенно заснул, Ив погладила его взъерошенный затылок и натянула одеяло на плечи.

— Шенар,— позвала она и негромко свистнула.

На зов явилась огромная черная лохматая собака, покосилась в сторону незнакомца и пре-

данно, осмысленно уставилась на хозяйку, ожидая приказание.

— Свой,— указала Ив на Ринальда.— Охраний.

Пес улегся возле постели, положив тяжелую голову на передние лапы.

Ив открыла дверь и растворилась в ночи.

...Она возвратилась назад поздним утром и увидела, что ее гость лежит, закинув руки за голову, и, похоже, уже давно ее дожидается.

— Твой пес...— начал он.

— Шенар? Полагаю, он не позволил тебе даже спустить ноги с постели, а ты был достаточно благоразумен, чтобы с ним не спорить, и правильно сделала,— оказала Ив,— Ну, как отдохнул?

— Лучше не бывает,— ответил Ринальд.— Но мне надо идти.

— В чем? — поинтересовалась Ив.— Может, сначала оденешься, если не побрезгуешь вещами моего Энекенна? Ему они всё равно уже не нужны, а тебе сгодятся. Вы с ним всей статью похожи. Тоже был жеребец не из последних. Я всё сохранила, и одежду его, и кольчугу, и шлем... Погляди-ка вот!

— Не знаю, как тебя благодарить,— оказал Ринальд.— Ты вправду была воительницей?

— А как же,— подтвердила Ив.— Мой отец погиб, брата убили на турнире в Шеме. Я осталась последней из рода и приняла обличье мужчины, чтобы бросить вызов судьбе. С юности не знала другой жизни. Да я ведь еще и родилась

хромой. Правду оказать, мне это никогда особенно не мешало! Иные и со здоровыми ногами не могут того, что умела я. Думаешь, хвалюсь напрасно? Нет, Ринальд! Замуж, конечно, вышла поздно, долго не могла сыскать мужчину себе под стать. Если и были славные парни, так то — боевые товарищи. А так, которым просто блуд почесать, мне самой было не нужно... Ты ведь не из Мессантии? — без перехода опросила Ив.

— Из Тарантии. Аквилонец.

— Подданный Конана? Это хорошо. Я сама думала податься в Тарантию, надоело на месте сидеть. Да тут еще пока дела хватает. Смотри вон, что нашла,— Ив показала Ринальду крупный ограненный алмаз.— Знаешь, где? На том самом месте, где мы с тобой вчера встретились. Пока ты спал, я туда еще раз наведальась. А что думаешь? Нашла того, кого эти, серые, прикончили. А камень при нем был. И... второго нашла.

— Так вчера убили двоих?

— В том и дело, что одного. Второй же был мертв и похоронен дня три тому. И ради всего святого, я не понимаю, зачем Гильган выкопал его из могилы и тащил на себе!..

— Гильган?

— Убитый,— пояснила Ив.— Верно, не зря говорили, будто этот, Нагуд, был колдуном, а молодой Гильган — его тайным учеником. Нехорошее, темное дело, вот что.

Ринальд покрутил алмаз в руках и вернул женщине.

— А ты узнала кого-то из убийц?

— Нет. Не успела разглядеть из-за капюшонов.

— Если они охотились за камнем, то почему не взяли сразу и не возвратились потом, как ты?

— Их кто-то спугнул. Они же и на меня налетели, когда убегали, так что не успели прихватить с собой добычу. Гильган лежал вниз лицом, мне пришлось перевернуть его на спину, и тогда я увидела камень, которые он прижимал к груди. У него череп раскроен боевым топором до плеча. Представляю, какой силы был удар!

— По крайней мере, несчастный умер сразу, не мучаясь,— сказал Ринальд.

— А тебе было жаль, прими он более тяжелую смерть? — с любопытством спросила Ив.— Что тебе до Гильгана, если ты и знать его не знал, и даже имя его от меня впервые услышал?

— Не люблю бессмысленных страданий,— ответил Ринальд.— В мире и так довольно зла. Я никогда не пьянею от крови.

— А со мной бывало,— призналась Ив.— Но женщины вообще более жестокие существа, чем вы, мужчины.

С такой точкой зрения лэрд столкнулся впервые.

— Но как может та, что дарует жизнь, испытывать удовольствие, отнимая ее?

— А так вот и может,— проворчала Ив.— Сомневаешься? Ты когда-нибудь видел, как женщины дерутся между собою, стараясь выцарапать сопернице глаза? Ни на одном турнире не встретить подобного. И мстим мы страшно, хотя

и ждем порою возможности сделать это долгие-долгие зимы, но никогда ничего не забываем и не прощаем. Поверь, я похоронила всех, кто был мне дорог, и ни один из них не умер дома в постели, ибо все они были достойными воинами, и смерть раньше срока отнимала их у меня. Но те, кто становился ее орудием, не избежали той же участи, погибнув уже от моей руки, и я была счастлива, когда мой клинок вонзался в их черные сердца, и еще прежде — лицезрея, как они трясутся от страха, не зная, что их ждет. Мои любимые покоятся с миром, зная, что отомщены.

Глаза Ив вспыхнули при этих словах, точно в них на миг отразились отблески давних погребальных костров.

— Ив,— не выдержал Ринальд,— скажи мне, как возможно, чтобы женщина предавала свою любовь? Или и нет никакой любви на самом деле, и миром правит только зло и насилие?

— Любовь?..— она задумалась.— Есть... да только она живет в сердце, как птица в клетке, и пока живет, сердце твое болит и рвется на части, так что ты не знаешь, куда деваться от этой муки своей; но если вылетит, то уж назад не вернется, и будет в груди такая невыносимая пустота, словно человек уже умер, ибо нечем ему жить да и незачем, пожалуй! А та женщина, которая любит, не предаст никогда. Это — нет, невозможно.

— Ну, значит, просто я недостоин таких высоких чувств,— сухо заметил Ринальд,— и вызывать их не способен.

— Я так не думаю, мальчик. Что ты мучаешься? Расскажи мне, что с тобой случилось. Вряд ли меня еще можно чем-нибудь удивить!

«А что я теряю? — снова подумал Ринальд.— Всё что могли, у меня и так уже отняли! К тому же эта Ив знает многих в Мессантии; вдруг сумеет помочь мне найти Эвера!»

Однако, сам не зная почему, он заговорил не об Эвере, а о Лю Шен и о том, как именно она обвинила его в измене королю — та, от которой, он меньше всего ожидал такого! Уже потом, начав свою историю с конца, Ринальд поведал Ив и обо всем остальном, добравшись, постепенно, до поединка и Дэйны.

— Теперь ты видишь, что меня только используют, словно какую-то вещь, а я не понимаю, почему и за что! — произнес он.— Я даже простого доверия, оказывается, не стою!

— Мальчик,— покачала головой Ив,— ну как же не стоишь? Разве твой друг усомнился в тебе? Или даже эти несчастные отпрыски Треворуса? Или Конан?

— Про короля я ничего не знаю, я ведь сбежал, так и не увидев его.

— О, зато мне кое-что известно об этом старом мерзавце, твоём короле,— заявила Ив.— Если только он не выжил из ума, этот бабник, пьяница и проклятый вор, которого я обожала прежде и до сих пор люблю, как брата, так вот, если он еще не все свои мозги пропил по кабакам и ему их не вышибли в драке, то чтоб мне провалиться, если киммериец не верит тебе! Он,

старый пес, нюхом чует своих и от чужих различает, как никто другой. Конечно, если ему под горячую руку попадешься, может и кровавые сопли выбить, это запросто, но не со зла. Просто он очень уж горяч! Помню, как мы с ним по всем аргосским кабакам целую седмицу гуляли. Он на руках носил меня... а уж когда смеялся, стекла в окнах дрожали! У него ведь, я помню, здесь вот, между передними зубами, такая щель была, да? А мне тогда милее его оскала ничего на свете не было...— она вздохнула, вспоминая.— Ревновала его, ужас, да что толку, если мы, бабы, на него гроздьями сами вешались? Страхивать нас, что ли?.. Так ты говоришь,— она вдруг словно опомнилась,— кто-то его смерти хочет? Да, Ринальд?

— Похоже на то.

— Сволочи,— резко произнесла Ив.— А ваши эти Черные гвардейцы что там ушами хлопают? Ну, ладно! Где от мужиков толку чуть, там даже такая старая карга, как я, сгодится. Ну ты подумай, мальчик: если ты не виноват, значит, тот, кто такое скверное дело задумал, до сих пор крутится возле Конана, и неровен час...

— Верно,— согласился Ринальд,— но я же не могу туда вернуться.

— Конечно, не можешь. Тебя сначала повесят, а потом начнут думать, что, может, не того, кого надо, вздернули. Это запросто. Зато я могу пойти во дворец. О тебе говорить не стану, Ринальд. Ты лучше покрутись по Мессантии, может, наведут боги на твоего Эвера. Я слышала, возле Ста-

рой площади две-три луны назад поселились двое, вроде как брат и сестра, из Гандерланда. Женщина — баронесса, вдова, одевается так, что целое состояние на себе таскает. Ее и при дворе принимали. Попробуй, наведайся туда, только будь поосторожнее, смотри, ни во что не ввязывайся, а то я знаю таких — вечно демоны вас в новые омуты затягивают. Вечером приходи ко мне, как домой. Пса не бойся: я велю — он тебя впустит, если меня не застанешь.

— А с этим что делать? — Ринальд указал на алмаз.

— Пока в голову не бери. Пусть лежит, есть не просит! После и о нем подумаем.

Глава тринадцатая

м-м, мой господин, осмелюсь побеспокоить...— Морганн переступил с ноги на ногу, не зная, как и сказать то, о чем его послали доложить королю,— там тебя спрашивает какая-то ведьма.

— Кто? — переспросил Конан, не веря своим ушам.

— У ворот дворца стоит и не уходит. Хочу, говорит, видеть аквилонского правителя. Пробовали гнать, но она какая-то ненормальная. Заявила, если о ней не скажут, ты с нас всех шкуры сдерешь, когда узнаешь, кто приходил. И вот, велела передать тебе,— Морганн аккуратно достал из кармана позеленевший от времени медный амулет в виде маленького дракона с несомерно огромным детородным органом.

Конан вскочил в сильнейшем волнении и, молча оттолкнув онемевшего оруженосца и сжи-

мая амулет в кулаке, бросился за пределы дворца с такой скоростью, что Морганн едва поспевал за ним.

А уж когда аквилонский правитель стиснул в медвежьих объятьях ту, которую ему представили как «ведьму», оруженосец смешался окончательно, не зная, как это понимать.

— Килл-онир-урр! — прогремел голос короля. — Ив, сукина дочь, это действительно ты?!

— Нет, это мой призрак вылез из могилы, чтобы надрать тебе задницу за то, что столько лет не вспоминал обо мне! Но ты растопил его сердце или что там еще бывает у призраков, тем, что не забыл боевой клич моего клана, — женщина, произнося это, гладила руки и лицо Конана и всё никак не могла от него оторваться.

— Разве забудешь, как от этого клича улицы мигом пустели? — засмеялся король. — Ох и страху ты на всех нагоняла! Ив... ну надо же! — он взял ее лицо в ладони и вгляделся. — Самая отчаянная девчонка в Мессантии!

— Страшная стала, да? — женщина усмехнулась.

— Не для меня, красавица, — серьезно ответил Конан, целуя ее глаза. — Да мне стоило пешком отправиться в Аргос, только чтобы тебя здесь встретить снова. Ну, идем же! Хотя, что это я? — он легко подхватил Ив и прижал к груди. — Прекрасных женщин полагается на руках вносить во все дворцы и замки Хайбории! Морганн! Распорядись-ка там насчет пожрать, чтобы в честь Хромой Ив стол был всем на зависть!..

* * *

По совету Ив, Ринальда направился в сторону Старой площади и какое-то время оглядывал, один за другим, роскошные особняки в ее окрестностях.

Здесь издревле селилась аргосская знать, и подступиться к великолепным строениям за чужунными воротами было делом нелегким — все они отменно охранялись. Нет, так сразу ничего не получится...

Он зашел в ближайшую таверну, совершенно не имея цели как следует напиться, но будучи почти уверен в том, что послушать пьяные разговоры иногда бывает весьма полезно. Пройдя через зал, Ринальда устроился в дальнем углу и склонился над кружкой эля, принесенной подоспевшим слугой, стараясь не погружаться в собственные размышления, а внимательнее прислушиваться к гуду голосов.

— Эта шлюха оказалась хитрее прочих, — громко и насмешливо возмущался один из завсегдатаев. — Подумать только, говорят, она преподнесла ему не свои женские прелести, а какой-то проклятый... — Ринальда не разобрал, о чем речь. — Но и насчет прелестей дело не стало, не сомневаюсь! Новая фаворитка уже вовсю мутит воду, а это хуже нет, когда баба начинает командовать.

— Я видел ее, Сутпак! — отозвался второй собеседник. — Роскошная женщина, что и говорить! Только я для нее недостаточно знатен, она на меня и глядеть не хочет. Ей подавай не купца, а

какого-нибудь барона или там князя, или... и того выше забирай! При том что я пол-Мессантии могу купить, титула-то нет.

— Рэйм, приятель, плюнь ты на нее! Вокруг полно красавиц, бери любую, а на королевскую подстилку не зарься, пока глаза не привыкаливали! — благоразумно посоветовал Сутшак.

— Увезу ее... увезу... — хрипло простонал тот, кого он назвал Рэймом, и вдруг вскинулся: — Эй, парни, я сегодня гуляю! Хозяин, тащи всем вина, я плачу!

«Всем» означало, что и Ринальда тоже не обошли. Он по-прежнему молча кивнул слуге, но пить не стал, чем вызвал недовольство купца, приметившего такую неучтивость.

— Эй, ты там, что сидишь? Или гордый такой?!

— Благодарю за честь, — повернулся к нему Ринальд, — но я...

— Ломаешься, значит, не хочешь пить за мой успех? Я из Черных королевств пригнал десять кораблей, груженных золотом, да еще два по дороге потонули, ну и демоны с ними, мне и так на три жизни хватит! А тут какой-то, гляди-ка, змей не желает уважить самого Р-рэйма! Пей, сказал, пока мои ребята тебе силой рот не раскрыли!

Ринальд вспыхнул, но вовремя вспомнил разумное предупреждение Хромой Ив, что ему не следует ни во что ввязываться и привлекать к себе внимание. Впрочем, внимания уже было хоть отбавляй, взоры всех присутствующих обра-

тились к нему в ожидании того, что станет делать этот странный чужак, и в предвкушении хорошенькой драки. Но в остальном...

— Твое здоровье, Рэйм, — Ринальд обезоруживающе улыбнулся, поднял кружку, как бы салютуя я купцу, и выпил. — Я не знал, что ты сам водишь корабли, но конечно, такой мужественный человек, настоящий морской волк, заслуживает уважения! Я недавно в Мессантии и прошу извинить, если ты принял мое неведение за непочтительность.

— Так-то лучше, — смягчился купец, благосклонно взирая на Ринальда. — Иди, парень, садись с нами. Надеюсь, ты-то не из этих баронов и прочих там князьков?

— Я воин, — ответил тот. — Наемник. Но сейчас не служу, я был серьезно ранен, пока отлеживался, денег почти не осталось, — о том, что он еще и лэрд, Ринальд благоразумно промолчал.

— О! Не повезло, значит. — Рэйм хлопнул его по плечу. — Бывает! То-то я гляжу, ты какой-то... вроде как не в своей тарелке. Так тебе работа нужна? Я бы взял тебя, мне нужны люди, знающие толк в сражениях. На корабли часто нападает всякая мразь... тебя как называть?

Ринальд хотел ответить, но в этот момент в таверну ввалилась толпа солдат в доспехах и шлемах. Лэрд напрягся, подбираясь. Высокий мужчина, вероятно, старший среди стражников, пристально оглядел присутствующих и обратил-

ся к тощему рыжеватому парнишке, стоящему рядом:

— Ну, что скажешь, Канга? Есть здесь тот, из аллеи?

Парнишка заморгал и завертел головой. Но вот его взгляд задержался на Ринальде.

— Вот он... кажется.

— Этот? — стражник шагнул к лэрду. — Ты арестован за убийство. Встать!

— Я никого не убивал, во всяком случае, в Мессантии, — твердо возразил Ринальд.

— Канга, подмастерье, видел, как ты убегал из аллеи, где прошедшем ночью был убит оружейник Гильган...

— Стойте-ка, — вмешался Рэйм, — во-первых, Гильган был приговорен к смерти как ученик мага по имени Нагуд, повешенного три дня назад. Осквернители могил и всё такое... но Гильган сумел улизнуть от возмездия, его не нашли. Так что этот человек, если и убил его, то просто привел приговор в исполнение.

— Это должен был сделать палач, — возразил стражник.

— Ну, невелика беда, если кто-то другой выполнил работу палача! Какая разница? Оставьте моего приятеля в покое, клянусь, он здесь ни при чем. Да мы с ним всю прошлую ночь пили, не просыхая, и позапрошлую тоже, и сейчас продолжаем, разве не видно? Ваш свидетель — просто дерьмо. Вышвырните его пинком под зад и давайте повеселимся!

— Твой человек, Рэйм? — усомнился стражник, — Что-то я его прежде не видел. Кстати, с убийцей была еще женщина.

— Старуха, — уточнил Канга, обиженный, что его обозвали дерьмом. — Хотя шла резво, даром что ногу волочила слегка. Ничего я не ошибся. Я...

— Держи! — Рэйм швырнул стражнику кошелёк, туго набитый монетами. — Хватит и тебе, и всему отряду, и давайте расстанемся тихо!

Солдаты предпочли принять предложение и оставить всё как есть, однако Кангу Рэйм перехватил на пороге, охватив за шиворот, как щенка.

— Ползи-ка сюда, доносчик, крысиное отродье. Терпеть таких не могу, даже если ты вправду что-то там видел и помчался доносить, задрав штаны. Такой молодой, а уже скотина редкостная! Ну, что с тобой сделать? Не марать же об тебя благородную сталь! Может, высечь для остротки? Парни, разденьте его!

Канга трясся от страха и размазывал сопли по лицу. Ринальда передернуло при виде такого отвратительного проявления человеческого недостоинства.

— Оставь его, Рэйм, — бросил он. — Пусть катится, правда, ни к чему пачкаться обо всякую шваль.

— Думаешь? Ладно, — махнул рукой купец и прикрикнул на Кангу: — Пшел вон отсюда и благодари богов, что тебя не тронули!

— Стой,— опомнился Ринальд.— Как тебя? Канга? Что за идиотское имя?.. В аллее было два трупа, верно? Или больше?

— Один... Гильгана,— ответил тот.— Ну, нашли один...

— А Нагуд куда делся?

— Нагуд?! Так он же того... за стеной кладбища.

Ив говорила совсем иначе!

— Ты сам видел Гильгана?

— Да, я сначала убежал, а потом вернулся, Гильган там так и лежал... глаза были еще... открыты.

Значит, Ив приходила раньше, судя по тому, что это она переворачивала погибшего, а иначе Канга не разглядел бы его открытых глаз.

Рэйм с интересом прислушивался к вопросам Ринальда.

— Так это всё же твоих рук дело? — опросил он затем.— Мне наплевать, убил и убил, по мне, так даже хорошо — одним негодяем меньше.

— Нет, не я,— возразил Ринальд,— но был там как раз неподалеку.

— А женщина? Старуха-то? Уж не про Хромую ли Ив речь? — продолжал настаивать купец.— Если ты с ней заодно, парень, то в любом случае прав.

— Я знаком с Ив,— не стал отрицать Ринальд.— Но ни заодно с нею, ни сам по себе не успел лишить жизни никого в Аргосе! Что, в это так трудно поверить?!

— Что ты разорался? — спросил Рэйм.— Успейшь еще. В Аргосе народу хватает, не расстраивайся,— сочувственно добавил он, словно его новый знакомый производил впечатление помещанного на убийствах, огорченного тем, что оказался слишком надолго отлученным от любимого занятия.— Как, ты оказал, тебя обычно называют?

Ринальду не хотелось выдавать свое настоящее имя, и он вовремя сообразил, что может представиться как-то иначе, тем более учитывая, что имен у него четыре, а не одно; обычное дело для отпрыска знатного рода. Полностью он именовался Ринальдом Руфусом Уллоом Камилем, но никогда не использовал всё это нагромождение сразу.

— Камиль,— сообщил он Рэйму.

— Отлично,— кивнул тот.— А ведь, если ты этого еще не понял, я тебя только что выручил, Камиль! И ты теперь мой должник. У меня есть к тебе одно дело, весьма щепетильное, но если поможешь...

— Что за дело? — опросил Ринальд.

— Женщина,— вздохнул Рэйм, разводя руками.— Видел я ее всего один раз, но с тех пор хожу сам не свой. Она из Гандерланда. Вдова. Красавица такая, что описать невозможно. Черные волосы и агатовые глаза...

«Жемчужные зубы и коралловые губы»,— мысленно продолжил Ринальд, прекрасно зная, что далее подобных сравнений фантазия людей вроде Рэйма не простирается.

— ...жемчужные зубы и коралловые губы,— мечтательно произнес купец.

«Лебединая шея»,— про себя добавил лэрда, которого всё это начинало забавлять.

— Лебединая шея, высокая грудь,— проговорил Рэйм.— И здесь вот, возле правого уха, маленькая родинка сердечком.

Ринальд замер. Если подо всё остальное могли подходить сотни привлекательных женщин, то последняя деталь говорила слишком о многом.

— Я видел ее на приеме при дворе Треворуса,— объяснил Рэйм.— Она пришла в сопровождении какого-то белесого сморчка, вроде как своего брата, и одета была во всё черное, потому что носит траур по мужу. Но и в таком одеянии выглядела как настоящая королева! Все мужчины просто с ума сошли, и я первый, но она почти весь вечер ни с кем не разговаривала, кроме Треворуса, которые от нее ни на шаг не отходили... потом я проследил за нею до самого ее дома. Несколько раз пытался назначить свидание, но ее слуги всегда говорят, что госпожа никого не принимает. Загадочная особа, окажу я тебе! Так вот, если она и выезжает, то в одном только направлении — в сторону дворца, за ней заходит человек, посланный Треворусом, и тут же красавица моя мчится по первому зову к королю.

— Рэйм,— покачал годовой Сутпак, его приятель,— опомнись, я же тебя предупреждал!

— Уйди, Сутпак, не мешай. Не с тобой говорю. А ты слушай, Камиль! Я долго думал, как

бы ее перехватить, выдав кого-то за королевского посланника, но из моих людей никто не подходит. А ты из себя видный даром что из простых. Увезем мы ее с собой, а? На корабль... тут же с якоря снимусь и — поминай как звали! А в море я сам — король и хозяин. Куда ей будет деваться? Ведь всё к ее ногам брошу, она привыкнет ко мне... поймет...

— Как ее имя? — спросил Ринальд.

— Кайна,— сказал Рэйм,— а я что, не назвал тебе его?

— Кайна,— медленно повторил рыцарь.— Вот, значит, как...

— Она тебя не знает,— продолжал лихорадочно убеждать его купец, схватив лэрда за руку,— при дворе ты не бывал, в Мессантии недавно. Не заподозрит ничего... ты только вызови мне ее, а уж в порт привезти я и сам сумею! Чтобы поверила, будто к Треворусу едет... я ведь всё уже продумал, как и что сделать, только человека подходящего найти не мог.

— А что ее брат? — уточнил Ринальд.

— Он меня не остановит! С такого-то сморчка толку мало. Да он никогда и не сопровождает ее. Ни он, ни слуги. Кайна одна отправляется. Лучше и придумать нельзя.

— Что? Похитить королевскую фаворитку?!— скорбно простонал Сутпак.— Где твоя голова, Рэйм?!

— А нету,— хрипло и невесело засмеялся купец.— Я начисто всякого разума лишился с тех пор, как мне эта женщина в душу запала.

«Я тоже,— с горечью подумал Ринальд.— даже стихи писал. «Родинка на нежной шее мне покоя не дает...»

— Ну что, Камиль? Что окажешь? Я тебе хорошо заплачу за услугу. У меня денег, как грязи, веришь?

— Верю,— кивнул Ринальд,— испробовать можно.

— Ай, молодец! — ожил Рэйм.— Вот ведь я сразу понял, что ты отчаянным малый, не струсишь наперекор самому аргосскому королю пойти!

«Вообще идти против королей что-то стало у меня входить в привычку»,— чуть было не вырвалось у Ринальда. Дэйна-Кайна, чувствуешь ли ты, как близко ходит возмездие?

— Где мне тебя найти, Рэйм? — спросил он.— Такое дело требует подготовки. Покажешь хоть, где живет твоя красавица?

— А видел ты в половине квартала отсюда дом такой, с тремя башенками? Там и живет. Дом этот не ее, но хозяин его на три зимы отправился в Немедию, вот Кайна с ним и уговорила за приличную плату покамест там обустроиться. Что до меня, так я в этой таверне, почитай, каждый вечер бываю. Приходи, не ошибешься. Когда тебя ждать?

— Думаю, через пару дней появлюсь.

— Хорошо! Ну, а если тебе самому какая защита иди помощь требуется, не сомневайся, выручу. Я своих не бросаю, Камиль!

В полном смятении чувств лэрд покинул таверну. Он сам себя не понимал, но ноги сами понесли его к тому самому «дому с тремя башенками», о котором говорил Рэйм.

Лэрд остановился, глядя на ярко освещенные окна особняка, постоял немного и наконец решился перелезть через высокую изгородь с таким количеством завитков, что ее легко преодолел бы и калека. Мягко спрыгнув на землю с другой стороны, он снова замер, прислушиваясь в напряженном ожидании появления охраны или, того хуже, собак. Впрочем, последних Дэйна отчаянно боялась и ненавидела, так что даже ради собственного, спокойствия и безопасности вряд ли решилась бы держать возле дома. Ринальд не встретил никаких препятствий, тенью скользнул ближе к особняку и воспользовался высоким деревом, ветви которого дотягивались почти до самых окон.

Можно было предположить, что Эвер (а «белесый сморчок», помянутый Рэймом, едва ли мог быть кем-то еще!) и Дэйна (Кайна?) совершенно не предполагают оказаться обнаруженными и ничего не опасаются, особенно заручившись высочайшей поддержкой правителя Мессантии.

Достигнув уровня второго этажа, лэрд прижался к стволу и снова взглянул в окна, надеясь, что сам при этом останется незамеченным здешними обитателями. Ему повезло. Как раз в этот момент Кайна, роковая страсть Рэйма, стремительно вошла в свой роскошно обставленный

будуар. Судя по выражению ее лица, женщина была просто в ярости. Впрочем, швырнув об стену разлетевшуюся на множество осколков вазу кхитайского фарфора, она слегка успокоилась и уселась перед зеркалом, спрятав лицо в ладонях и тяжело дыша.

Ринальд продолжал, не отрываясь, смотреть на нее. В бешенстве Дэйна всегда становилась еще более неотразимой, уж он-то это знал, как никто! Румянец пожаром полыхал на высоких точеных скулах, агатовые глаза метали молнии... Интересно, что ее так взволновало сейчас? Это лэрду было неведомо.

Несмотря на сильнейшее смятение, Дэйна почувствовала его взгляд и повернула голову с беспокойством посмотрев в окно. Ринальд проклял собственную неосторожность — глаза женщины, стремительно расширяясь, взирали прямо на него.

Поняла она, кого именно видит, или сумела различить только смутный силуэт, лэрд выяснять не собирался.

Он разжал руки и, сгруппировавшись, прыгнул вниз, немедленно обратившись в бегство и покинув пределы особняка прежде, чем множество слуг с факелами в руках высыпали из дома и принялись бестолково метаться в поисках вора или злоумышленника, замеченного хозяйкой.

Слава Богам, бегать Ринальд умел отменно, так что когда слуги достигли ограды, он был уже достаточно далеко и явно вне пределов их досягаемости.

Он увидел и узнал то, что собирался. По идее, теперь следовало вернуться во дворец (будь что будет!) и выдать Дэйну аквилонскому королю, как он и намерен был исходно поступить.

«Будь на моем месте Лю Шен, она бы так и сделала», — подумал Ринальд. Да уж, кхитаянка едва ли усомнилась бы в том, как ей следует действовать, обнаружив логово врага, кем бы этот настоящим или предполагаемый враг ни являлся!

Но лэрд не обладал достаточной для такого шага твердостью духа.

Одно дело безоглядно рисковать собственной жизнью и совсем иное — недрогнувшей рукой отправить на казнь человека, который был когда-то бесконечно дорог тебе, даже если этот человек предатель.

Риналду, действительно, множество раз приходилось убивать — в открытом бою. Но ни разу в жизни он не становился доносчиком или палачом. Как когда-то, ребенком, у него не поворачивался язык жаловаться на жестокие проделки Айгана, так и теперь лэрд не мог переломить себя и вот так просто предать в руки Конана Дэйну и даже Эвера.

Не всегда, исполнив свой долг, можно сохранить в неприкосновенности честь!

Что же мне делать, в отчаянии думал Ринальд, направляясь в сторону дома Хромой Ив, своему ныне единственному надежному пристанищу, что мне делать?!...

Женщину он, однако, не застал, и только Шенар встретил лэрда, благосклонно виляя хвостом, и ходил за ним попятам.

— Ну, псина,— Ринальд присел на корточки, заглядывая в умные карие собачьи глаза,— может, ты мне что-то подскажешь?

Пес вздохнул и лизнул его в лицо. Увы, большего от него ожидать было трудно.

Глава четырнадцатая

в оставила давнего боевого товарища, ставшего ныне великим королем, спустя более полусуток с момента их встречи, и всё это время пролетело незаметно для обоих в непрерывных воспоминаниях.

Впрочем, несмотря на радостное волнение, женщина не забывала и о том, зачем, на самом деле, явилась во дворец. Она пристально приглядывалась ко всем приближенным Конана и слогам Треворуса, светившимся возле стола. Нет, никто из этих людей не заставлял Ив ощущать присутствие опасности, но... нечто тревожное наполняло в Мессантийском дворце самый воздух. «Нехорошее, недоброе место», как сказали бы в народе. Ив испытывала всё усиливающееся желание поскорее покинуть его.

— Конан,— спросила она вдруг,— ты не замечал, есть ли здесь кошки?

— Кошки? — киммериец усмехнулся.— Зачем бы они мне сдались? Вот мне другой заботы нет, как следить за какими-то...

— А ты,— обратилась Ив к Лю Шен, и это были первые слова, по которым можно было судить, что она вообще заметила девушку,— ты, бедное создание с изуродованными ногами и такую же душой, не примечала ли кошек?

— Нет,— покачала головою кхитайнка, сделав вид, будто не заметила странного обращения.— Не видела.

— Плохо,— проворчала Ив,— ой. как плохо. Сдается мне, эти твари бегут отсюда как ошпаренные. Они умеют чутять беду.

— Ты чего там бурчишь себе под нос? — спросил Конан.— Чем недовольна?

— Да не тобой, не волнуйся! Ты-то молодец хоть куда! Помню, как, было дело, на спор перетряс едва ли не половину мессантийских девок, а я тебе в этом посодействовала,— Ив ехидно хихикнула.— Очень уж меня зацепило, как ты хвалился своей мужской силой!

— Да ладно,— попытался остановить ее Конан.— Не было ничего такого.

— Как так «не было»? Память у тебя короткая! Я тогда тебе подсыпала в вино такой порошок заговоренный, от которого у тебя это самое сокровище три дня...— она захлебнулась от смеха, вытирая глаза,— три дня без перерыва колом стояло и ты уже не знал, куда деваться

от такой напасти! Потом-то до-олго, надо думать, на женский наш змеиный род и смотреть было тошно... Не обижайся, герой! Мне самой жаль сделалось, что я так над тобой подшутила, да было поздно.

— Так это твоя работа была, мерзавка?! — изумился киммериец.— А я до сих пор не знал, что именно ты мне такую подлость подстроила!

— Вот теперь знаешь! Ну, не держи зла. Оба мы тогда были дураки-дураками, ветер в голове, даром что почитали нас за великих бойцов... Мышь! — вдруг закричала Ив, указывая пальцем куда-то в угол.— Вон, вон подбежала!

Лю Шен завизжала так, что у всех присутствующих заложило уши, и, забыв о всяком достоинстве и порядке, взлетела на скамью, с ужасом глядя в том направлении, куда показывала Ив.

— А если б там было две мыши,— опросила женщина,— ты что, на потолок бы влезла? Ой, не могу! Ну, хоть что-то в тебе, узкоглазая, человеческого есть, коли еще способна чего-то бояться! Только самая-то мерзость не в норе под полом гнездится, а в человеческой душе — ее больше бояться следует...

— Не понимаю, о чем твои речи, госпожа,— пробормотала кхитайнка, пунцовая от стыда за свою слабость.

— Что ты пристала к девчонке,— вступился Конан,— ревнуешь, что ли, старая перечница? Это зря! У меня жена есть, а Лю Шен мне как дочь.

— Хорошая дочь, почтительная, это славно,— кивнула Ив.— Которая ради родителя хоть кого своей рукой четвертует и куски скормит псам. Так ведь, девонька? — и прежде, чем Лю Шен успела хоть что-то ответить, добавила: — Я тебе, пугливой такой, подарочек сделаю, котика серого принесу, чтоб мышей гонял, хочешь? Только уж ты, будь любезна, не убивай его, если, не ровен час, защитит на твоего господина, а то ты больно быстрая на расправу, р-раз — и дух вон... из котика. Потом сама плакать будешь, да сделанного не вернешь.

Лю Шен поднесла руку к горлу, чувствуя, как ее гортань сжимается до размеров соломинки и не дает дышать.

— Ну, друг, пойду я,— поднялась Ив.— Загляну еще как-нибудь, если взашей не прогонишь, правитель!

— Тебя, пожалуй, прогонишь,— ласково возразил Конан.— Ив, поедешь со мной в Тарантию? Всё равно ты здесь одна.

— Поеду, погляжу, что за женщина твоя Зенобия, которая на тебя узду сумела накинуть,— охотно согласилась Ив.— Да я еще и в Мессантии тебе успею надоесть. Долго в Аргосе пробудешь?

— Вряд ли меньше седмицы,— ответил Конан, твердо решивший для себя не возвращаться в Аквилонию, пока не будет найден Ринальд: до сих пор никаких следов лэрда обнаружить не удалось.— Я тебя провожу, Ив.

— Много мне чести будет, чтобы меня короли провожали,— смеясь, возразила женщина.— Не надо! Вот пусть лучше она,— Ив указала на Лю Шен,— доедет до ворот со мною.

Кхитайнка последовала за ней, ожидая, что Ив не случайно позвала ее, но та молчала, так что девушка не выдержала первой.

— Ты что-то знаешь о Ринальде? — вырвалось у нее.

— О каком-то Ринальде? — прищурилась Ив.— Не объяснишь ли подробнее?

— Он служил моему господину,— голос Лю Шен сорвался,— А потом на него пало подозрение в измене и покушении на короля. Ринальд был арестован, но бежал, и теперь его ищут.

— Пусть ищут, тебе-то что? Зачем даже имя такой сволочи поминаешь демонам на радость? Найдут, если постараются. Возьмут этого голубка, и тогда уж пусть на себя пеняет. Легко не отделается! Если явный враг заслуживает удара мечом, то что станет с тайным предателем? По всей строгости и без пощады прежде, чем предать его смерти, заставят, верно, повить под пытками и признаться во всем, что делал и чего не делал, а тебе особую честь окажут, какой попросишь. Например, тиски на его ногах потуже зажать, чтобы кости хрустнули... или тело рвать кнутом на полоски... как думаешь, справишься?

Лю Шен остановилась, прислонившись к стене, и вдруг молча начала сползать на каменные плиты коридора.

— Ну, еще чего,— Ив, наклонившись, сильными движениями потеряла мочки ее изящных ушей, и Лю Шен мгновенно очнулась.— Что, девочка, тошно слушать? А ты слушай! Слушай, как он шел до Мессантии босиком, на разбитых ногах и не понимая, жив ли еще. Какие у него кровавые следы от веревки на запястьях остались...

— Не мучай меня,— умоляюще прошептала девушка.— И не думай, что сумеешь казнить страшнее, чем я сама себя казню! Если бы только боги сжалились над нами и весь этот ужас как-то разрешился, я до конца дней своих вымаливала бы у него прощение. Ив, я каждый день умираю, представляя себе, как он бродит где-то, словно неприкаемый! Без него для меня и солнце не светит...

— Оно и так не светит,— сказала женщина.— Сумерки над Аргосом такие же, как в твоей душе. Не реви, глупая ты овца! И на милость богов не уповай. Есть одна только милость на свете, и она тогда проявляется, когда ради другого человека сердце кровью исходит.

— Если он жив... и ты знаешь, где он...— начала Лю Шен,— скажи ему...

— Возвращайся к своему господину,— прервала ее Ив.— Служи хорошо, главное, не отходи от короля ни на шаг ни днем, ни ночью. Что бы ни увидела, морок ли какой или другой страх, ничего не бойся, поняла? Если станет совсем невмоготу, начинай петь, демоны этого не любят.

Здесь не человек старается, иное, более сильное зло ворожит...

Лю Шен, замерев, долго смотрела вслед Ив, терзаемая желанием незаметно последовать за нею и, если повезет, узнать, где может находиться Ринальд — женщина яснее явного дала ей понять, что прекрасно знает это. Однако, в конце концов, возвратилась во дворец, так и не решившись отправиться на поиски лэрда.

Глава пятнадцатая

Приди скорей, глухая ночь,
Зияющая зло и жутка!
Пусть светляки уходят прочь,
А люди — тронуты рассудком!
И будет вечно длиться пир
Чумы, безмолвия и мрака.
Я завоевываю мир
И создаю обитель страха!
Чтобы его поработить
А подчинить себе навеки,
Хочу я всё переменить,
Убив живое в человеке.
О чернокнижье, помоги
Нести мне дьявольское знамя!
Умрите же, мои враги,
И воцарись, лихое пламя!

Питер Эннар «Молитва колдуна»

Мальчишка сделал все как надо, но не успел завершать начатое, подумал Нагуд, хмуро разглядывая свои руки, покрытые расплывающимися

ся трупными пятнами. Впрочем, вины Гильгана в этом не было. Если бы не «серые», проклятые недоумки, промышляющие грабежом, он наверняка довел бы дело до конца, но они, как назло, появились очень не вовремя.

Будь Гильган посильнее и более опытным в драке, может, и сумел бы отбиться, но он даже меча в руках толком держать не умел, а сам Нагуд в тот момент помочь ему был еще не способен. Для того, чтобы дух соединился с телом, требовалось больше времени.

Он всё видел, слышал и понимал, однако был почти бессилен вмешаться в ход событий. Правда, на то, чтобы до безумия испугать «серых», его уже тогда хватало.

Для этого не потребовалось особых усилий. Трудно оказать, как они представляли себе содержимое тяжелого холщового мешка, который с заметным трудом нес на узких плечах высокий молодой парень, но поскольку алчность будит особенно богатое воображение, вероятно, рассчитывали на неплохую добычу.

Боевой топор разрубил голову Гильгана — ибо для «серых» чья-то жалкая жизнь ничего не значила по сравнению с возможностью пожить, но когда они поспешно распороли мешок, то обнаружили там не совсем то, что хотели. Вернее сказать, совсем не то, ибо вряд ли пределом их мечтаний мог быть несвежий мертвец, час назад выкопанный из могилы.

А уж когда его мутные запавшие глаза вдруг раскрылись, блеснув в неверном лунном свете,

«серых» как ветром сдуло. Впрочем, свое дело они сделали — кровь Гильгана, потоком хлынувшая на умершего, как раз и поспособствовала его пробуждению от сна, который сообразно естественному порядку вещей должен был продолжаться вечно.

Дух Нагуда возвращался в тело, но, во-первых, это не было мгновенным, и он не сразу обрел над собственными членами власть, достаточную для того, чтобы встать и двигаться — они не желали служить Нагуду: еще бы, после трехдневного погребения, коему предшествовали пытки и смерть в петле. Некоторые кости оказались сломаны, в том числе и шейные позвонки, не выдержавшие в тот момент, когда из-под ног Нагуда выбили опору.

Сейчас он, правда, не чувствовал уже ни боли и ничего вообще, однако испытывал некоторые неудобства и сложности в обращении со своим изуродованным телом, слишком далеким от совершенства. Да, личный опыт не шел ни в какое сравнение с опытами подобного же рода, когда Нагуд вместе с Гильганом искали пути возвращения умерших к жизни. Он еще недостаточно освоился в новом качестве и тогда, когда появилась Хромая Ив.

На самого Нагуда она взглянула лишь мельком, ничуть его не испугавшись и только с некоторым недоумением по поводу того, как и зачем он здесь оказался, покинув могилу, зато Гильгану уделила куда больше внимания, обыскав его и — о, проклятье! — обнаружив Камень, кото-

рым старая карга уволокла с собой. Впрочем, Камень Нагуд рассчитывал вернуть, тем более зная, где сможет найти его.

А еще он рассчитывал вернуть Гильгана, своего дорогого мальчика. Но прежде следовало позаботиться о себе самом. Нагуд понимал, что слишком скоро, если не принять никаких мер, тело начнет разваливаться на куски, растекаться и так далее, ибо пока оно оставалось мертвым. А для того, чтобы привести его в прежнее, до-смертное состояние, требовалась кровь ведьмы, к тому же такой, которая не знает о своем колдовском даре и, к тому же, сама себя слазила. Задача получалось не из легких! Но увы, правила этой игры придумывал не сам Нагуд. Ему оставалось только следовать им.

Самым обидным и несправедливым было то, что почти сразу после ухода Ив Нагуд уже сумел подняться и начать несколько неуверенно двигаться. Произойди это раньше, Камень остался бы с ним, а не создавал дополнительных сложностей, которых и так хватало с избытком. Если физические ощущения у Нагуда теперь отсутствовали, то всё остальное было прежним, он точно так же испытывал гнев, ярость, досаду, как и будучи живым.

К несчастью, он не мог взять с собой тело Гильгана («Вот была бы картина, — подумал Нагуд, — один труп несет другой! Прежде я бы и сам ошалел, доводись мне такое увидеть!»), но не сомневался, что позже отыщет его где угодно, как угодно, не остановившись ни перед какими

препятствиями. Гильган был ему слишком дорог, его дорогой мальчик, золотой мальчик, давний возлюбленный. Конечно, удар топора не сделал его привлекательней, но ничего, Нагуд сумеет исправить и это! Только сначала надо забрать Камень и найти ведьму. Это самое главное, не выполнив таковых условий, он не сможет действовать дальше.

Двигаться быстро он не мог, тело, которое, кажется, становилось всё отвратительнее с каждой минутой, было слишком слабым, слишком неловким. Одна рука вообще не работала, держать голову поднятой оказывалось сложно, но Нагуд особенно и не старался — так, зато, не видно было распухшего, почти черного лица и мерзкой слизи, сочащейся из рта и носа. Он воспользовался плащом Гильгана, закрыв лицо капюшоном, надвинутым до самых глаз, и со стороны походил на пьяного из-за странной шатающейся походки — его швыряло из стороны в сторону, точно на палубе корабль в сильный шторм, а ноги приходилось волочить по земле, громко шаркая при каждом шаге.

Нагуд твердо знал то, чего обычно человек совершенно не осознает: он и его тело — не одно и то же; будь оно прекрасным либо уродливым, не имеет никакого значения. Вообще-то он и раньше это понимал, однако теперь ничего более очевидного для Нагуда не существовало, и таковое сознание позволяло ему временно примириться с собственной физической смертью и с этим разбитым сосудом, в котором сейчас прихо-

дилось обитать его духу, то есть настоящему Нагуду. Кровь ведьмы, думал он, поможет мне вернуть всё, чего меня попробовали лишить эти глупцы, полагающие, будто смерть ставит точку в существовании человека. Кровь ведьмы и мой Камень, без которого я обречен.

У Нагуда не было другого выхода, кроме как во всех смыслах слова идти вперед. Если он в течение еще трех дней не воссоединит дух с телом окончательно, последнее придет в полную негодность, и ему уже ничем не поможешь. А дух никогда не обретет покоя, оставшись на границе мира живых и мира мертвых навечно, всё понимающий и видящий, но совершенно бессильные вмешиваться в ход вещей, и его станут замечать только кошки, змеи и совы. Поистине, ужасна такая участь!..

Глава шестнадцатая

громный пес внезапно глухо заворчал и поднялся, ошетинившись, поджав хвост и угрожающе приподняв верхнюю губу, обнажившую длинные белоснежные клыки, едва ли не крупнее волчьих.

— Что? — спросил Ринальд, с беспокойством наблюдая за собакой, рычание которой становилось всё громче и перешло в отрывистый лай, полным злобы и страха.

Едва ли приближение человека могло вызвать такую реакцию Шенара, разве только этот человек не был его смертельным врагом.

— Тихо! — приказал Ринальд, и животное замолчало, однако не изменив позы и к тому же начав дрожать всем телом.

В наступившей тишине Ринальд отчетливо услышал по другую сторону двери звук шаркаю-

щих шагов и почти сразу — другой, словно кто-то скреб деревянную обшивку, негромко, но настойчиво прося откинуть засов и впустить его в дом.

Пес, не выдержав, отчаянно заскулил и, того хуже, вдруг завыл, задрав к потолку длинную морду, жутко и безысходно.

Лэрд сжал в руке короткий меч Энекенна, покойного сына Ив. В конце концов, он мужчина, а не робкое дитя! К тому же, что, если сейчас вернется Ив — ведь тогда он-то останется в относительной безопасности, а женщине придется столкнуться с тем, что находится там!

Ринальд распахнул дверь и переступил через порог. Вой Шенара стал еще громче, можно было поклясться, что пес просто рыдает от ужаса.

И тут Ринальд увидел...

Воплощение всех его самых невыносимых кошмаров стояло прямо перед ним, источая омерзительное зловоние разлагающейся плоти; распухшее, почти черное лицо с провалами исходящих слизью мутных, бессмысленных глаз мучительно кривилось, ибо это существо силилось что-то произнести неимоверно раздувшимся, вываленным изо рта языком, а его рука тянулась к Ринальду!

— Отдай... — проговорило оно идущим откуда-то изнутри, ни на что не похожим голосом, — Камень... мой... отдай!

Ринальд заорал так, что даже вой Шенара не шел с этим ни в какое сравнение, ледяной пот потоком хлынул по спине.

Можно, наверное, много говорить о презрении к такой трусости, но сначала покажите человека, который, оказавшись на месте лэрда, испытывал бы более достойные чувства! Тем не менее, инстинкт воина — разум Ринальда здесь был совершенно ни при чем, он вообще на какое-то время угас — заставил рыцаря нанести удар мечом, и этот удар достиг цели: лезвие с хлюпающим звуком пронзило плоть существа, которое поспешно отступило и растворилось в сумерках.

Несчастное тело было и так уже достаточно обглодано смертью, поэтому кроме как отступить, Нагуду ничего не оставалось.

Понятно, что лэрду и в голову не пришло его преследовать, достаточно было хотя бы больше не видеть его.

* * *

—...Что случилось? — в крайней тревоге спросила Ив, когда, возвратившись, увидела своего гостя сидящим на пороге с совершенно бессмысленным, словно перевернутым ужасом, лицом, а верного и никогда прежде не ведавшего страха пса — забившимся в самый дальний угол. — Ринальд? Шенар? Что здесь произошло без меня?

Вместо ответа, пес снова заскулил, закатывая глаза, отворачиваясь и покаянно возя по полу хвостом (хорош я защитник и охранник! — словно говорил весь его вид. — На живо дерню меня сдать мало, бесполезную тварь, только даром

жрущую хозяйскую еду!). Что до лэрда, он испытывал очень похожие чувства и произнес только:

— Я... мы... видели призрак.

Ив понимающе качнула головой, опустилась рядом с ним и взяла за руку, продолжавшую стискивать рукоять меча.

— Разожми пальцы, Ринальд.

А он не мог этого сделать — кисть свело настоящей судорогой. Ив пришлось достать нож и неглубоко, но резко вонзить острие в плечо лэрда, только после этого меч со звоном выпал из его руки. И Ринальд вполне очнулся.

— Призрак? — женщина повернула лезвие так, чтобы лучше видеть. — Сквозь бесплотный дух меч бы прошел, не сохранив следа, а здесь — другое. Ты его зацепил. У духов не может быть крови, но только это... — ноздри Ив дрогнули, — не живая кровь.

— Он и не был живым, — подтвердил Ринальд, содрогаясь. — Но при этом двигался и говорил!

— И что он оказал?

— Я не понял, про какой-то камень. Да, он требовал отдать камень.

— Ну, ты правильно сделал, что не отдал, — спокойно, будто речь шла о самых обычных вещах, произнесла женщина.

— Что я мог ему отдать? У меня нет никаких камней, — лэрда ожил настолько, чтобы внятно выражать свои мысли.

— Сдается мне, что есть. Вполне возможно, он вот за этим приходил, — Ив указала на алмаз,

которые так и лежал на столе, словно никто здесь не осознавал его огромной ценности.

Общая картина начала складываться в голове Ринальда. Нагуд, казненный колдун, с которым говорила и сама Ив, и Рэйм! А по словам Канги, на месте убийства Гильгана его не было...

— Я не связана с колдовством,— продолжала женщина,— честно оказать, все эти вещи мне чужды и отвратительны. Я даже простой ворожкой никогда не занимаюсь и не знаю толком ни одного заклинания, а доверяю только стали. Но никуда не денешься, приходится признавать, что подобная нечисть очень опасна и вмешивается в жизнь людей. Как тебе удалось прогнать его? Или он сам ушел?

— Я ударил его мечом, и он исчез,— объяснил Ринальд.— Впрочем, невелика заслуга, я...

— Он здорово тебя испугал, мальчик, надо думать,— в голосе Ив было сочувствие, а не осуждение. Он не стал вдаваться в подробности, но подумал, что те ощущения были куда хуже, чем страх,— скорее, животная паника.— Но я уверена, никакое колдовство не может противостоять остро отточенной стали! Интересно, куда делся твой новый знакомый? — женщина поднялась и вышла из дома, стараясь разглядеть следы — это не составляло труда: на земле отчетливо виднелась две дорожки, оставленные ногами Нагуда, которые он тащил, а не поднимал при каждом шаге.

— Ив,— позвал Ринальд,— ты намерена его преследовать? Может, не надо?

— Зачем, он сам еще заглянет,— возразила она.— Камень остался у нас, так что убеждена — Нагуд непременно за ним явится. Я думаю, тут всё просто, Гильган воскресил его какими-то заклинаниями на том месте, где я их обоих нашла: там совсем рядом было когда-то древнее капище, где совершались колдовские обряды, и Гильган, выкопав своего учителя из могилы, случайно направился именно туда... А мне сейчас очень нужен кто-то, знающий толк в колдовстве. Я бы охотно отдала Нагуду эту потрясающую побрякушку в обмен на несколько советов.

— Каких?.. Кстати, ты была во дворце, Ив?

— А, вспомнил, наконец! Конечно, была,— охотне подтвердила женщина.

— И видела короля?

— Ну, разумеется, видела, чем же я еще весь день занималась, как не на него смотрела? Мне доставило огромное удовольствие снова встретиться с этим негодяем. Могу тебя обрадовать, он жив и вроде в порядке, новых убийств пока не было.

— А Лю Шен?..

— Твоя кхитайнка?.. А, кстати,— вспомнила Ив,— я обещала ей сделать подарок. Вот, старость не радость, совсем вылетело из головы! — она тут же направилась в сарай возле дома, где хранила всякую рухлядь, и возвратилась, неся на руках молодого поджарого кота, явно недовольного тем, что его потревожили.

Шенар недовольно заворчал, но, памятуя о своем недавнем недостойном поведении, тут же

замолк. Кот презрительно покосился в его сторону.

— Знатный крысолов,— сказала Ив, почесывая кота между, ушами.— И умный, как человек, только очень уж независимый,— она опустила животное на пол.

Вид у кота был самый что ни на есть бандитский — разорванное ухо и слегка заплывший глаз, да еще и шерсть кое-где оказалась вырвана клочьями.

— Лучший боец, в округе,— похвалилась Ив.— Но и ему подчас достается. Впрочем, кого из нас жизнь не потрепала! Кстати, он чем-то на тебя похож, Ринальд.

Лэрд, усмехаясь, обменялся с котом оценивающими взглядами. Кажется, оба решили, что сравнение Ив не вполне удачно — каждый полагал себя всё-таки получше другого!

— Но за какой надобностью этот... хм... крысолов Лю Шен? — спросил Ринальд.

— Кошкам дано видеть то, что скрыто от глаз человека,— объяснила Ив.— Они очень чувствительны к присутствию всякой нечисти и не боятся ее, как люди или те же собаки,— при этих словах лэрд смутился, а Шенар и вовсе сник.— А во дворце Треворуса их вообще нет! Понимаешь, что это значит? Они покидают это проклятое место.

— Ну так и этот сбежит,— заметил Ринальд.

— Не сбежит,— женщина застегнула на шее кота тонкий металлический браслет с продетой через кольцо цепочкой.— Надо посмотреть, как

он себя там поведет! Завтра же отправлюсь, а пока важно его не выпустить.

Кот издал такой звук, который в переводе на человеческий язык означал бы весьма грязное ругательство, а Шенар злорадно оскалился, всем своим видом демонстрируя простую мысль о том, что кровь врага приятно пахнет. Их поведение было таким выразительным, что Ринальд невольно улыбнулся.

— Мальчик,— осуждающе произнесла Ив,— тебя не научили чистить оружие после сражения? Или ты такая важная особа, что это делали за тебя оруженосцы? Так вот, здесь их нет. Поэтому возьми меч и вытри лезвие: сталь требует уважения к себе! Мой Энекенн в детстве получал от меня такие затрещины, если забывал привести клинок в порядок, что искры из глаз сыпались.

Уже имея некоторое представление о характере Хромой Ив, Ринальд даже слегка удивился, отчего это она ограничилась словами, а не перешла сразу к действиям, и поспешил исправить свою ошибку.

— А тебя где нынче носило? — спросила женщина.— Вряд ли дома сидел? Учти, что тебя весьма усердно разыскивают, будь осторожен.

— Я пытаюсь, но не очень успешно,— лэрд подробно рассказал ей о происшествии в таверне и о том, как затем увидел Дэйну.— Так что ты не ошиблась, вдова из Гандерланда — это она и есть,— закончил он.

— Значит, теперь к Треворусу подбирается? — произнесла Ив. — Видно, эта особа из тех, кого власть манит и пьянит сильнее вина, и к тому же даром она времени не тратит — в одном месте потеряла, в другом нашла. Ну, это неслыханное диво — ведь наш-то король давненько и не глядит на женщин! Чем же она его так зацепила?.. Ты, мальчик, вот что — не спеши пока ее к ногтю прижать, успеется, никуда твоя Дэйна от нас не денется, а лучше поглядим, какие у нее дела с этим беднягой. Или надумал уже вправду ее Рэйму отдать?

— Честно сказать, я не знаю, как следует поступить, — ответил лэрда. — Всё так запуталось...

— Ты, главное, в самом себе не запутайся, — наставительно сказала Ив. — Ах, мальчик! Знаешь, — она улыбнулась, чувствуя, что лэрда необходимо как-то ободрить. — Ведь кхитайночка-то любит тебя!

— Это Лю Шен так сказала? — вздрогнул рыцарь.

— Ей и говорить было не надо, и так видно. Худо ей оттого, что не по совести с тобой обошлась, уж поверь. Я так думаю, если бы тебя смерти предали, то и она жить бы не стала. Но иначе поступить не могла, для нее долг и верность господину на первом месте, так воспитали. Когда возьмешь ее за себя, ни разу не пожалеешь об этом! Она тебе ноги мыть и воду пить готова.

— Отчего думаешь, что я женюсь на ней? — спросил Ринальд.

— Оттого, что она давно уже тебе в сердце запала. Или я не права?

— Права, — обреченно согласился он — Мне ни с кем так хорошо не было, как с нею, хотя я... мы... в общем, вместе ни разу, — он смешался, точно подросток. — И я не хочу других женщин.

— А она — других мужчин, — произнесла Ив. — Ты для нее один свет в окошке, Ринальд. И не диво. Будь я помоложе, тоже бы мимо не прошла, — она многозначительно подмигнула. — Ну, иди-ка спать, утром, чуеет мое сердце, всякое может начаться, так что силы тебе еще понадобятся.

..Сама же она взяла в руки алмаз и снова вышла из дома, но далеко отходить не стала, введенная в том, что Нагуд и так непременно объявится.

Однако, хотя Ив и ожидала его появления, когда это наконец произошло, испытала чувства весьма близкие к тем же, что и Ринальд. Тем не менее Ив сумела оправиться с охватившими ее ужасом и отвращением.

— А, пришел, — спокойно сказала она. — Да уж, после виселицы стал ты, парень, красавец хоть куда. Чего уставился? — она ловко спрятала алмаз в складках одежды. — Отойди подальше, воняет очень. Знаю, зачем пожаловал! Так вот мне лично твой камень без надобности, хотя если его распилить, стану я разом очень богатой! Может, так и сделать? А, Нагуд, как ты считаешь?

Мертвец издал какой-то утробный стон.

— Не согласен? Ну, тогда сам его у меня купи, да не за деньги. Ты ж у нас колдун? Вот и скажи, если знаешь, что за дрянь ваш брат напустил на дворец?

Нагуд замычал недовольно, протестуя.

— Вот,— возмутилась Ив,— я с тобой как с человеком, а ты ругаться. Не получишь ничего! Иди отсюда.

— Цветок,— медленно и неохотно произнес Нагуд.— Не люди. Раз в десять лет...

— Чего? Какой цветок, где? Не морочь мне голову, яснее говори, ну! — Ив снова показала ему алмаз, и тут мертвец неожиданно проворно шагнул к ней и вырвал камень из руки женщины.

Ив взвизгнула от его ужасного, ледяного прикосновения и затрясла рукой. Прежде чем она опомнилась, Нагуд успел убраться.

— Сволочь,— Ив погрозила кулаком ночной темноте.— Как был дерьмом подлым при жизни, так и остался, когда подох!

Женщина была крайне раздосадована тем, что так бездарно, ничего толком не выяснив, лишилась алмаза. Слова Нагуда для Ив ничего не значили, она даже приблизительно не могла взять в толк, как может распорядиться столь скромными сведениями и с чем их связать. Что еще за цветок? Ив ничего не понимала в растениях и разве что розу могла кое-как отличить от чертополоха, но и только. Было от чего расстроиться. Ах, подумала женщина, будь я моложе, когда

мне море казалось по колено, разве позволила бы этому уроду оставить меня ни с чем?..

Увы, теперь можно было сколько угодно злиться и обижаться на самое себя — единственный шанс узнать правду оказался безнадежно и безвозвратно упущен.

Глава семнадцатая

Рак же она была красива!.. Треворус никогда не сомневался в том, что это нежное, капризное, прихотливое, изящное, изысканное, ни на что в мире не похожее создание — именно «она», и не было женщины, способной с нею сравниться.

Как женщина, она была жестока и заставляла его сердце томиться мучительным, сладостным ожиданием, отказываясь являться во всем своем неповторимом совершенстве. Десять зим он ждал этого чуда, иногда отчаиваясь и почти теряя надежду. Десять бесконечных зим ради повторения той единственной в его жизни ночи, когда он был абсолютно счастлив рядом с Нею, очарованный и потрясенный. Он знал, что очень скоро это произойдет снова, и Она доверчиво, неторопливо раскроется перед ним, для него и только ради него, даруя высшее счастье и вознося его

душу к вершинам наслаждения, столь немислимого, столь полного, что ради этого можно вытерпеть и пережить любые страдания и не бояться умереть.

Десять лет назад она покорила его сердце и заполнила одною собой без остатка.

Он помнил, как ее преподнесли ему в дар, такую маленькую, хрупкую, едва живую. Крошечный бледный росток, тоненький и беззащитный, которому нелегко было прижиться в чужой земле, этому чаду непроходимых джунглей Черных Королевств, обошедшемуся Треворусу в целое состояние. Нежная крошка уже тогда отличалась суровым нравом. К ней нельзя было прикасаться, ибо она источала смертоносный яд, мгновенно убивающий неосторожного безумца, посмевшего посягнуть на ее девственную чистоту. Она сжималась и замирала от громких звуков и яркого света, предпочитая жаркий влажный сумрак, сходный с тем, в котором она родилась, и не любила посторонних любопытных взглядов, начиная извиваться всеми своими отросточками и листиками, если долго смотреть на нее. Треворус знал и сразу чувствовал, когда она больна, обижена или просто не в настроении. Он неустанно ухаживал за нею, кормил и оберегал, привязываясь к ней всё сильнее.

Его жена ревновала и плакала, подозревая, что у него, тогда еще не короля, а наследного принца, есть другая женщина, хотя и не находила ни единого подтверждения своим подозрениям.

Потом умер старый король Аргоса, и Треворус, единственный наследник, взшел на престол, но это его совершенно не радовало. Он был вынужден исполнять свой долг, но при каждой возможности спешил в дальнюю часть оранжереи, чтобы там отдохнуть душой.

Пять зим ничего не происходило, но терпение Треворуса казалось неиссякаемым.

В ту ночь жена сообщила ему, что беременна. «Я знаю, дорогая,— не открывая глаз и рассеянно улыбнувшись, ответил он,— я знаю!» Он обнял ее и прижал к себе, шепча слова любви и благодарности, но на самом деле они предназначались той, другой, которую обнять было нельзя. Ибо в ту же ночь она изменилась тоже, выбросив длинную стрелку, на конце котором виднелась крошечная завязь будущего чуда.

Его предупреждали, что именно в этот период она становится еще более опасной и способной источать ядовитые миазмы, которые нельзя ощутить обонянием, но они не менее смертельны, чем ее сок и маленькие шипы на стебле, только убивают не сразу. И чем ближе к моменту цветения, тем сильнее и убийственнее испарения странной росы, появляющейся на ее листьях на закате солнца. Самый воздух вокруг нее становится отравленным, наполняя собой всё вокруг, всюду проникая и заставляя людей погибать. Сам Треворус этого не боялся, ведь он настолько привык быть рядом с нею, что они стали почти единым целым.

Жена его, красавица-королева, плохо переносила беременность и почти не вставала с постели. Она безобразно расплылась и стала просто огромной. Ее нежная кожа покрылась уродливыми коричневыми пятнами, и она всё время жаловалась на то, что ей не хватает воздуха, и ее словно что-то душит. Придворные лекари уверяли, что всё это совершенно нормально и бывает со многими женщинами, как и частые обмороки. Они успокаивали Треворуса, не подозревая о том, что он куда больше озабочен тою, другой, которая была совершенно безмолвна и не жаловалась ни на что.

Королева плакала и говорила, что боится умереть. Он бросал рассеянный взгляд на ее огромный живот и бормотал о том, будто ее страхи беспочвенны — она молода, сильна и здорова, так что достойно должна перенести то, через что проходят все женщины, не замечая, как силы ее тают, здоровье покидает ее, а возраст становится невозможно определить по измученному, худому, почти страшному лицу.

Когда настал срок, и нечеловеческие крики несчастной женщины огласили дворец, он был рядом... но не с нею. Треворус стоял на коленях в оранжерее, не сводя глаз с распускающегося цветка, который раскрывался перед ним; очарованный истинным совершенством, король едва мог дышать от волнения, слезы счастья струились по его потрясенному, спящему лицу.

Королева истекала кровью и безмерно страдала двое суток. То, что пыталось пробиться на

свет изнутри нее, беспощадно разрывало живую плоть. Она настолько обессилела под конец, что уже не могла кричать, и только закусывала почерневшие губы, обезумев от своих бесконечных мучений.

Увы, даже Смерть оказалась настолько немилосердна к несчастной королеве Аргоса, что замедлила явиться за нею, а позволила увидеть чудовищный плод, который появился на свет, и лишь после этого душа женщины покинула измученное тело, а в ее угасших глазах застыли ужас и отчаяние.

Впервые за века рождение наследников престола в Аргосе не было ознаменовано всеобщим ликованием. Радоваться было нечему.

При дворе шептались о том, что хорошо бы тайно умертвить детей (или дитя?) Треворуса и объявить их (его?) мертворожденными. Но король так и не высказался на этот счет прямо, возможно, потому, что был не в состоянии ничего произнести.

Он был потрясен и раздавлен обрушившимся на него кошмаром. Эти дети, эти чудовищные уроды были оскорблением его утонченному чувству прекрасного, злой насмешкой судьбы. Он надеялся, что они умрут сами, но этого не произошло. Двухголовая, трехногая тварь упорно цеплялась за жизнь, и росла, в то время как его Цветок угас еще до рассвета: ему была отпущена всего одна ночь. Треворус заранее знал, что так и будет, что Чудо живет всего одну ночь в десять лет, и всё же оплакивал его долго и без-

утешно, так что на скромных похоронах жены его скорбь выглядела вполне естественной. Иное дело, что об ее истинной причине никто не догадывался.

Жизнь правителя Мессантии снова сделалась одним только ожиданием, которому было суждено продолжаться еще десять зим до следующей Ночи. Он по-прежнему не расставался со своей безмолвной Возлюбленной, разговаривал с нею, признаваясь в собственных чувствах.

О том, что за несколько месяцев перед появлением Цветка во дворце умерло не менее десяти человек, кроме королевы, Треворус не думал. Эти жизни были ничтожной жертвой Совершенству, не стоящей того, чтобы о ней сожалеть.

Теперь срок ожидания истекал. Скоро, совсем скоро чудо должно было повториться. Треворусу хотелось только одного — чтобы его оставили в покое и не нарушали той особой внутренней просветленности и гармонии, каковые он обретал в своем ожидании. Но люди словно сговорились преследовать и терзать его своей докучливой мышинной возней, а тут еще эти аквилонцы совершенно некстати! И смерть их человека, причины которой Треворус не собирался никому объяснять. Его Возлюбленная убивала не всех, но на некоторых действовала даже на расстоянии, сквозь стены и потолки — на тех, кто по неизвестной Треворусу причине оказывался чувствительным к исходящим от нее невидимым испарениям, и тогда человека ждала смерть, он задышался, и сердце его останавливалось, причем

не имело значения, был ли это здоровый сильный мужчина, женщина, старик или ребенок.

Например, аквилонский король остался жив только потому, что успел позвать на помощь, а кто-то из его людей догадался немедленно открыть окна. После этого Треворус распорядился немедленно предоставить аквилонцам другие помещения, находящиеся на значительном удалении от оранжереи — пока это помогало, но сила Возлюбленной увеличивалась по мере приближения срока ее цветения.

О ней мало кто знал. Треворус не доверял садовникам и занимался своими оранжереями сам, а к Ней вообще никого не подпускал, кроме одного человека: женщины из Гандерланда.

Во время одного из придворных балов внимание Треворуса привлекла высокая незнакомка, облаченная в черное. Вероятно, то была знатная особа, иначе как она могла попасть во дворец, но он не помнил, чтобы прежде видел ее, и спросил, кто она такая. Баронесса из Гандерланда, вдова, был ответ. Пожалуй, Треворус тут же и забыл бы о ней, как обычно, поглощенный совсем иными размышлениями, однако женщина вдруг сама подошла к нему и заговорила так тепло и естественно, словно общение с сильными мира сего было для нее делом привычным.

— Мое имя Кайна, повелитель. А это мой брат, герцог Ровар, — при этом ни чем не примечательный мужчина, стоявшие с нею рядом, почтительно поклонились. — Мы недавно в Мессантии и не имели чести быть тебе представлен-

ным, поэтому я взяла на себя дерзость сделать это сама. Послушай, у меня есть к тебе разговор, не предназначенный даже для ушей Ровара... ты не мог бы уделить мне минуту?

— Мог бы, — коротко ответил Треворус, — смотря о чем речь.

Кайна действовала на него как-то странно. В ее присутствии он ощущал давно забытое волнение, которое когда-то, до появления Возлюбленной, порой овладевало им при виде женщин.

— Мне известно, что у тебя единственная в Хайбории коллекция растений, которые привезены из всех известных земель, даже Радужных Островов, — произнесла Кайна. — У меня в Гандерланде была не столь богатая, но тоже, смею заверить, весьма примечательная.

— И что с нею случилось? — спросил Треворус.

— Она погибла, — тихо ответила женщина. — Люди, которые убили моего мужа, извечные враги нашего клана, сожгли мой дом и мой сад. Все было уничтожено, кроме...

— Какой невероятный ужас, жестокость и варварство, — горячо воскликнул правитель Мессантии, содрогаясь и в порыве сострадания сжав изящную руку женщины.

— Да, ты совершенно прав. Но мне удалось вынести из огня семена, в то время как Ровар пытался спасти драгоценности, которые, надо признаться, ничего для меня не значат. Мертвые камни и жалкие металл не могут сравниться с великим чудом настоящего хрупкого совершенства, — вздохнула Кайна.

Сердце Треворуса вздрогнуло и оборвалось. Никогда, ни один человек не выражал столь ясно те же мысли и ощущения, которые были так созвучны его собственным. Женщина, спасающая не свои тряпки и камни, а семена растений, должна быть существом редчайшим!

— Конечно, я не сумела сохранить и оберечь всё,— продолжала она,— Но, например, черный вендийский лотос уцелел, хотя это было просто чудом. Огонь подобрался так близко, что опалил мне волосы.

— Черный вендийский лотос,— хрипло прошептал Треворус,— неужели тот самый, с алыми ободочками по краю листа?..

— Ну конечно,— кивнула Кайна.— Это было мое ценнейшее приобретение, я не могла допустить его гибели. Увы, здесь, в Мессантии, у меня нет ничего, даже дом, где мы сейчас живем с Роваром, мы должны покинуть меньше чем через год, и я не могу создать условий, необходимых для жизни моих цветов. Поэтому я решилась... преподнести их тебе в дар, в надежде, что твои руки достаточно нежны и опытны, чтобы возродить утраченное мною. Я бы не пришла на этот бал, ибо ношу траур, и мне вовсе не пристало веселиться. Но ради того, чтобы встретиться с тобою и передать тебе мои... моих...— она так разволновалась, что не могла подобрать точного слова, но Треворус всё понял.

«Моих детей», вот что звучало в недосказанной фразе Кайны.

Она достала откуда-то из складок платья три маленьких плоских деревянных шкатулки и протянула их ему, опустив глаза, в которых стояли слезы.

— Нет,— произнес Треворус,— я не могу их взять.

— Но почему? — в отчаянии спросила Кайна.— Ведь мне ничего не нужно взамен. Только знать, что они живы и в безопасности, что им будет хорошо у тебя.

— Потому что ты сама опустишь эти семена в землю,— ответил Треворус.— А до тех пор, пока будешь в Мессантии, сможешь в любое время приходить во дворец и смотреть на то, что сумела оберечь, рискуя жизнью. Я распоряжусь, чтобы тебя пропускали в оранжереи.

Кайна порывисто опустила на колени и схватила его руку, припав к ней губами.

— Встань,— велел Треворус.— Ты не должна этого делать. Отныне ты и твой брат — законные граждане Мессантии и находитесь под моей личной защитой. Я пришлю своего человека, который станет отвозить тебя во дворец.

... Стоит ли говорить, что он сдержал слово? Кайна сделалась частой гостьей в оранжереях. Треворус только опасался ревности Возлюбленной, которая могла расправиться с Кайной, но женщина не выказывала никаких признаков недомогания. Очень скоро он убедился в том, что она умеет ладить с растениями, даже с маленьким кактусом из пустыни Черных Королевств, тоже очень злым и ядовитым. Кайна же, увидев

его, протянула руку и погладила мягкие, обманчиво-нежные шипы.

— Что ты делаешь? Это опасно! — воскликнул Треворус.

— Не для меня, — улыбнулась женщина, — у меня был такой же. Я специально уколола себе руку его шипом. Его яд проник в мою кровь, и рука почернела, до плеча. Мне было очень плохо, однако, исцелившись, я сделала это снова, а потом еще раз, и моя кровь привыкла к яду. Так что я не боюсь. Смотри, — она прижала палец, плотнее к кактусу, потом подняла я показала Треворусу алую каплю крови, выступившую из ранки.

Он не понял, как это случилось, но в тот же миг ее рука оказалась в его, а губы короля Аргоса сомкнулись вокруг кончика пальца Кайны, он ощутил соленый привкус крови и исходящий от женщины неповторимый запах, от которого кружилась голова. Вот тогда-то он и решился показать Кайне свою самую великую драгоценность, ни слова не говоря проводив женщину в святая святых оранжереи, где под куполом из матового стекла, рассеивающего свет, жила Она.

— Боги, — выдохнула Кайна, прижимая руки к груди, — это же Эулиара!..

Она знала, знала имя Возлюбленной! Душа Треворуса наполнилась ликованием.

— Эулиария Глория Джонго, — произнесла Кайна полное название и несмело уточнила: — Ведь правда? Поверить не могу, что боги даровали мне увидеть это великое чудо!

— Но ты его видишь, — подтвердил Треворус. — Да, это она. И всего через несколько месяцев настанет Ночь цветения, единственная в десять лет. И, Кайна... в эту ночь ты станешь моей женой.

Это вовсе не будет изменой, думал он. Их брак необходим, чтобы у аргосского трона появился настоящий наследник. Главное же, лучше, чем Кайна, королевы просто не может быть: она не то что понимает его с полуслова, но даже думает так же, как и он сам! Ей ничего не придется объяснять, не придется притворяться, будто она значит для него больше, чем цветы. Они будут вместе служить Возлюбленной, находя в этом всё возможное счастье.

— Да, — сказала Кайна, — да, любимый, я согласна. Если *она* позволит, конечно...

Глава восемнадцатая

В о сне она была кошкой, крупной черной стремительной грациозной кошкой, которая легко и свободно вбежала, почти летела, загоня добычу, каковой являлась женщина, которую кошка ненавидела и готова была убить. Всё ее существо переполняла радость предчувствия того сладостного момента, когда она вцепится своей противнице в лицо, глубоко вонзив когти в ее плоть, ощущая дурманящие густой запах крови. Кошка прыгнула, но женщина успела выставить руки ей навстречу, защищая глаза, и животное в ярости полоснуло когтями по белой коже этих взметнувшихся рук...

И страшно закричала от резкой боли... обнаружив, к своему ужасу, что женщина — это тоже она! Такого просто быть не могло, и тем не менее было.

Дэйна проснулась с готовым выскочить из груди сердцем и тяжело дыша.

— Что ты орешь? — со злостью спросил Эвер. — Умом тронулась?

Один Ринальд знал, как ее успокоить, сжимая вздрагивающее тело в кольце горячих, сильных и нежных рук. Он умел прогонять кошку, одним своим присутствием рассеивая непроглядную тьму, из которой та появлялась. А Эвер, которому вообще было плевать на все и вся, кроме собственном спеси, приходил в бешенство, причем такое гаденькое и брюзгливое, что Дэйна морщилась от отвращения.

— Заткнись, — отозвалась она, поднимаясь и зажигая свечу, в свете которой стали ясно видны глубокие саднящие царапины на предплечьях; они всё еще кровоточили. — Ты меня утомил, Эвер.

— Я — тебя?! Можно подумать, это я ору по ночам, как ненормальный!

Пламя свечи затрепетало, а к потолку поднялась тонкая струйка черного дыма. Ноздри Дайны дрогнули.

— Заткнись, — повторила она. — После всего, что я для тебя сделала, можно хотя бы проявлять ко мне каплю уважения.

— Ты для меня... сделала? Да кто ты такая? Ты должна быть благодарна, что я, истинный наследник аквилонского трона, вообще согласился принять твои услуги!

Дэйна, забыв о кровавых бороздках на своих руках, запорошила голову и рассмеялась, хотя в

этом смехе не слышалось ни капли веселья, одна только горечь.

— Не морочь мне голову, Эвер. Нумедидес был бесплоден, как пустыня, что бы там ни плела твоя сумасшедшая мать.

— Наша мать,— поправил он.— Она такая же моя, как и твоя, если ты уже об этом забыла.

— Ну, в этом я не виновата. Как и в том, что она внушала тебе всякий бред о своей связи с Нумедидесом, а ты слушал, развесив уши до земли и пуская слюни, наследный принц! Да ты посмотри на себя. В жабе из гнилого болота больше благородства, чем...

Он вскочил с неожиданной для своей довольно плотной комплекции прытью и занес руку, чтобы ударить Дэйну по щеке, но она легко перехватила его запястье и толкнула Эвера коленом в пах. Он скорчился и заныл:

— Почему ты так со мной обращаешься?! В конце концов, мы должны держаться вместе...

— Как брат и сестра? Или как муж и жена?

— Прежде для тебя существовало никакого «или», Дэйна! Мы прекрасно ладили во всем, в том числе и в постели!

— Мало ли что было прежде, Эвер.

— Сука,— с ненавистью бросил он.— Сука проклятая! Это всё из-за Ринальда, верно?! Ты совсем спятила, пока кувыркалась с ним на этих дурацких розовых простынях! Тебе это нравилось, да? Признайся, нравилось?!

— И не только на простынях,— торжествующе-мстительно произнесла Дэйна,— а повсюду,

где хотела. Ринальд настоящий мужчина, он способен овладеть женщиной где, как и когда угодно, не то что такой слизняк, как ты. Чтобы заставить проснуться твой сморщенный жалкий отросток, надо еще очень постараться.

Угол тонкогубого рта Эвера чуть приподнялся с одной стороны, как крысиные хвостик, вероятно, это должно было означать усмешку.

— Но я по крайней мере жив, Дэйна, чего нельзя утверждать о твоём ненаглядном лэрде. Правда, я надеюсь, что он подышал долго и в мучениях. Наверняка киммериец устроил ему самую жуткую смерть, какую только можно вообразить... и жаль, что я этого не видел, а еще сильнее жаль, что не видела ты. Так что теперь его великие достоинства не имеют равным счетом никакого значения.

— А если предположить, что он жив?

— Тогда ты должна не лаяться со мной, а день и ночь молиться всем богам сразу и по очереди, о том, чтобы это было не так, потому что иначе он тебя из-под земли достанет и прикончит. Или он, или это чудовище Айган, даже не сомневайся.

— Но начнут они с тебя, Эвер.

— Нет, милая, ошибаешься. Ведь это не я, а ты придумала весь план, как втянуть его в заговор. И лэрду это отлично известно! Так что подумай хорошенько, прежде чем пытаться оскорблять меня, мы одно целое, Дэйна, нравится тебе это или нет... моя маленькая сестренка.

Она вдруг почувствовала, что устала с ним спорить.

— Будет беситься,— продолжал Эвер.— Сама знаешь, нам делить нечего. К тому же ты скоро станешь королевой Аргоса, вроде бы должна быть довольна.

— Чем? — снова вскинулась она.— Ты так говорить, словно мне внимание Треворуса с неба упало, а не досталось в результате тяжелого труда! Сколько я времени и сил угробила на то, чтобы в совершенстве изучить всю эту чушь, связанную с дурацкими цветочками, запомнить все их названия и свойства! Да, теперь я могу беседовать о них часами и притворяться, будто они мне интересны и составляют смысл жизни, но ты-то палец о палец не ударил, чтобы мне помочь. Герцог Ровар, с ума сойти... А этот Треворус, он же буйнопомешанный, совершенно больной! Влюбиться в ядовитый цветок, можешь ты себе такое представить, и носиться с ним, как с тухлым яйцом! Не мудрено, что его жена родила каких-то уродов, да он сам настоящий урод! Что я с ним буду делать в постели? Он возбуждается только от вида особенно мерзкой лианы, а не женщины. Почему мне везет на одних ненормальных?.. Он вечно копается в земле, у него грязь под ногтями, это такая гадость...

— Ради короны ты еще не то стерпишь,— заметил Эвер.

— Ну да, а ты удобно устроишься за мой счет, нет, ты подумай, он предлагает мне руку и

сердце, а сам даже до сих пор не сделал попытки поцеловать меня.

— Невелика потеря. Ты тоже не пылаешь к нему страстью. Скажи лучше, ты видела аквилонцев?

— Нет. Треворус не хочет заранее сообщать о нашей помолвке и ставить кого-то в известность о ней. Балы и приемы пока не для меня, но зато я точно знаю теперь, что киммериец может отправиться на Серые равнины, если снова окажется слишком близко от того самого цветка, мне всего только и нужно, что это ему устроить. Можно было бы отделать один из побегов эулиары и поместить в его комнате, и он умрет раньше, чем успеет досчитать до трех, но Треворус так трясется над ней, что заметит любые изменения в ее облике, даже самые незначительные, а мне это не нужно. Он ведь, понятно, не знает и о том, что в ночь, когда умер тот аквилониец, а варвар едва не последовал за ним, это я убрала стеклянный колпак, усилив действие эулиары. По счастью, на меня она не влияет.

— На тебя яды, вообще, не действуют,— подтвердил Эвер.— Редчайшее свойство.

— Хотя в чем-то мне повезло,— пожала плечами Дэйна.

— А, в общем, зачем тебе непременно убивать киммерийца? — спросил Эвер.— Вроде бы мы решили оставить в покое трон Аквилонии. Что нам, Аргоса недостаточно? Уж не собралась ли ты мстить за Ринальда?..

— Ринальд был лучшим самцом в моей жизни,— ровным голосом произнесла Дэйна,— но не более того, и мстить за его смерть я бы не стала, это личные счеты: ненавижу проигрывать. Ладно! Что меня тревожит куда сильнее, это нынешняя попытка какого-то мерзавца проникнуть в дом.

— Ты уверена, что тебе не померещилось?

— Я не страдаю расстройством рассудка и действительно видела человека, забравшегося на дерево, но за окном было темно, так что я не смогла разглядеть его достаточно ясно. Кто-то следит за мной. Может быть, один из этих полумных, которые вечно жаждут назначить мне свидание, похоже, они взялись за дело всерьез. Придется просить защиты у Треворуса, кстати, я давно хотела это сделать. Скорее всего, он предложит мне жить во дворце, там вполне достаточно места для одной женщины и... ее брата, конечно. Если всё произойдет быстро, я вполне успею добраться до киммерийца.

— Тебя, точно, только могила уймёт,— проворчал Эвер.— Пока жива, ты не успокоишься.

* * *

Около двадцати зим минуло с тех пор, как при дворе аквилонского правителя Нумедидеса служил старшим конюхом некий Джабдар.

Должность его была весьма почетной, и семья Джабдара отнюдь не бедствовала, однако злые языки поговаривали, будто свое немалое состоя-

ние он сколотил не благодаря умению обращаться с лошадьми, а потому, что вовремя закрывал глаза на весьма разнообразные способности своей супруги Алгиданы.

Да и то сказать, эта женщина была создана не для конюха! Невероятная красота Алгиданы сводила с ума мужчин куда повыше него рангом, и в доме Джабдара Алгидана была столь же некстати, как бриллиантовое кольцо на шее простой крестьянки. Прекрасно сознавая, какое впечатление производит и сколь неистовую силу возбуждения вызывает у всякого, кто видит ее, Алгидана широко пользовалась данными ей богами дарами, она перебивала в постелях множества знатных людей, ибо сызмальства усвоила заповедь: желаешь ходить в шелках, умей вовремя раздеваться.

Красота Алгиданы, соперничала только с ее же алчностью, она не стремилась к власти и высоким титулам, и ее скромное положение супруги конюха вполне устраивало женщину: помимо прочих достоинств, она отнюдь не была дурой и справедливо опасалась, что, высоко взлетев, может оказаться слишком больно падать.

Иное дело — иметь деньги, которые при любом раскладе не подведут, поэтому Алгидана не стеснялась брать немалую плату за проявление своего расположения к высокопоставленным особам, и кончилось тем, что даже в казавшихся давно остывшими чреслах Нумедидеса Алгидана сумела разжечь такой пожар, что оказалась в его объятиях.

Об этом, впрочем, она предпочитала до поры до времени помалкивать, и вот тут-то произошло самое невероятное, ибо Алгидана понесла и в свой срок произвела на свет ребенка. Разумеется, официально считалось, что это дитя рождено от ее законного брака с Джабдаром, однако по расчетам самой Алгиданы всё указывало на то, что это совсем не так.

Но к тому времени было бы нелепо кому-либо рассказывать о своих догадках, ибо Нумедес был убит, и на престол взошел новый король, возможно, на судьбу Джабдара это бы не повлияло, вряд ли Конан взялся бы заменять разом всю дворцовую службу, ему и дела-то не было до какого-то несчастного конюха, однако Джабдар предпочел уйти сам, вместе с супругой покинув не только королевский двор, но и вообще Тарантию, и поселившись в небольшом особняке в его окрестностях, где надеялся тихо и мирно дожить свой век. Спустя год Алгидана родила еще одного ребенка, на сей раз девочку, и словно начисто позабыла о своих прежних бурных денечках, посвятив себя увеличившемуся семейству.

Дети ее, между тем, росли и были совершенно разными, старший сын казался тихим, вялым, недалеким мальчиком с безвольным подбородком, светлыми волосами и привычкой ходить, сутулясь и волоча ноги, как старик, однако Алгидана в нем души не чаяла. Зато дочь, обещавшая со временем не только сравняться с матерью красотой, но и превзойти ее, была на-

стоящим маленьким демоном! С раннего возраста она проявляла почти болезненный интерес к мужчинам, готовая повиснуть на ком угодно, возможно, Алгидана, легко узнавала в ней себя, испытывая от этого злобу и ужас: не всякому человеку доставляет удовольствие смотреться в зеркало.

Бить и запира́ть ее было бесполезно: на боль Дэйна плевать хотела, хоть все кости ей переломай, а, из-под любого замка умудрялась как-то ловко выбраться, обладая весьма живым и на редкость изобретательным умом, обившись же на свободе, она бегом неслась на поиски любовных утех, и тут уж укорота на нее не было. Тогда Алгидана пошла на вероломную хитрость, во сне отрезав дочери волосы под корень. Наутро, обнаружив вместо роскошной черной, ниже пояса, гривы какие-то жалкие рваные клочки на своей голове, Дэйна взвыла дурным голосом и до тех пор не казала носа из дома, пока не приобрела более приличный вид, отрастив волосы до плеч.

«Гляди,— злорадствовала Алгидана,— в другой раз я тебе нос отрежу!»

Исполнить эту угрозу ей было не суждено. Одной недоброй ночью страшный пожар дотла спалил дом Джабдара, унеся и его собственную жизнь, и жизнь его жены. Каким-то чудом дети успели спастись, их обоих, дрожащих, плачущих, нашли утром на пепелище, по словам Дэйны, они с братом сумели выпрыгнуть в окно. Но этот самый брат от пережитого страха и едва не

задохнувшись в дыму, не говорил ничего, а только мелко трясся, размазывая сажу по лицу.

Они нашли приют в маленьком монастыре, где тихо и незаметно жили еще несколько зим, доколе Эверу не сровнялось двадцать, а Дэйне девятнадцать зим. К тому времени красота ее расцвела необыкновенно, но прежние пристрастия, приводившие в такое отчаяние покойную Алгидану, словно бы вовсе исчезли. Дэйна теперь безразлично относилась к мужчинам... ко всем, кроме одного, и этим единственным был ее брат.

При том, что он, как раз, с возрастом едва ли изменился в лучшую сторону: всё та же вялость плоти и духа, шаркающая, совсем не юношеская походка и мутные невыразительные глаза. Зато он обладал кое-чем, что, по мнению Дэйны, стоило подороже статности и физической мощи. Ибо красивых молодых жеребцов всегда имелось хоть отбавляй, а ее брат был принцем крови.

Надо заметить, что обитель в горах, посвященная богу плодородия Раану, была местом несколько необычным и оказалась населена не просто жрецами.

Здесь нашли приют несколько прежних приближенных короля Нумедидеса, оказавшиеся в опале и вынужденные искать убежище, способное скрыть их от немилости нового правителя Аквилонии. Их ненависть к Конану была безгранична и неиссякаема.

Правда, таких людей было в обители всего около дюжины, и серьезной опасности для ново-

го короля они не представляли, парализованные страхом перед его бешеным натиском и решительностью в истреблении всякого рода недовольных: радовались уже и тому, что успели шкуру спасти!

Большую часть времени они проводили в воспоминаниях о безвозвратно ушедших временах царствования Нумедидеса, коему едва ли не поклонялись. И надо же такому случиться, что юная Дэйна первой обратила внимание на сходство своего брата с изображением прежнего властителя Аквилонии! Когда же она оказала об этом Эверу, тот отреагировал совершенно неожиданным образом.

— Что здесь странного? Мать говорила мне, что я его сын.

Дэйна не сразу справилась с изумлением, принявшись расспрашивать его о подробностях того разговора, и очень скоро убедилась, что в словах Алгиданы вполне может быть доля истины. Получается, что Эвер — человек, имеющий право наследовать трон Аквилонии?!

Дэйна стала добиваться, чтобы «братья» тоже обратили на него внимание, — в ее голове тогда еще не было никакого ясного замысла, но когда прежние приспешники Нумедидеса узнали о происхождении Эвера, отступить стало некуда. Среди них произошел раскол.

Одна часть этих людей отказывалась верить в то, что юноша — в действительности сын прежнего короля, другие хотя и не отвергали эту мысль, но считали, что незаконнорожденный на-

следником считаться не может, иные признавали за Эвером все права, однако оказывались слишком нерешительными, чтобы пытаться как-то действовать, но находились и такие, которые заявляли — Эвер должен взойти на аквилонский престол любой ценой.

Вот эти-то последние и стали настоящей опорой великих планов Дэйны! Поначалу возня и шум вокруг Эвера казались ей захватывающей игрой, но постепенно девушка всё сильнее укреплялась в мысли о том, что отсюда можно извлечь немалую пользу. Примечательно, что виновник всего происходящего своего мнения по этому поводу не имел, зато по своей природной трусости опасался, как бы сестра не втянула его в очередную передрагу. Зачем ему аквилонский трон и что он будет с ним делать, Эвер не понимал. Однако Дэйна и слушать не хотела подобных недостойных речей.

— Ты хочешь так и сдохнуть в нищете и безвестности или пойти и взять то, что тебе полагается по праву рождения? — гневно восклицала она. — Только подумай, Эвер, ты можешь сделаться королем, властителем... — неведомое безумие туманило агатовые очи Дэйны при этих словах, ибо даже тень настоящей власти совершенно завораживала ее.

А Эвера завораживала она сама, с тех пор, как Дэйна, еще в родительском доме, соблазнила его в то самое время, пока, изуродованная матерью, была лишена общества иных молодых людей, Эвер сделался просто одержим своей сест-

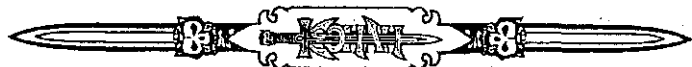

рою и не думал ни о том, что происходящее между ними есть зло, грех и беззаконие, ни о чем ином, боясь потерять ее.

Теперь он уяснил, что лучший способ привязать к себе это поразительное создание — оправдать ее надежды когда-нибудь приблизиться к власти, и это-то стремление положило конец колебаниям Эвера. Если Дэйна с восхищением и почтением взирала на него, то лишь потому, что видит в нем будущего короля, ибо обратить на такое жалкое существо мужского пола внимание при иных обстоятельствах могла бы, пожалуй, разве что очень голодная девушка из рода каннибалов.

Эвер не обладал ни умом, ни красотой, ни силой, ни мужеством, ни умением сражаться, ни стремлением побеждать, словом, ни единым качеством, дающим человеку основания называться мужчиною и пользоваться женским расположением; однако его высокое (пусть и двусмысленное) происхождение разом перечеркивало все недостатки и слабости, к тому же, ему и делать-то ничего не требовалось!

Дэйна изъявляла готовность взять на себя все заботы, касающиеся будущего заговора, и принялась за дело с завидным усердием. Эвер не сомневался, что она не остановится на полпути и сметет с лица земли любые препятствия, способные помешать в достижении вожаемой цели: о, ему бы самому обладать хотя бы малой частью честолюбия и упорства своей сестры-жены... да, видно, всё ей одной досталось.

В том, что вставать у Дэйны на дороге крайне опасно, он тоже убедился — после памятного пожара, спалившего родительский дом, которым загорелся вовсе не случайно.

Не стоило, ох, не стоило Алгидане угрожать дочери...

Но подобраться к королю было не так-то просто. Дело это требовало времени, немалых усилий и изобретательности — ведь речь шла о чем-то чрезвычайно рискованном. Дэйна перебрала в своем воспаленном уме множество разнообразных вариантов, но ни один ее не удовлетворял.

Заговоры против короля Конана хотя время от времени и возникали, однако тут же подавлялись со всей решительностью и жестокостью, свойственными киммерийцу, так, чтобы напрочь отбить у кого-либо охоту строить козни против него. Взвесив все «за» и «против», Дэйна поняла, что наиболее надежный способ изменить порядок вещей — это сыграть на честолюбии короля и действовать, можно сказать, открыто, неожиданно объявив о незаконности нынешней власти. Не бить зверя в его норе, но выманить его оттуда, заставив подставить себя под смертельный удар.

Оставалось найти подходящего человека, способного исполнить эту миссию, достаточно безумного, мужественного и имеющего опыт сражений. Но где сыщешь идиота, готового таскать ради Звера голыми руками каштаны из огня?

Среди «братьев» такового не обнаруживалось, нужен был человек со стороны.

И в конце концов выбор Дэйны пал на лэрда Ринальда. Видно, такова уж была злосчастная судьба рыцаря!

Его поместье располагалось в нескольких лигах от монастыря, уже несколько лет, как Ринальд поселился там, сначала вместе с Айганом, который долго не мог оправиться после битвы с пиктами, в коей ему разрубили мечом лицо. Лэрд из чувства солидарности покинул аквилонскую армию, чтобы присматривать за своим другом, и терпеливо vychаживал Айгана, никому более не доверив этим заниматься, ибо тот тяжело привыкал к своему уродству, время от времени впадая в такое отчаяние и ярость, что однажды в приступе бешенства перебил в доме все зеркала: видеть свое отражение ему было невыносимо.

Ринальд ждал, пока Айган успокоится и если не смирится окончательно со своим новым обликом, то хотя бы перестанет так остро переживать по этому поводу. Сам же он занимался тем, что завел пару десятков породистых лошадей и посвящал им почти всё свое время.

Кроме того, лэрд увлеченно собирал те самые баллады и песни бродячих менестрелей, которые знал великое множество, и решил записать их, вечерами и ночами просиживая над листами тончайшего пергамена, собственноручно сделанного из кожи мертворожденных ягнят, поглощенные этим своим увлечением, он также нау-

чился изготавливать роскошные тисненные переплеты и делать соответствующие каждой балладе иллюстрации, так что из-под его рук выходили настоящие книги, каждая из которых стоила лэрду немалого труда, времени и завидного терпения.

Айган поначалу ворчал, что это дело не для мужчины, однако Ринальд только усмехался в ответ и продолжал предаваться любимому занятию, доводя свои умения до совершенства.

Также Айган не мог взять в толк, чего ради то друг развлекается, обучая своих лошадей всевозможным забавным трюкам, вроде того, чтобы по команде прикидываться мертвыми, изображать полное изнеможение от голода и жажды (в этом случае Ринальду довольно было сказать жеребцу одно-два слова, и тот понуро опускал голову и шел, затаившись из стороны в сторону, точно пьяный), и даже демонстрировать показное неповиновение, вставая на дыбы и сбрасывая седока, но при этом взвившиеся в воздух копыта опускались затем на землю в паре дюймов от лежащего на земле человека, никогда его не задевая.

— Зачем тебе это, Ринальд? Ты рехнулся и решил завести цирковой балаган? — вопрошал он.

— А знаешь, — отвечал лэрд, — они у меня и танцевать умеют, хочешь, покажу?

Истинная правда, он разве что не был способен научить лошадей говорить, всё остальное получалось просто блестяще.

— Ну, покажи, — неожиданно согласился Айган.

Ринальд немедленно вывел из денника одну из своих лучших кобыл — молодую грациозную Синту...

...Дэйна, замерев, стояла возле изгороди и смотрела, какие чудеса вытворяет лошадь, которая, действительно, танцевала, по команде поворачиваясь в разные стороны, опускаясь на колени передних ног и кланяясь, двое мужчин с удовольствием наблюдали за Синтой, не замечая присутствия постороннего человека, потом один из них подошел к лошади ближе, протянув ей на ладони яблоко, и бархатные губы животного удивительно осторожно приняли угощение, а затем лошадь негромко заржала и потянулась мордой к своему хозяину — можно было поклясться, что она намерена его поцеловать!

— Молодец, Синта, девочка, — ласково сказал мужчина, поглаживая белую звездочку на лбу лошади.

Дэйна не могла не заметить, как он хорош, хотя и не молод. Мужчина был обнажен до пояса, на его мускулистой бронзовой спине блестели капли пота; да и второй был под стать своему приятелю — рослый и крепкий, даже повыше ростом, чем тот, которые разговаривал с лошадью.

— Здравствуйте, — сказала Дэйна, сделав шаг в их сторону.

Мужчины одновременно обернулись, и ее передернуло от отвращения при виде обезображен-

ного лица одного из них, но Дэйна постаралась не выдать своих чувств, кстати, тот, что так ей не понравился, тут же молча ушел в дом, а другой произнес:

— Чему обязаны такой честью, красавица?

Эти слова прозвучали вежливо и холодно. Мужчина был явно недоволен тем, что кто-то посторонний вторгся на его территорию.

— Я просто отправилась прогуляться, — объяснила Дэйна, — и случайно оказалась в твоих владениях. Ведь это твоя земля, не так ли?

— Земля, дом, лошади, — хмуро кивнул он, мрачней всё больше.

Она никак не могла взять в толк, почему этот человек реагирует на нее подобным образом?

— Что-то не так? — спросила Дэйна. — Извини, если помешала тебе.

— Нет, дело не во мне, — отозвался мужчина. — Но мой друг не любит, если сюда приходят чужие.

— Из-за его лица? — догадалась Дэйна. — Наверное, это действительно ужасно — то, что с ним случилось!

— Мое имя Ринальд, — сообразил, наконец, представиться мужчина. — Почему я прежде никогда не встречал тебя в этих местах?

— Я живу в монастыре Раана, вон там, в предгорьях, — произнесла Дэйна.

— Ты жрица? — удивился он. — Повезло богу, которому ты служишь, — вырвалось у Ринальда. Он вдруг улыбнулся так открыто, по-мальчишески,

ски, что сразу показался много моложе своих лет.

— Нет, я не прошла посвящения, — возразила Дэйна. — Жрецы приютили меня после того, как мой дом сгорел, и родители погибли.

— Прости, — произнес Ринальд, и на лице его выразилось самое искреннее сожаление и глубокое сочувствие.

— Это было давно, — добавила Дэйна. — и жрецы были рады меня принять, потому что у меня оставались кое-какие драгоценности, так что я могла заплатить за приют.

Он явно колебался между тем, чтобы пригласить ее в дом или вежливо распрощаться, и с живейшим интересом, не в силах оторваться и скрыть восхищения, разглядывал девушку, отвечавшую столь же откровенным и всепонимающим взглядом: да нечего было и понимать — тело Ринальда говорило само за себя, более чем ясно — тесноватые кожаные штаны не могли этого скрыть, так что если в первую минуту неожиданного нового знакомства в голову Дэйны и закралось подозрение, уж не являются ли эти двое поклонниками немедийской любви, то тут же и рассеялось. Нет, Ринальд, это точно, был далеко не безразличен к хорошеньким женщинам!

Дэйна слегка склонила голову к плечу и как бы невзначай провела кончиком языка по верхней губе.

Глаза Ринальда расширились, а соски на обнаженной груди потемнели и напряглись. Дэйна,

хотя и продолжала стоять в нескольких шагах от него и, естественно, не прикасалась к лэрду физически, взглядом ласкала и ощупывала его, поднимаясь и опускаясь по всей статной мужской фигуре.

Несмотря на прохладный ветер, налетевший с гор, на волосах Ринальда, покрывавших грудь и спускавшихся вниз сужающейся дорожкой по поджарому крепкому животу, сверкали бисеринки пота, точно крошечные прозрачные жемчужины. Он судорожно, чуть ли не со стоном, вздохнул и шагнул к Дэйне. Интересно, подумала она, он прямо сейчас овладеет мною или чуть погодя?

Похоть и воля Ринальда мучительно боролись друг с другом, он глядел на Дэйну, как умирающий от жажды — на воду прохладного горного ручья.

Синта вдруг заржала, громко, недовольно и чуть ли не ревниво: как, почему хозяин, забыв о ней, пялится, как болван, на чужую девицу? Этот звук привел Ринальда в чувство. Он решительно встряхнул головой.

— Я должен задать корм моим лошадям и проследить, чтобы денники были как следует вычищены, — произнес лэрд. — Извини, красавица!

На самом деле, лошади здесь были совершенно ни при чем, просто Ринальд не мог себе позволить привести в дом женщину, чтобы ее присутствие не ранило Айгана. Поступить так с другим лэрдом не чувствовал себя вправе.

Вероятно было предположить, что после этого случая встречи Ринальда и Дэйны, так или иначе, станут повторяться, но нет, ни одна, ни другой долгое время не делали никаких шагов навстречу друг другу, ибо для Дэйны лэрд был не более чем одним из самцов, да, невероятно притягательным, красивым и так далее, но без него вполне можно было обойтись, тем более что у нее был Эвер.

А Ринальд запретил себе думать о незнакомке, имени которой даже не удосужился спросить.

Тем не менее Айган мыслил иначе и понимал, что именно из-за него друг обрекает себя на одиночество и затворничество. Лошади и рукописные собрания баллад — это, конечно, хорошо, однако не может заменить всех радостей жизни. Да и нельзя вечно жить только вдвоем! Кто-кто, а уж Айган-то отлично знал о бурном темпераменте лэрда, для которого связь с красивой женщиной необходима, как воздух. Он ведь и сам был почти таким же... прежде, имея внешность человека, а не уroda.

Поэтому он вскоре сказал Ринальду, что намерен покинуть его и обзавестись собственным домом; никаких возражений Айган слушать не пожелал, действительно занявшись устройством своей жизни. Небольшой дом на окраине леса и необработанные земли рядом, подходящие для псовой и соколиной охоты — вот всё, чего Айган хотел и получил.

А Ринальда остался в своем поместье, впервые задумавшись о том, чтобы завести семью: да и пора уж было, к сорока-то годам! Правда, он слабо представлял самое себя в роли отца семейства, но отчего бы не попытаться?..

Так что, когда Дэйна во второй раз появилась в его жизни, более удачного момента трудно было найти.

А она появилась...

Если их первая встреча была чистой случайностью, то теперь Дэйна оказалась во всеоружии, намеренная попробовать как-то привлечь этого странноватого отшельника к осуществлению своих великих замыслов, и вскоре убедилась, что сделала весьма неплохой выбор. Словно сами боги послали ей именно такого человека, страстного, мужественного, опытного воина, вечно мечтающего о подвигах и авантюрах, да еще и поразительно наивного.

Он же был в полном восторге от того, что вновь обрел свою «жрицу», с которой прежде не раз вспоминал.

Первое время эти двое вылезали из постели только чтобы поесть, а затем битва на простынях возобновлялась с удвоенной силой. Но чуть позже, полностью подчинив своей власти тело Ринальда, Дэйна добралась до его души, постепенно подготавливая лэрда к мысли о заговоре против короля Аквилонии и продемонстрировав полнейшее доверие тем, что познакомила рыцаря с Эвером и «братьями», сумев выставить их в

наиболее выгодном свете как борцов за восстановление законной власти в стране.

Ну как может какой-то киммерийский варвар, настоящий дикарь, бандит, узурпатор, вершить судьбы Аквилонии?!

Эти разговоры чрезвычайно сильно впечатляли Ринальда. Дэйна пересказывала ему, леденящие кровь подробности ужасных казней, которым Конан предавал своих противников, доколе не уничтожил почти всех, убеждала, что власть киммерийца зиждется исключительно на крови, страхе и жестокости, что «северное чудовище» под корень изводит всех великих хранителей тайного знания (имея в виду магов, а заодно и жрецов, осмеливавшихся призывать проклятия на голову нового короля).

Она ловко смешивала правду и ложь, ибо в действительности Конан никогда не останавливался перед тем, чтобы послать на костер десяток-другой колдунов, и это было общеизвестно, он вообще правил Аквилонией так же, как и жил — не особенно признавая всякого рода ненужную дипломатию.

Конан обладал железной волей, крутым нравом и желанием превратить Аквилонию в неприступное извне и процветающее внутри государство, не останавливаясь ради этого перед сколь угодно жесткими мерами, черная гвардия бывшего вора без суда, пощады и разбора карала смертью воров нынешних, смертная казнь применялась достаточно широко и почти за любое преступление, и тут не имели значения никакие

чины и титулы: казнокрад высочайшего уровня болтался на виселице с вываленным наружу синим языком рядом с базарным воришкой. И это подействовало.

Дошло до того, что, когда по личному приказу короля возле многих колодцев были поставлены кубки, чтобы каждый жаждущий путник мог напиться, эти самые кубки ни у кого не поднималась рука украсть, а они, между прочим, были изготовлены из чистого золота. Народ уважал и почитал Конана, ибо король был справедлив, и те, кто готовы были жить честно, могли ничего не опасаться. Дэйна же представляла сложившуюся ситуацию так, будто несчастная Аквилония просто тонет в крови невинных жертв, коим несть числа, и в этом нет ничего удивительного, ибо правит ею настоящее злобное животное.

И всё же лэрду было нелегко с нею согласиться, в основе его сомнений лежали известные ему баллады и саги о Конане, слагаемые бродячими менестрелями уже сейчас, при жизни киммерийца.

Такие певцы и сказители всегда были душой и голосом Хайбории, и голос этот вещал прямо противоположное тому, в чем Дэйна старалась убедить Ринальда: из них рыцарь знал, что Конан отчаянно смел, справедлив и благороден, причем двух мнений по этому поводу не было от Гандерланда до Шема!

Конечно, Ринальд понимая, что в каждой легенде — на то она и легенда! — немало преуве-

личений и вымысла, однако дух и суть сказаний обыкновенно не лгут: трус и ничтожество никогда не станет превозноситься бардами, а доблесть и мужество, напротив, непременно займут подобающее место в их сагах.

Получалось, что все усилия Дэйны разбивались, точно волны о скалу, об упрямую святую веру Ринальда в правоту каких-то песенок, имеющих хождение в простонародье. Это не укладывалось у нее в голове; женщина чего только ни делала, чтобы склонить его на свою сторону, и всё напрасно.

Ринальд показал ей свои драгоценные книги, в которых с такою любовью и величайшим тщанием записывал собранные им сказания, в том числе и те, которые имел дерзость сам переложить на стихотворным размер...

И вот тут-то Дэйна почувствовала, что наконец нащупала его слабое место. Она была не настолько глупа и примитивна, чтобы полагать, будто к сердцу мужчины есть только два пути: через желудок и орган, расположенный несколько ниже.

Конечно, Ринальд был изрядным гурманом: что за столом, что в постели; он, вообще, обладал утонченной натурой, хотя и провел большую часть жизни в условиях суровых и не созданных для утех, когда приходилось довольствоваться крайне малым, — но, на самом деле, аскетизм был чужд его природе.

Лэрд знал толк в изысканных наслаждениях плоти, кое-чему Дэйне самой пришлось у него

поучиться. Можно при отсутствии выбора спать на голой земле и радоваться корке хлеба с не-свежей водой, но если возможности позволяют, к чему себя истязать?

Ринальд придирчиво относился ко всему, что его окружало, предпочитая кричащей безвкусной роскоши — гармонию, животной отращи — долгие нежные ласки и любовные игры. Он никогда не позволял себе достичь полного удовлетворения, прежде не подумав о своей женщине, и даже — предел всему! — не отваливался от нее затем, как сытый боров, а продолжал, благодарно и восхищенно, ласкать ее, словно бережно помогая спускаться вниз с сияющих вершин.

Прежде, до встречи с ним, Дэйна считала себя опытной в такого рода вопросах, но с Ринальдом, для начала, обнаружила разницу между развращенностью и настоящей искушенностью. Поспешная возня двух потных тел ничего общего не имела с истинной близостью, которой он непременно требовал и добивался.

«Не бойся изучать меня и себя саму, крошка,— говорил он,— поверь, в человеке куда больше интересного, чем ты полагаешь!» И Дэйна изучала, будучи весьма прилежной ученицей...

«Говори со мной»,— советовал он, и она, даже не догадывавшаяся раньше, о чем и зачем говорить в постели, спрашивала, что он желает услышать? «Что ты меня любишь, например,— улыбался Ринальд,— что тебе нравится мое тело. Это очень просто, нужно только не сдерживать себя».

«Не бывает вообще людей, вообще мужчин или женщин, даже лошадей вообще,— продолжал он.— Каждый неповторим, каждый — единственный, в каждом есть своя тонкая струна, которую можно найти и заставить звучать, и у всех она разная, только никогда не ленись искать».

Знал бы лэрд, во что она обратит его искренность...

Дэйна, с позволения Ринальда, осторожно перевернула несколько страниц в его книге, обратив внимание на идеальный почерк писца.

— Сколько же ты сил должен был потратить, чтобы сотворить такое,— произнесла она.

— Дело того стоит, поверь,— ответил Ринальд.— Я рад, что тебе нравится, ведь вся древняя мудрость, сохраненная для нас, не утрачена лишь потому, что кто-то позаботился сберечь ее. Достоин похвалы мужество воина, увенчавшего себя победами в битвах и смертью от ран, но не менее прекрасен незаметный труд никому не известных писцов, которые работают, пока не ослепнут. Я всегда ими восхищался и считаю книги настоящим чудом,— он провел рукой по переплету.— Меня еще отец этому научил.

Через несколько дней после этого разговора Дэйна попросила Ринальда сопровождать ее в Тарантию, куда намеревалась отправиться по делам, связанным с монастырем, и лэрд охотно согласился. Он не так уж часто покидал поместье и уже порядком нигде не бывал, так что предложение «жрицы» пришлось весьма кстати.

Они очень неплохо проводили время в столице, как вдруг Дэйна обратила внимание лэрда на вереницу повозок, движущуюся в сторону центральной площади и сопровождаемую толпой возбужденных зевак.

— Что это? — спросил Ринальд.

— Не знаю, как и сказать тебе, — вздохнула женщина. — Здесь это не редкость... Казнь, но не совсем обычная, по-другому не объяснишь. Видишь ли, дорогой, киммерийцу мало того, что он уничтожает жрецов и магов. Не довольствуясь этим, он давно уже отдал приказ истреблять также их манускрипты, которые сваливают без разбора в огромные кучи и сжигают.

— Но это же... это... позор и варварство, — задыхнулся Ринальд.

— Так он и есть варвар, что тебя удивляет? — произнесла Дэйна. — Придем отсюда.

— Нет, — Ринальд, как зачарованный, пошел за повозками и следовал за ними вместе с толпой до тех пор, пока не увидел собственными глазами, как люди Конана сбрасывают манускрипты на землю, топча коваными сапогами переплеты, точно ненужный хлам, и сразу с нескольких сторон подносят к ним чадающие факелы.

Дэйна всё время наблюдала за лэрдом, лицо которого было искажено гневом и настоящим страданием, а губы шевелились, беззвучно произнося слова проклятий. Вот он не выдержал и рванулся вперед, к гигантскому костру, дым ко-

торого закрывал всё небо... Дэйна всей тяжестью повисла на лэрде, стараясь его удержать.

— Не надо, милый, не надо, — умоляла она, — да ведь за одну только попытку что-то спасти тебя самого объявят колдуном и предадут смерти!

Он стряхнул ее и продолжал идти прямо на солдат, оцепивших место пожара.

— Куда прешь, — крикнул один из них, — ну, назад!

— Вандалы, дикари, — прорычал Ринальд, — как вы смеее уничтожать саму мудрость?!..

Ему крупно повезло — лэрд не был арестован, его просто жестоко избили, ибо силы были слишком неравными, и он не мог оказать достойного сопротивления.

— Я же просила тебя не вмешиваться, — говорила затем Дэйна, промывая глубокие ссадины на его лице. — Это бесполезно, пока киммериец у власти, он не остановится, доколе не превратит Аквилонию в землю полнейшей дикости.

Ринальд поднял на нее страшные, заплавленные глаза, в которых стыла непримиримая решимость.

— Не успеет, — произнес лэрд. — Клянусь.

Дэйна поняла, что одержала победу.

Они возвратились в поместье, и Ринальд почти сразу сказал:

— В течение двух лун, Дэйна, не приезжай ко мне.

— Почему? — удивилась женщина.

— Я убью киммерийца,— заявил лэрд,— но для этого я должен подготовиться к схватке — он достаточно опасный и сильный противник.

Тогда же Ринальда послал одного из своих слуг за Айганом с настойчивой просьбой немедленно приехать. Его друг не заставил себя дожидаться.

— Ну, парень, какие дела? — весело спросил он, спешиваясь и заключив Ринальда в объятия,— скучно стало или помощь нужна?

— Нужна,— подтвердил рыцарь.— Придется тряхнуть стариной, упражняясь в бое на мечах.

— Ого! Да ты, никак, намерен кого-то прикончить? — сообразил Айган.

— Намерен. Аквилонского короля.

Прежде чем Айган успел собраться с мыслями и решить для себя — что это: шутка, бред или правда, Ринальда рассказал ему всё, что знал об узурпаторе и самозванце.

— Я вызову этого пса на поединок,— мрачно закончил он.— и да хранят меня боги.

— Точно,— согласился Айган.— помощь богов — это как раз то, что тебе очень понадобится, потому что на меня можешь не рассчитывать. То, что ты задумал — безумие чистой воды, к королю тебя никто и близко не подпустит, а головы тебе на плечах не сносить за один только этот вызов.

— Он будет драться со мной! — воскликнул Ринальд.— Будет! И я смогу победить, потому что правда на моей стороне. Самозванец не должен оставаться на троне. Может быть, я и на

свет родился только ради того, чтобы восстановить справедливость и законную власть в Аквилонии.

Айган только вздохнул, уразумев, что дело серьезно. Лэрд всегда отличался отменным упрямством и от задуманного не отказывался, хотя подчас его идеи вступали в противоречие со здравым смыслом и диктовались скорее великими страстями, единственно и способными возводить душу до великих дел. Умеренные страсти — удел заурядных людей, а лэрда Ринальда можно было назвать каким угодно, но только не заурядным. Верный Айган множество раз вместе с ним пожинал плоды его склонности доводить всё до предела и идти до конца, и понимал, что, похоже, пожизненно обречен этим заниматься, едва только Ринальда озарит очередная благородная идея служения некоему важному делу, в которое он тут же ввяжется сломя голову и не думая о последствиях, о том, что высокие идеалы слишком часто имеют свойство с треском рушиться, погребая душу под своими печальными обломками.

Надеяться на то, что лэрд изменит принятое решение, было бессмысленно, а покинуть его Айгану совесть не позволяла, и вот более двух лун кряду он, терзаемый наихудшими предчувствиями, сражался с Ринальдом в учебных поединках чуть ли не с восхода до заката солнца. Но и этого лэрду показалось мало. Он сообщил другу, что намерен продать поместье и до турнира жить в монастыре.

— Но зачем? зачем?..— в отчаянии спрашивал Айган.— тебя что, гонят отсюда?

— Я так решил,— отрезал Ринальд.— У меня с братьями один путь, и мы должны держаться вместе.

Полученные за свои земли деньги он вручил Дэйне, которая и вдохновляла его на «великий подвиг во имя Аквилонии».

Волей-неволей, нравилось ему это или нет, Айган оказался втянутым в заговор. Признаться, ни сам Эвер, ни его приближенные с самого начала не вызывали у него особых симпатий, на Айгана высокие слова не производили впечатления, а вся затея казалась безнадежного однако он поставил условие: на бой выйдет не обязательно Ринальд. Они с другом станут тянуть жребий, а там уж как судьба распорядится.

И она распорядилась...

Один из «братьев» отправился в Тарантию, чтобы отвезти Конану свиток, скрепленный личной печатью лэрда, в котором Ринальд, изложив все резоны, коим согласно киммериец не имел никаких прав на трон и должен был отречься от престола в пользу истинного наследника или же защищать свое царствование и честь на турнире, король ответил согласием сразиться. Теперь отступать было поздно.

Чем всё это закончилось, уже известно, узнав о случившемся, Эвер и Дэйна тут же покинули Аквилонию и обосновались в Аргосе, изменив имена и наскоро сочинив легенду о своих злоключениях в Гандерланде. Успокоившись и ос-

мотревшись, Дэйна решила начать всё сначала. Если ее мечты об аквилонском престоле рассеялись, как мираж, отчего бы не попробовать взяться за наступление на Мессантию? Чем она и занялась, для начала подробно разузнав о пристрастиях Треворуса и сделав все для того, чтобы им соответствовать..

«Не ленись искать неповторимую струну в каждом человеке»,— говорил Ринальд, и этот совет Дэйна считала бесценным.

Глава девятнадцатая

Вести дела с Треворусом было делом сложным, и Конан в этом скоро убедился. Аргосский правитель то производил впечатление вполне нормального человека, то вдруг словно впадал в транс, ссылаясь на нездоровье и старался тут же уйти.

Подчас казалось, что он подростку не помнит того, о чем шла речь накануне, а то и всего несколько минут назад, да при том ему постоянно представлялось, будто все, даже слуги, за его спиной только и делают, что злобно сплетничают о нем. Треворус, судя по всему, по-настоящему давно уже не правил, переложив дела на плечи своих приближенных, беззащитно пользующихся его странным состоянием: очень удобно иметь королем человека, столь мало способного следить за тем, что творится в государстве, да и

не испытывающего желания этим заниматься. Не нужно ни заговоров, ни дворцовых переворотов, ни хитроумных и опасных интриг, а всего лишь действовать его именем, но в собственных интересах.

При таком положении вещей оставалось только поражаться тому, как Аргос вообще еще не растащили по кусочкам!

Треворус был как-то избирательно мелочен, разграбленная нищая страна и опустевшая казна его волновали только время от времени, в моменты просветления, зато он мог прийти в неопишемую ярость, обнаружив крошечное пятно на столовом приборе или небрежность в одежде слуги, воспринимая это как личное оскорбление: всё равно что на тонущем корабле более всего заботиться о случайном плевке, замеченном на палубе!

Сам Треворус вел до отвращения праведную жизнь, не имея ни единой наложницы и не употребляя в пищу ни мяса животных, ни вина.

— Одну траву жрет,— однажды проворчал Конан по этому поводу,— так немудрено и самому в барана превратиться!..

Корабли, входящие в порты Мессантии, беззащитно грабились курсирующими возле самого побережья пиратскими судами.

На улицах столицы грабежи и убийства стали также обычным делом и никого не удивляли, а стража запросто отпускала любого преступника, если тот мог от нее откупиться, да и трудно становилось различить стражника от разбойника,

ибо войны больше всего заботились о том, как бы набить себе карманы... или просто не умереть с голоду — опустевшая казна не позволяла достойно оплачивать их службу.

Нищих в Мессантии было, кажется, больше, чем ремесленников! Селевые оползни смели с лица земли множество селений, жители которых толпами шли в уцелевшие города в поисках крова и хлеба, но ничего не обретали, пополняя бессчетную армию уличных попрошайек и воров. Аргосская армия также находилась в плачевном состоянии, можно сказать, ее и вовсе не было, если не считать легионерами скверно вооруженный и начисто позабывший о дисциплине, вечно полульняной сброд, не способный вести боевые действия.

В этой ситуации превращать Аргос в вассальное государство не составляло особого труда, даже не прибегая к каким-то исключительным мерам. Конан прекрасно понимал это и не собирался упускать подобную возможность, действуя в собственных интересах.

Он заявил, что все переговоры будет вести только непосредственно с Треворусом, не прибегая к помощи его приближенных и вообще в отсутствие таковых. После этого король Аквилонии взялся внушать правителю Мессантии, что помощь Тарантии ему жизненно необходима.

— Я обещаю тебе поддержку во всем, что касается этих ваших потерявших всякую совесть жрецов, — говорил он, — ибо знаю, как заткнуть им глотки. Готов предоставить лучших людей

для охраны портов и самых надежных воинов высших чинов — для наведения порядка в легионах. Но мое условие — не мешать им действовать. И, кроме того, позволить аквилонским кораблям беспопластно входить во все порты Аргоса...

Может быть, Конан не отличался особой дипломатичностью, зато его напор с лихвой компенсировал недостаток таковой. Он твердо знал, чего хочет и как этого добиться.

Под таким натиском устоять оказывалось столь же сложно, как становиться на пути бешено несущейся боевой колесницы, запряженной шестеркой лошадей, и рассчитывать, что тебя не втопчут в пыль. Киммериец просто не давал Треворусу опомниться, и не позволял ни с кем советоваться.

— Зачем тебе чьи-то указания? — недоумевал он, ловко разжигая честолюбие Треворуса. — Ты — единоличный и полновластный правитель Аргоса, тебе и решать его судьбу! Все остальные имеют единственное право: соглашаться с тобой и радоваться твоим решениям. Лично я веду дела только так, благодаря чему Аквилония процветает, ибо в Тарантии мое слово — Закон.

Простейший резон, суть которого сводилась к извечному вопросу: «Кто хозяин в доме — я или кошка?» действовал на Треворуса просто гипнотически.

Любую его попытку возражать киммериец тут же оборачивал как проявление недостойной нерешительности.

В результате правитель Мессантии подписывал и скреплял высочайшими печатями множество договоров, составленных Конаном и Паллантидом, толком их не читая, не успев вникнуть в суть и вряд ли подозревая, что, таким образом, препоручает Аргос на милость соседней Аквилонии.

Все происходило так стремительно, что здесь бы и более здравомыслящий человек вполне мог растеряться. Совершенно измученный этим вулканом в человеческом образе, Треворус, расставшись с киммерийцем, тут же уединился в оранжереях и никого не допускал к своей персоне, мечтая лишь о том благословенном дне, когда аквилонцы уберутся из Мессантии и оставят его в покое.

Что касается его приближенных, в том числе главного советника Раммара, то они пребывали в растерянности и панике: Конан на это и рассчитывал, зная, что внезапность и быстрота нападения зачастую содействуют успеху всей кампании.

Он весьма любезно предоставил Треворусу двоих своих людей в качестве аквилонских советников — они, правда, пока еще ни шагу не сделали без ведома самого Конана, но им предстояло остаться в Аргосе после того, как он покинет Мессантию.

И за всей этой бурной деятельностью Конан не забывал о лэрде. Он мог бы предположить, что беглец вообще ушел из аргосской столицы, однако, зная его натуру, склонялся к мысли, что

просто так Ринальд Мессантию не оставит. Это можно было расценивать как угодно, но после его ареста и исчезновения новых смертей во дворце не случалось.

Неужели все-таки я мог ошибаться в этом человеке? — размышлял киммериец. Верить в это отчаянно не хотелось. Хотелось иного: не полагаясь ни на кого, самому отправиться на улицы Мессантии. В себе Конан не сомневался, зная, что сумеет добиться в одиночку куда большего результата в поисках, нежели целый отряд. Ну не мог Ринальд нигде не проявиться! Не такой он человек, чтобы забиться в какую-то нору и отсиживаться там, точно крыса.

* * *

А Ринальд и не отсиживался, здесь Конан был совершенно прав.

Только на какое-то время «лэрд Ринальд» вообще перестал существовать, а вместо него в Мессантии появился еще один уличный сумасшедший — человек неопределенного возраста, с сальными пегими волосами, свисавшими неопрятными прядями, бессмысленным, блуждающим взором и редкой, тоже пегой, щетиной на болезненно-желтоватом лице, одетый не то чтобы совсем убого, но как-то нелепо, словно для него не имело значения, что и как на себя натянуть.

Его сходство с Ринальдом начиналось и заканчивалось разве что принадлежностью обоих к

мужскому полу. Зато, разумеется, он не привлекал ничьего внимания и был совершенно свободен в своих перемещениях по аргосской столице. Под вечер же он обыкновенно отправлялся в дом Хромой Ив, и ничего удивительного, ведь несчастный слабоумный приходился ей двоюродным племянником из Асгалуна.

Иное дело, что, едва за ним закрывалась дверь, человек этот немедленно преображался, нетерпеливо сбрасывая ненавистные лохмотья, стараясь придать себе более достойный вид и принимаясь ворчать, что не приучен скрывать свое настоящее лицо и изменять внешность, находит такое занятие отвратительным и так далее. Ив кротко сносила его недовольство до тех пор, пока ей не надоедало выслушивать эти жалобы, а поскольку терпеливостью она никогда не отличалась, то уже на второй минуте произносила:

— Может, хватит причитать, Камиль? И зачем так усердно отмываться, все едино завтра придется снова стать местным дурачком.

— Ничего, хоть ночь посплю человеком,— отвечал он, успокаиваясь.— Конечно, этот образ меня очень выручает, только смириться с ним я все равно до конца не могу.

— Ну, потерпи,— сочувственно сказала Ив.— Лучше расскажи, что кругом слышно. Я-то, видишь, в основном дворцовые сплетни нынче собираю, тоже занятно, но тебе их не узнать, пока ты первый со мной не поделишься! Да! Пока не забыла: ты знаешь что-нибудь о цветах?

Для Ив вообще были свойственны такие странные переходы от одной темы разговора к другой, что не всегда удавалось уследить за ходом ее мыслей.

— Увы, ничего,— признался «Камиль»,— никогда не приходилось иметь с ними дела. Растут и растут, красиво, конечно, но и не...

— Понятно,— вздохнула женщина.— Такая же бестолочь, как и я. Признаться, я-то и вовсе цветы не люблю. В молодости был у меня один ухажер. И так и эдак он меня обхаживал, а я только смеялась... не по сердцу он мне оказался. Даже не помню, как его звали. А я красивая тогда была, что ты! Коса в руку толщиной, не поверишь... И однажды принесли мне от этого парня цветы — я домой возвращалась, вся комната ими заполнена, да шикарные такие, загляденье. Ну, думаю, эх его разобрало... Ладно. Легла спать, а ночью чуть на Серые Равнины не угодила. Дышать не могу, из глаз слезы градом. Собрала я все венки и выкинула, ну их к Нергалу вместе с ухажером. И с тех пор с большой опаской отношусь ко всяким этим... растениям.

— Ну а теперь-то что они тебе дались? — прямо спросил «Камиль». — Не просто же так ты о них заговорила? Может, хочешь, чтобы я тебе букет подарил?

— Да на что он мне, есть, что ли? — усмехнулась Ив.— Уволь, я вроде не коза. Но ты понимаешь, знакомец твой, который так тебе не понравился, покойничек-то ходячий, Нагуд, бормотал что-то о цветке...

— А он разве снова приходил?

— Само собой. Стыдно признаться, но камешек-то он ведь умыкнул у меня! Ворюга дохлая, тьфу,— с чувством сплюнула Ив,— зла не хватает!

— И ты с ним одна... что ж меня не позвала?

— А что бы ты сделал? — резонно заметила женщина.— Он на меня нападать не собирался, нужна я ему. А ты и прежде страху натерпелся до конца дней. Нет, ни к чему мне было, дура старой, тебя еще тревожить.

За то очень короткое время, которое Ринальд прожил в ее доме, Ив успела привязаться к нему. Наверное, потому что она давно жила в одиночестве.

Лэрд пробуждал в ней воспоминания о тех годах, когда рядом с нею находился сын, Энекенн. Она даже находила некое внешнее сходство между ним и Ринальдом. Ив понравилось наблюдать за лэрдом, смотреть, как он ест и спит, чувствовать себя нужной ему. Все-таки она была куда больше женщиной, чем всю жизнь старалась казаться, хотя, может быть, несколько поздно поняла это.

Сейчас Ив боялась даже надеяться на то, чего ей очень хотелось — чтобы Ринальд подольше оставался рядом, а не покинул ее, как Энекенн. И если в ее силах было оградить его от некоей опасности, Ив не собиралась упускать такую возможность. Он и так достаточно много успел пережить, а впереди его ожидали новые злоключения.

Он нуждался в передышке, которую женщина была твердо намерена ему позволить: единственное, что люди способны противопоставить жестокости и несправедливости богов — это любовь и милость собственных сердец.

— Ну так, что в Мессантии слышно? — словно начисто позабыв о Нагуде, и об упомянутом им цветке, спросила Ив.

— Да ничего, заслуживающего внимания,— пожал плечами «Камиль», всем своим видом показывая, что ему крайне неприятны ее недомолвки.— Вот, разве что, денег тебе принес,— он пошарил в кармане и выложил на стол горсть мелких медных монет.

— Что-то негусто тебе нынче подавали,— заметила Ив.— С таких доходов ноги протянуть недолго. Может, плохо стараешься?

— Отстань, не издевайся,— отмахнулся он.— Еще и всерьез не побирался, только этого не хватало.

— Я, вот, еще хотела тебя предупредить — к нам вскорости, очень возможно, еще гости пожалуют,— сообщила женщина как о чем-то само собой разумеющемся.

— Что за люди? — насторожился лэрд.— Мне, может, лучше вообще уйти и не создавать тебе лишних сложностей?

— Нет, успокойся. Уходить никуда не придется, живи как живешь, я их предупредила уже о своем племяннике, только не подводи старуху, не показывайся им на глаза в своем обычном об-

личье, договорились? Да подожди торопить события, в свой черед сам все, что надо, поймешь.

— Вечно ты начинаешь темнить,— проворчал он.

Ив сделала вид, что пропустила его слова мимо ушей.

Глава двадцатая

Вазговор о цветке лэрд Ринальду пришлось вспомнить очень скоро. Ибо уже на следующий день, вновь отправившись в город, он лицом к лицу столкнулся с Рэймом. Купец, по обыкновению, был изрядно навеселе и при том выглядел мрачнее не бывает.

— Уйди с дороги, зараза нищая,— зло проворчал он, бросив брезгливый взгляд на неудачно подвернувшегося мальчишку-попрошайку и даже замахнулся, чтобы отвесить тому оплеуху, но тут чья-то рука перехватила и слегка вывернула его запястье.

— Не тронь парня, он тебе ничего не сделал.

— Что?! — возмутился Рэйм, недоуменно воззрившись на грязного придурка, осмелившегося с ним спорить, да еще хватать за руки.— Да я тебя сейчас...

— Освободись сначала,— хватка у «придурка» оказалась железная, еще бы чуть-чуть, и Рэйм рисковал остаться со сломанным запястьем, но мало того, попытавшись свободной рукой как следует врезать неожиданному противнику, купец как-то вдруг обнаружил себя лежащим на земле.

— Извини,— произнес его враг,— не рассчитал.

Боевой пыл Рэйма несколько поубавился.

— Слушай,— поднимаясь, произнес он,— а я нигде раньше не мог тебя видеть?

— Вообще-то мог, я думаю,— тот ухмыльнулся и подмигнул ему.— Даже выручил один раз и работу предлагал. Не помнишь?

— Камиль? — купец хлопнул себя по лбу и рассмеялся.— А я ведь искал тебя. Ты чего это из себя дурака строишь?

— Просто мне так надо, чтобы меня все подряд не узнавали. Идем, поговорим. Я тут обдумал твоё предложение насчет женщины и готов взяться за это дело.

Так оно и было. Ринальд действительно не мог выбросить «Кайну» из головы, прикидывая, что может ожидать ее в том случае, если затея Рэйма удастся.

Он знал такой тип людей, для которых завоевание сердца красивой женщины превращалось в своего рода охоту. Что греха таить, лэрд Ринальд и сам не раз становился таким охотником! В подобные моменты кажется, что ты весь мир готов отдать за один только благосклонный

взгляд, случайный поцелуй, но когда достигал венца своих устремлений, проходит совсем немного времени, и с некоторой досадой обнаруживаешь, что от пожара, полыхавшего в крови, остался один только пепел.

Наверняка Рэйм быстро удовлетворит свою страсть, попутно приложив некоторые усилия, чтобы выбить из строптивой красавицы непокорный дух, а затем попросту передаст ее в нижнюю часть корабля вместе с парой-тройкой других женщин, которых обыкновенно берут в море для утех жаждущих простых любовных развлечений матросов.

Капитаны некоторых судов, те, что придают значение поверью о том, будто женщины на корабле приносят несчастье, используют для тех же целей мальчишек-юнг, и это столь же обычное и привычное дело. Но Рэйм, похоже, сторонник более естественных развлечений.

Между прочим, многие портовые шлюхи сами охотно устраиваются на корабли, и там с ними обращаются не так уж скверно, а даже с некоторым почтением, если, конечно, женщина сама не дает повода для жестокости, выполняя свою миссию и сочувствуя изголодавшимся по ласке и утешению людям, на долгие месяцы отлученным от своих семей. Дэйну в таком качестве представить трудно, но она, пожалуй, справится, как только осознает, что не имеет иного выхода, думал Ринальд без всякого злорадства — а вот если до нее и Эвера доберется Конан, это верная смерть.

— На ловца и зверь бежит! — возбужденно воскликнул Рэйм. — Я на днях снимаюсь с якоря, так что хорошо бы поспешить.

— Куда? — спросил Ринальд. — Ты, вроде, сам себе хозяин.

— Так-то оно так, но хочу оказаться подальше от Мессантии в самое ближайшее время.

— Натворил что-нибудь, и теперь тебя ищут?

— Да ну, я откуплюсь хоть от самого Нергала, — возразил купец. — У кого деньги, у того и Закон. Нет, тут другое. Видишь ли, зим пятнадцать тому назад я был всего-навсего матросом на судне у капитана Альваро. И он получил личное задание от наследного принца Треворуса доставить из Черных королевств одну диковину. Не камни, не золото, а вот, знаешь, похлеще пакость — ядовитый цветок, к которому если прикоснешься, в тот же миг из тебя дух вон, но только когда голой рукой до него дотрагиваешься, так-то можно взять, в перчатке, например. И я вызвался этот цветок принести. Я — и дружок мой еще, Вахуром звали. Долго искали по всем джунглям, сколько раз со смертью перемигивались, но нашли. А в тех краях обитает одно племя. И вот, главный у них шаман, Майомбе, объяснил нам, будто основная опасность заключается в том, что цветок этот раз в десять зим обретает особую, страшную силу и способность убивать даже на расстоянии, одним своим запахом. Причем, чем дольше он живет, тем сильнее становится. При первом цветении еще ничего, дальше — хуже. У них там даже целая история о нем

есть, будто и не цветок это вовсе, а женщина, которую бросил ее парень, и она с тех пор мстит за свою обиду... ядом своей злобы исходит, плачет отравленными слезами, и роса на листьях тогда выступает кровавая. Я же был молодой и нищий, терять нечего, наплевал на все эти сказки, выкопал таких цветочков не один даже, а с полдюжины на всякий случай, мало ли иные в пути погибнут, и на корабль, в трюм. Как знал, что не зря брал с запасом, они почти все по дороге передохли. Причем, такая подробность, — Рэйм смущенно хмыкнул, — чтоб они лучше росли, их кормить надо.

— Кровью? — спросил Ринальд.

— Нет, еще забавнее: мужским семенем. А поскольку кроме меня дураков не было к ним даже близко подходить, а у меня на все не хватало, так и вышло, что выжил из них только один, уж очень они ненасытные. Если мало, начинают вянуть, вот хоть ты как.

— Странно, — удивился лэрд, — В лесах же они как-то обходятся без... хм... таких изысков.

— Там другое дело. Эти цветочки очень хищные и жрут каких-то особенных жучков, когда те к их листьям прилипают, а где бы я на корабле для них взял этих тварей? Ладно еще меня тот шаман научил, как быть, а то бы ни одного не довез. В общем, доставили мы с Альваро эту диковинку наследному принцу, который позже стал королем...

— С Вахуром, — поправил Ринальд. — Ты говорил, твоего друга звали Вахур.

— Ты меня не сбивай с толку! Вахур в Мессантию вообще не вернулся, он погиб в Куше, пропал. Понятно?! А Альваро — это мой капитан был! Так вот, Треворус заплатил очень щедро, и на те деньги я купил первые два корабля, с того момента и начал свое дело. Но речь о другом. Если цветок этот до сих пор жив, то вскоре должен начать цвести. А в это время можно всякой беды ждать, хочешь верь, хочешь — нет, но он словно все зло, какое только есть на свете, к себе притягивает. И в Мессантии оставаться сейчас — не хочу и не стану. По словам того шамана, он вроде как на границе миров живых и мертвых. И ночь его цветения — одна всего в десять зим! — для нечисти великий праздник и лучшее время. Да ты глаза разуй, что нынче в Аргосе творится, так плохо никогда еще не бывало! И с каждым днем только хуже делается. Мы уже столько лун солнца не видели, одни дожди и холод.

— Неужели ты серьезно считаешь, будто все это из-за какого-то дурацкого цветка, пусть даже ядовитого.

— Считаю или не считаю, но здесь не остаюсь, — мрачно отрезал Рэйм. — И тебе не советую. Давай решим это дело с моей женщиной, и я возьму тебя в море, если захочешь. И работа будет, и из Аргоса вовремя ноги унесешь. Я тебя предупредил, а там — твое дело.

Ринальд про себя отметил, что купец уже говорит о «Кайне» как о «своей женщине».

— Значит, сегодня-завтра? — уточнил он.

— Да. Ты старайся крутиться поближе к ее дому, а я тебе дам знать, когда надо будет. С одним возницей мы вдвоем как угодно справимся.

— Что ж, ты думаешь убить его? — спросил лэрд.

— Ни к чему оставлять кого-то, кто тебя видел в лицо, — произнес Рэйм, — никогда не нужно так рисковать.

— Мне кажется, если хоть возможность сохранить человеку жизнь, то как раз ее нельзя упускать, — не выдержал Ринальд, которому Рэйм с каждой минутой становился все отвратительнее: что это за человек, который, совершив великое зло, готов бежать подальше от последствий своего деяния и даже в мыслях не держит попробовать как-то исправить положение!

— Слушай, парень, если работаешь на меня, то играй лучше по моим правилам, — жестко возразил купец, — а свои порядки где-нибудь в другом месте будешь устанавливать.

Лэрд счел разумным не вступать в бессмысленный спор, думая о том, как бы побыстрее поговорить с Ив об услышанном, и, распрошавшись с Рэймом, поспешно пошел в сторону ее дома.

Глава двадцать первая

Ресказанной радости Треворуса, Конан сообщил ему, что на следующий день аквилонцы собираются покинуть Мессантию. Он теперь так старался ускорить их отъезд, что напоследок почти не глядя подписывал все, о чем ему предлагалось договориться, лишь бы властитель Аквилонии оставил его в покое.

Он даже не стал лишний раз интересоваться, удалось ли тому выйти на след беглеца, подозреваемого в покушении. Зачем спрашивать, если это может заставить Конана задержаться в Мессантии? Нет, пусть лучше уйдет и он, и его люди, и чем скорее, тем лучше. Единственное, что вызвало протест Треворуса, была весьма странная личная просьба аквилонского короля.

— Как тебе известно, — произнес Конан, — у меня есть сын и наследник, именем Конн, кото-

рый заменит меня, когда придет его срок встать во главе Аквилонии. Насколько я понимаю, и ты не сможешь вечно оставаться у власти, и тогда твои сыновья станут править Аргосом. так вот, я полагаю, что человеку следует как можно раньше начинать готовиться к той миссии, которую ему предстоит исполнять, и потому хотел бы познакомить будущих королей. Надеюсь, ты позволишь сыновьям посетить Тарантию.

— Но они... — лицо Треворуса исказилось, однако аквилонский правитель не дал ему возразить.

— Они совершенно вменяемы и хорошо развиты. Все остальное не имеет значения.

— Я подумаю, — пробормотал Треворус.

— Отлично, друг мой, — кивнул Конан так, словно получил верное согласие. — Я распоряжусь, чтобы спустя одну-две луны, или даже раньше, мои люди явились в Мессантию для сопровождения инфантов ко двору Тарантии со всеми надлежащими их высокому положению почестями. Почему-то мне кажется, ты сможешь пережить их отсутствие, — не удержался он от язвительного замечания. — А им будет полезно познакомиться с государственным устройством и обычаями, принятыми в Аквилонии.

То, что Конан вообще завел подобный разговор, было отнюдь не случайностью и не нелепой прихотью. Треворус не подозревал о том, что знакомство аквилонского правителя с Химатом и Талгатом не ограничилось теми недолгими минутами, когда инфанты вступились за лярда.

Признаться, их действия произвели на киммерийца весьма сильное впечатление, равно как и они сами, это проявление сарказма богов.

Вообще, Конан, в отличие от иных высокопоставленных особ, никогда не держал рядом с собою ни шутов, ни карликов, ни всевозможных уродов, при аквилонском дворе подобное заведено не было.

Напротив, он предпочитал видеть в своем окружении достойных и сильных людей, небезосновательно полагая, что правители, приближающие к себе неполноценных созданий, просто-напросто таким образом стараются подчеркнуть собственную значительность.

Конан в таких ухищрениях не нуждался, он и без того был уверен в себе, а лицемерие уродства вызвало у него досаду и отвращение. Это не касалось только тех случаев, когда то или иное увечье было результатом тяжелого ранения, полученного в битве. Воин, который пострадал в сражении, не должен испытывать неловкости из-за того, что его тело отмечено шрамами, а лицо обезображено.

К таким людям Конан проявлял уважение и обращался с ними достойно. Каждый боец аквилонской когорты мог быть совершенно уверен в том, что, случись с ним беда, король позаботится, чтобы он и его семья были обеспечены всем необходимым, а не проклинали до конца своих дней несправедливость судьбы.

Химат и Талгат были случаем совершенно особенным и ни под какие привычные рамки не

подходящим. У киммерийца возникло желание немного побеседовать с ними, и он не пожалел об этом.

Как ни мало Треворус интересовался своими отпрысками, к ним все же были приставлены и слуги, и те, кто заботился не только об естественных животных потребностях инфантов, но и об их образовании.

Часто случается так, что человек, обделенный судьбой, словно в противовес этому оказывается обладающим некими необыкновенными свойствами. Это в полной мере касалось сыновей Треворуса. Химат отличался поразительными умственными способностями и легко овладевал множеством наречий, умея говорить, читать и писать почти на всех языках Хайбории, да и прочие науки давались ему на удивление легко. Таким учеником мог бы гордиться любой мудрец!

Пытливый, живой и ясный ум Химата впитывал в себя, как губка, любое знание, а его памяти оставалось только позавидовать. Он проявлял интерес к математике и философии, описаниям иных земель и созвездий, логике и риторике, мореплаванию и военному делу...

Через пять минут разговора с ним Конан поймал себя на том, что почти забыл и об уродстве принца, и об его невероятно юном возрасте. А когда речь зашла об Аргосе, Химат окончательно сразил киммерийца тем, насколько разумно и подробно излагал все меры, которые необходимо принять, чтобы в кратчайшее время

добиться процветания своей страны. Похоже, он тратил немало времени на то, чтобы быть в курсе всего, происходящего в Мессантии и за ее пределами, и уж точно побольше, чем его отец. Вот с кем имело смысл серьезно обсуждать дальнейшую судьбу Аргоса! Химат обладал всеми задатками истинного правителя, только, увы, его мнение при дворе ничего не значило и не решало.

— Парень,— с искренним восхищением сказал Конан,— Когда ты станешь королем, для Мессантии это будет благословением.

— Но этого никогда не случится,— спокойно ответил мальчик.— Нас убьют гораздо раньше. Главный советник Раммар спит и видит, как бы с нами расправиться. Он ненавидит нас и презирает отца, мечтая занять его место, а жрецы в один голос ему подвывают. Но он совершает огромную ошибку: опираться надо не на них, а на армию.

— Так,— подтвердил Конан,— не могу с тобой не согласиться.

— И вообще, в нынешней ситуации спасение Аргоса в том, чтобы стать частью Аквилонии,— продолжал Химат.— Я говорю это не из лести тебе, а потому, что чем больше страна, тем она сильнее. Распространение аквилонских законов на Аргос необходимо, но если кто-то вслух заявит об этом, его назовут предателем.

— Даже короля?

— Я не король. А отцу ни до чего нет дела. Мессантией правит Раммар, недалекий и алчный, и результат этого очевиден.

— А меня ты считаешь разумным правителем? — прямо спросил Конан, вдруг ощутив, что ему действительно безразлично мнение этого удивительного мальчишки.

— В целом ничего,— заявил Химат.— Мне нравится твоя решительность, но тебе недостает умения иногда не идти напролом, а находить более тонкие и мудрые способы вести дела. Если мой отец вообще ничего сам не решает, то ты, наоборот, хватаешься за все сразу, не учитывая, что не во всех вопросах достаточно разбираешься. Тебе недостает образованности. Кроме того, ты бываешь несправедлив и рискуешь оттолкнуть от себя достойных и верных людей тем, что способен их публично унижить.

— Как Ринальда,— вмешался Талгат.

— Я принес ему извинения,— сообщил Конан.

— Чтобы тут же арестовать? — заметил Талгат.

— Вы не знаете всех обстоятельств.

— Мы никогда не говорим о том, чего не знаем. Если бы ты полагался не только на разум, но и на то, что подсказывает сердце, никогда бы так не поступил.

В этот момент Конан понял поразительную вещь. Эти двое были идеальным дополнением друг друга. Если Химат являлся мозгом сего странного организма, то Талгат — его душой и сердцем. Один был способен охватить огромный

объем внешних знаний о мироустройстве, другой — глубину и разнообразие внутренней сути людей и явлений. Дети одних родителей, чудовищно сросшиеся близнецы, сходство которых должно было являться абсолютным, оказывались на самом деле совершенно разными!

— Вот что, парни,— произнес Конан.— Что скажете, если я увезу вас в Тарантию? Подальше от Раммара?

— Это может спасти нам жизнь,— отозвался Химат.— Но отец будет против.

— Вашего отца я возьму на себя. Идет?

* * *

Вот что предшествовало разговору киммерийца с Треворусом, но аквилонский король не стал вдаваться в такие подробности.

Он пришел к неутешительному выводу о том, что Треворус попросту недостоин не только трона, но и собственных сыновей, после чего в голове Конана возник еще один исключительный по своей дерзости замысел, коим он, впрочем, до времени ни с одной живой душой не собирался делиться.

Две луны срок немалый, подумал Треворус. За это время киммериец сто раз успеет выбросить из головы свою нелепую затею, а сейчас лучше открыто не возражать.

— Да будет так,— произнес он, размышляя о том, что его ждет в оранжереях Кайна, явившаяся

во дворец с какой-то просьбой, которую еще не успела высказать.

Прежде, надо заметить, она обыкновенно не просила ни о чем, но нынче явно пребывала в заметной тревоге, омрачающей душу будущей королевы Аргоса, и Треворус как раз собирался выяснить, в чем причина.

Поэтому он, едва скрывая облегчение, церемонно распрощался с Конаном и поспешил к двум созданиям, которые интересовали его куда больше.

* * *

— Слава богам,— сразу же сообщил он Кайне,— завтра утром чужаки уберутся из Мессантии. Знаешь ли, их присутствие держало меня в постоянном напряжении, и я рад, что все закончилось.

— Завтра? — переспросила та.— Но разве аквилонцы не собираются задержаться?

— Значит, их намерения изменились, и это хорошо... Итак, дорогая, что ты хотела мне сказать? — при этом Треворус взирал на Возлюбленную, словно обращался именно к ней.

— Мне не представилось случая сказать тебе об этом раньше, но в мой дом кто-то пытался проникнуть,— объяснила Кайна.— Это напугало меня. Слуги не смогли схватить незнакомца, упустили его.

— Я пришлю охрану,— пообещал король.— Не волнуйся. С твой головы волосок не упадет.

— Да, но... если бы ты позволил мне нынче не возвращаться туда, я была бы тебе весьма признательна,— горячо сказала женщина.— У меня плохое предчувствие.

— То есть ты хочешь остаться во дворце? — переспросил Треворус.— Что ж, я буду этому только рад. Я совершенно не желаю, чтобы с тобой случилась какая-нибудь неприятность, а тут ты в полной безопасности.

— Эулиара тоже не возражает против моего присутствия,— совершенно серьезно произнесла Кайна.

Это было правдой.

Возлюбленная вполне благосклонно принимала будущую королеву, Треворус сразу это заметил. Между женщиной и цветком установились прекрасные отношения.

В жилах Кайны недаром текла кровь Алгиданы, большую часть жизни не вылезавшей из постелей сильных мира сего. Она отлично знала, как следует держаться с ними, впитав эти представления в буквальном смысле слова с молоком матери.

Аквилонцы намерены утром покинуть Мессантию, думала Кайна. Значит нынешняя ночь — последняя, когда еще можно успеть осуществить свой замысел. Она пристально взглянула на Эулиару.

Всего-то и нужно, что один отросток, несколько продолговатых бледных листьев, это такая малость!

А Треворусу она потом как-нибудь объяснит, объяснит их отсутствие на цветке...

Покамест Кайна не могла точно себе представить свой разговор с королем Аргоса, но не сомневалась: когда потребуется, слова найдутся сами.

Глава двадцать вторая

Одо пропал!.. Лю Шен и подумать не могла, насколько сильно способно расстроить ее это обстоятельство. Подумаешь, какая потеря! Но она, во-первых, успела привыкнуть к животному — тому самому подарку Хромой Ив, и никогда с ним не расставалась.

Одо — так она назвала его — живым воротником лежал на ее шее или ходил сзади, точно собака. В последнюю очередь эту хитрую грациозную тварь можно было назвать «милым котиком» — ничего милого в его бандитской роже не наблюдалось. Но со стороны возникало впечатление, будто девушка и зверь как-то внутренне связаны между собой и разве только не разговаривают!..

Правда, особенного беспокойства кот до сих пор не проявлял, как того ожидала Ив. Лю Шен

сразу же отказалась держать его на цепочке, не желая ограничивать свободу независимого животного, и Одо, как ни странно, оценил этот широкий жест, не делая никаких попыток исчезнуть. Во всяком случае, до сих пор.

И вдруг... Лю Шен встревожилась. Куда и почему он мог деться? Ушел из проклятого дворца, как все его предшественники?

Она впервые пожалела, что не последовала совету Ив и избавила Одо от ошейника с цепочкой. Кхитаянка решила поискать животное, надеясь на то, что ей повезет. Лю Шен прошлась по коридорам дворца, время от времени окликающая Одо, и в какой-то момент кхитаянке показалось, будто он отозвался — во всяком случае, она довольно отчетливо услышала его короткое хриплое мяуканье и ускорила шаги, следуя на этот звук.

Она не ошиблась и, вскоре увидев кота, испытала мгновенное облегчение, тут же, впрочем, сменившееся еще более сильной, нежели прежде, тревогой. Серая тень мелькала и исчезала, постоянно опережая Лю Шен шагов на десять. Спеша за нею, девушка оказалась в королевской оранжерее, где ей прежде не доводилось бывать, но Одо продолжал бежать вперед, пока не остановился возле какого-то странного растения с длинным стеблем и бледно-зелеными узкими листьями.

Зверь принюхивался и вел себя беспокойно, вдруг припав к земле и начав подкрадываться к

чему-то, чего Лю Шен разглядеть не могла, как ни старалась.

— Что ты здесь делаешь?

Наблюдая за Одо, Лю Шен не заметила, что они здесь не одни. Женщина, довольно высокая и наделенная богами яркой, поразительной, но какой-то хищной красотой, стояла перед нею, недовольно сведя к переносице стрелы черных бровей.

Рядом с этой величественной особой, с коей впору было ваять изображения богинь, кхитайнка казалась совсем юной, бледной и непривлекательной.

— Я искала Одо, кота,— объяснила Лю Шен.— Он сбежал и пришел сюда. Сейчас я заберу его и уйду.

— Я не видела тебя раньше в оранжереях,— произнесла женщина с подозрением.

— Я аквилонка, подданная короля Конана,— сказала Лю Шен.— И между прочим, тебя тоже вижу во дворце впервые,— добавила она, недовольная собою за то, что так теряется перед незнакомкой.

Без пяти минут королева Мессантии презрительно хмыкнула.

— Забирай эту тварь и убирайся,— велела она не терпящим возражений тоном.— Вы, аквилонцы, еще бы здесь свиней развели.

— Не надо так со мной говорить,— твердо заявила Лю Шен.— Я не рабыня. Во всяком случае, не твоя.

Она изо всех сил старалась вспомнить, где могла видеть эту черноволосую красавицу. Лю Шен казалось, они уже встречались прежде, но где и когда, она не понимала. Да и та не выказывала никаких признаков узнавания, явно видя кхитайнку впервые.

— Извини меня,— проговорила незнакомка, неожиданно сменив гнев на милость.— Конечно, я не права. Ты, верно, близко знаешь короля Конана?

— О, конечно,— кивнула Лю Шен.— Он мой господин, я служу лично ему.

— Огромная честь! А я о нем только слышала,— вздохнула женщина,— хотя всегда им восхищаюсь и считаю поистине великим правителем. Послушай, девочка, не знаю, как тебя называть...

— Лю Шен,— представилась кхитайнка.

— Лю Шен,— повторила та,— я бы хотела преподнести твоему господину небольшой дар, но так, чтобы это не выглядело дерзким и нескромным. Может быть, ты сможешь передать ему все это? — женщина склонилась к странному растению и, достав остро отточенный нож, срезала один из побегов.— Это символ власти и могущества,— она протянула побег Лю Шен, и та заметила, что руки женщины затянuty в кожаные перчатки, доходящие до локтей.— Только осторожно,— предупредила черноволосая.— Растение очень хрупкое, к нему нельзя грубо прикасаться. Вот, оберни ладонь платком. Поставь побег в комнате твоего господина, это принесет

ему удачу. Но сама не прикасайся,— настойчиво повторила она.— Существует поверье, согласно которому ты иначе отнимешь удачу у того, кому предназначен дар. Ты поняла?

— Да,— Лю Шен недоверчиво взглянула на незнакомку.— Странное поверье. И этот цветок тоже какой-то странный.

— Ну, милая, я не думаю, будто тебе известны все сотни и сотни растений, которые собраны здесь,— возразила женщина.

— Сотни — нет, но многие я знаю,— ответила Лю Шен.— Я врачевательница. Меня специально учили распознавать цветы и травы, которые могут быть полезны для человека или, наоборот, смертельно опасны. А этот цветок... — она замолчала, наблюдая за Одо, который окружающий зеленью совершенно не интересовался, куда более встревоженный присутствием черноволосой: он прижал уши и чуть отступил назад.— Он мне не нравится,— решительно закончила Лю Шен.— И тебе я не доверяю. От вас обоих исходит зло и опасность, Дэйна,— неожиданно вырвалось у нее, и кхитайка даже сама не поняла, что произошло раньше — вспышка озарения, когда ей стало ясно, кто перед ней, или слово слетело с ее языка будто само собой, помимо ее воли.

Потому что она совершенно отчетливо увидела: вот Ринальд, сразу после поединка с Конаном, когда девушка впервые оказалась с ним рядом, и ей нужно снять с него доспехи и одежду, чтобы остановить кровь и обработать рану... и

помимо прочего, медальон на его шее, который тоже пришлось снять, расстегнув серебряную цепочку.

Лю Шен никогда не отличалась излишним любопытством, тем более неуместным в подобной ситуации, но медальон неожиданно раскрылся, и она увидела изображение той самой женщины, которая сейчас стояла перед ней! Правда, вспомнить, куда потом делся этот медальон, Лю Шен не могла, да это было и не важно.

Эффект, произведенный ее словами, был мгновенным и соответствующим обстоятельствам.

Лицо женщины исказилось страхом и ненавистью. Она взмахнула рукой, рассчитывая хлестнуть кхитайку побегом, который продолжала держать. Все произошло в какие-то ничтожные доли мгновения.

Лю Шен успела отклониться благодаря тому, что обладала отменной реакцией, и побег просвистел меньше чем в дюйме от ее лица, впрочем, уже следующая попытка Дэйны вполне могла увенчаться успехом — но тут Одо высоко подпрыгнул, явно намереваясь вцепиться Дэйне в глаза.

Это было точным воплощением ее собственных ночных кошмаров — женщина заслонила лицо, выставив вперед руку, и мелкие острые зубы и когти Одо впились в перчатку, пропоров ее насквозь, так что Дэйна с криком разжала пальцы и выронила растение под ноги, стараясь стряхнуть взбесившегося кота.

Воспользовавшись моментом, Лю Шен вполне могла бы убежать, но ей не хотелось оставлять Одо один на один с Дэйной.

Кроме того, кхитаянку захлестнула невиданная ярость — ведь именно эта женщина была причиной стольких бед, обрушившихся на Ринальда, и она же направляла руку лэрда против Конана!

Лю Шен не учили убивать, это было ни к чему для той, которая была призвана спасать чужие жизни, но защищать себя она умела в совершенстве, владея всеми необходимыми для этого навыками, даже не требующими наличия оружия или особенной физической силы.

Едва Дэйне удалось стряхнуть кота, как Лю Шен набросилась на нее, сбив с ног и стараясь действовать так, чтобы парализовать противницу резким и точным ударом по шее чуть ниже уха.

Но в тот момент, когда эта цель была благополучно достигнута и Дэйна обмякла, потеряв сознание, чья-то рука схватила кхитаянку за шиворот и поставила на ноги. Разгоряченная короткой схваткой, Лю Шен смело взглянула на вновь прибывшего.

— Ты убила ее, узкоглазая тварь! — заорал Треворус.

— Увы, нет, — возразила Лю Шен, — хотя она вполне заслуживает смерти! Эта женщина...

— Эулиара! — воскликнул Треворус, бросаясь теперь уже к своему цветку. — Дорогая, ты не пострадала?.. О, кто сделал это с тобой? — он за-

метил, что один из побегов оказался срезанным и валялся на земле под ногами, и в бешенстве обернулся на Лю Шен.

— Ну уж не я, — девушка пожалала плечами. — Зачем бы мне это понадобилось — но тут она тоже увидела нечто, заставившее кхитаянку обомлеть.

Одо был мертв.

Он лежал, вытянувшись, на том самом проклятом побеге, о котором так горевал правитель Мессантии — вероятно, несчастное животное коснулось смертоносного растения незащищенными подушечками лап; мало того, тело Одо словно на глазах сгорало изнутри, пожираемое незримым пламенем!..

Понять и сопоставить все сразу Лю Шен не смогла, зато сообразила, что теперь самое время уносить ноги, так и поступив, ловко лавируя между растениями и приближаясь к выходу из оранжереи.

Добраться до своих как можно скорее — вот все, чего ей сейчас хотелось, но Треворус не был намерен ей позволить это осуществить, он был в такой ярости, что оказывался вполне способен свернуть кхитаянке шею.

Ее выручило то, что Лю Шен выигрывала в ловкости и подвижности, к тому же девушка слишком ясно осознавала нависшую над собой смертельную опасность.

Она успела влететь в покои короля Аквилонии и захлопнуть за собой дверь прежде, чем Треворусу удалось настичь ее.

* * *

— Господин... господин...

— Что с тобой? — спросил киммериец, обняв дрожащую всем телом девушку и проводя огромной ладонью по ее волосам, утешая и успокаивая. — Кто тебя напугал?

— Я не... не напугана, — пролепетала Лю Шен, невольно прижимаясь к гиганту и всем своим видом подтверждая обратное. — Но я видела ту женщину, здесь во дворце! И цветок, который убил Одо! Он погиб, наступив на него, а она хотела, чтобы это был ты, но я успела ее...

— Так, давай по порядку, — Конан понял, что дело серьезно. — Что за женщина и кто такой Одо?

— Медальон Ринальда... там был ее портрет, и я узнала ее лицо. Женщина — Дэйна, которая втянула Ринальда в заговор против тебя! А Одо — это кот, которого Ив мне подарила. Он сбежал, я его искала, случайно попала в оранжерею, и она тоже там оказалась, и цветок, который может убивать всех, кто к нему прикасается...

— Ты не могла ошибиться?

— Нет, я хорошо запоминаю людей. Я редко ошибаюсь, Конан! О, господин, прости...

— Я сам однажды просил обращаться ко мне по имени, так что все нормально, продолжай, — ободрил ее киммериец. — Значит, говоришь, Дэйна? Она гналась за тобой?

— Не она. Треворус. Он просто взбесился, когда увидел, что цветок поврежден, а она лежит без сознания — я ее слегка ударила вот сюда, — Лю Шен показала на шею, а затем, заметно успокоившись, изложила все события куда более последовательно.

— Ты кому-нибудь еще об этом говорила?

— Нет, я сразу побежала к тебе.

— Правильно, Лю Шен. И не говори. Веди себя так, словно ничего не случилось.

— Но Треворус может устроить скандал еще хуже, чем когда...

— Когда Ринальд с ним говорил? Верно? И ты опасаясь, что тебя никто не защитит от моего гнева? Так вот, Лю Шен, за это не тревожься. Я не дам в обиду моих людей ни Треворусу, ни всему сонму богов, запомни.

— Да, Конан.

— А теперь послушай. Все, что ты рассказала, очень важно. Завтра мы покинем Мессантию.

— Но...

— Лю Шен, я не закончил. Ты становишься настоящей аквилонкой, скоро кхитайского в тебе ничего не останется, кроме глаз, если дошло до того, что ты перебиваешь короля!

— Я все равно не уеду без Ринальда! Он унижен и под подозрением из-за меня, Конан, я должна...

— Даже против моей воли? Ну, что же ты замолчала? Скажи наконец вслух, что ты его любишь, произнеси это.

— Я верна тебе, Конан.

Иногда говорить с Лю Шен казалось сущим наказанием.

— Чудесно. Сядь,— он указал на постель, и когда девушка подчинилась, лег и положил голову ей на колени.— Ты верна своему королю, но я еще и человек, который не может требовать ни от тебя, ни от кого-то еще убить в себе все остальные чувства, иначе мне будут служить не люди, а чудовища. Я стану сейчас говорить, а ты просто слушай, поняла?

Лю Шен в ответ провела пальцами вокруг его глаз, а Конан, опустив веки, начал посвящать ее в свой замысел, спокойно и убедительно объясняя, что им обоим предстоит сделать.

Глава двадцать третья

о Лю Шен напрасно опасалась скандала, которого ожидала со стороны Треворуса. Правитель Аргоса ни словом не обмолвился о ночном происшествии, слишком спеша выпроводить, наконец, аквилонцев,— и вот утром его желание исполнилось.

Иное дело, что, вернувшись после неудачной погони за кхитайкой в оранжерею, Кайну он там не застал. Женщины и след простыл. По счастью, вред, нанесенной Возлюбленной, оказался невелик, Эулиара почти не пострадала — убедившись в этом, Треворус почувствовал, что у него отлегло от сердца. Он не стал звать слуг, чтобы избавиться от останков кота, которого наскоро закопал, брезгливо морщась, под одним из своих причудливых деревьев.

* * *

...Отъехав, в сопровождении своего эскорта, на пару десятков лиг от Мессантии, Конан велел всем остановиться и о чем-то недолго, но резко говорил с Паллантидом. Наконец, тот неуверенно кивнул в некоторой растерянности от услышанного и приказал всем без исключения гвардейцам следовать за собой в сторону Аквилонии, в то время как два человека развернули лошадей и отправились назад.

Нетрудно догадаться, что этими двумя были сам властитель Аквилонии и его верная кхитайка.

Спустя еще несколько часов они явились к ожидавшей этого визита Хромой Ив.

— Примешь гостей, женщина? — с порога спросил Конан.

— А куда от тебя денешься,— проворчала та.— Входи, только не ори так — я не глухая, слава богам. И эту, «дочку» свою приволок, ну ты смотри, тебе что, скучно без компании? Прежде и со мной неплохо было, а теперь-то, верно, думаешь — что толку от старой карги?

— Язык у тебя, Ив, настоящее помело,— заметил киммериец,— видно, только и молчишь, когда спишь.

— Я у себя дома, что хочу, то и говорю. Надо бы твою подружку с моим племянником познакомиться, вот он болтать не мастер, все больше молчком.

— Еще бы: ты ж никому и слова вставить не дашь,— усмехнулся киммериец.— Только ты мне ничего не говорила про племянника, я думал, ты одна живешь.

— Так ты не спрашивал,— парировала Ив.— К тому же он тебе не помешает, живет и ладно, помещает мне, если что. Его сейчас и дома нет, сам понимаешь дело молодое. Может, еще упрекнешь, зачем я тебя про собачку не предупредила? Вот у меня сторож,— она указала на Шенара.

Их манера общаться друг с другом потрясала Лю Шен — на ее памяти, так дерзко с Конаном никто не смел разговаривать, а Хромая Ив не выражала и намека на почтительное отношение к королю Аквилонии, словно они до сих пор оставались на равных!

Впрочем, судя по всему, Ив титулов вообще не признавала. Но кхитайнку взволновало другое — упоминание женщины о некоем племяннике. Она боялась подумать о том, кем он может оказаться...

Робкая надежда и отчаянный страх боролись в душе ее, заставляя сжиматься сердце, до тех пор, пока дверь не открылась и все чувства Лю Шен не сменились мгновенным разочарованием. Ибо если она ожидала увидеть лэрда Ринальда, то этим надеждам сбыться было не суждено, по крайней мере, не на сей раз. Человек, переступивший порог, не имел к тому никакого отношения.

— Камиль! — обрадовалась его появлению Ив.— Где же ты пропадал, я уж беспокоиться начала.

Он в ответ промычал нечто невразумительное, явно смущенный и встревоженный присутствием чужих, незнакомых людей и порываясь немедленно удалиться, но Ив ловко поймала его за рукав, удерживая на месте.

— Он так-то ничего,— пояснила она для Конана и девушки,— только с детства на голову слабоват, бывает, совсем дурной делается, но если его не пугать, не кричать на него, так и ладно. Тоже, вот, наследство мне от покойной двоюродной сестрицы досталось, да куда деваться. Эх, Камиль, ты бы хоть помылся для приличия, смотреть тошно. Впрочем, что с ним говорить, он воды боится, ну что ты скажешь!

Конан глянул на родственника Ив с нескрываемым омерзением, а Лю Шен испытала к несчастному идиоту глубокую жалость. Тот, в свою очередь, бросил на Ив довольно злой взгляд.

— Ну, еще чего,— заворчала та,— ты волком не смотри, соображай, кто тебя кормит, хотя бы, а то без меня давно бы где-нибудь ноги протянул. Жрет как прорва, да не в коня корм,— пожаловалась она.— Иди уж к себе, не мозоль глаза добрым людям.

— Не обижай его,— вырвалось у Лю Шен.— Он же не виноват, что...

— Тоже мне, заступница выискалась,— отмахнулась Ив,— ишь ты, «не обижай»! Он дурак-то дурак, а сильный, как боров, его кто обидит, три

дня не проживет. И еще,— она понизила голос, проводив глазами прошедшего в другую часть дома Камиль,— ты, красавица, поосторожнее с ним, близко не подходи, он до баб падкий, страх прямо, я вот только и слежу, как бы беды не вышло.

— Ох и сильна ты, подруга, голову морочить,— непонятно по какому поводу заметил Конан.— Но я не за тем вернулся в Мессантию, чтобы слушать твои байки. Ладно, пойду прой-дусь.

— Подожди,— захлопотала Ив,— я вам сначала поесть соображу, ты-то ладно, а на девочку смотреть больно — кожа да кости, ну какой мужик в здравом уме позарится на такого цыпленка?

— Да вот хоть твой племянник — немедленно ответил Конан.— Ему, кажется, все равно, как она выглядит. Успокойся, я скоро вернусь.

* * *

...Всякому терпению есть предел, кипя от ярости, думал Ринальд. Конечно, он прекрасно относился к Ив и не сомневался в том, что она желает ему добра, но последние «шуточки» этой старой насмешницы совершенно вывели его из себя.

Будь что будет, он, аквилонский лэрда из древнего, достойнейшего рода, не намерен более выносить такие издевательства над собой и сохранять ненавистное унижительное обличье. Да

еще перед кем?! Любимой женщиной и своим господином! Лю Шен, впрочем, тоже хороша, ничего не скажешь. Идиоту посочувствовать — пожалуйста, а с нормальным человеком — холоднее кезанкийского льда!

Он даже на какое-то время забыл о разговоре с Рэймом, обо всем, что собирался поведать Ив. Сбросив с себя все, кроме набедренной повязки, Ринальд принялся избавляться от мерзкого облика, смывая с лица и рук въевшуюся во все поры краску, изготовленную с примесью толченой коры какого-то растения, придававшей коже тот самый неестественно-желтоватый оттенок.

В полутемную дощатую пристройку, где он расположился, свет проникал только через щели в стенах и наполовину раскрытую дверь... но и этот свет неожиданно почти исчез, когда в проеме двери выросла внушительная фигура киммерийца.

— А Ив еще наговаривает на тебя, будто ты воды боишься,— сказал Конан.— Врет, значит, как всегда...

Ринальд выпрямился и немедленно обернулся на его голос. Конан стоял против света, и лэрд не мог определить выражения его лица.

— Не помню случая, когда бы я дважды приносил извинения одному и тому же человеку,— продолжал король,— но я вынужден это сделать за Паллантида. Он поторопился с твоим арестом. Хочу, чтобы ты знал — мне известно, что ты не собирался причинить мне никакого вреда, Ринальд.

— У меня по-прежнему нет никаких доказательств,— произнес лэрд.

— Они есть у меня,— заявил Конан,— больше, чем достаточно. Но первое и главное из них — ты сам. Тебе свойственно безрассудство, но никак не подлость, уж это я успел понять.

Он шагнул к лэрду и сжал руками его обнаженные плечи.

— Подними голову, рыцарь. По-моему ты кому угодно можешь смело смотреть в глаза.

У Ринальда и не было никаких оснований для страха перед своим королем. А если он в эту минуту не поднимал глаз, то совсем по другой причине — чтобы Конан не заметил предательских слез, выступивших на них.

Когда они вдвоем возвратились в дом, Ив удовлетворенно улыбнулась, а Лю Шен побледнела как полотно, не в силах произнести ни слова.

— Целый отряд больше седмицы рыскал в поисках беглеца по всему городу,— сказал Конан,— и все без толку, вот мне и пришлось взять дело в свои руки. Как видите, небезуспешно. Ив у нас изрядная любительница всяких штучек с переменной облика, мне самому когда-то доводилось прибегать к ее помощи, если нужно было какое-то время скрываться. Кем ты тогда меня сделала?

— Погонщиком верблюдов из Асгалуна,— тотчас откликнулась та.

— Точно. Раздобыла какой-то жуткий балахон, пропахший верблюжьей мочой, и я в нем

ходил, так что от меня добрые люди шарахались. Можно сказать, Ринальд, что тебе еще повезло, и ты не стал жертвой ее более извращенных фантазий.

— Лучше было бы, если бы тебя тогда поймали? Или его? — спросила женщина. — Стараешься для вас, и никакой благодарности, вечно чем-то недовольны.

— Ринальд... — Кхитайнка, едва дыша от волнения, приблизилась к лэрду, помимо которого не видела и не слышала сейчас никого в целом свете... и — ее обожгло холодное пламя его непримиримых глаз.

— Не надо, — тихо произнес рыцарь, отстраняя ее. — мы оба прекрасно знаем, что у тебя все чувства сводятся только к одному — чувству долга. Это весьма достойно, так что не стоит стараться, изображая эмоции, которые тебе не свойственны.

— Ринальд, — вмешалась Ив, — никогда не стоит говорить и делать такие вещи, о которых придется потом слишком сильно жалеть. Тридцать зим назад я сваяла дурака, из гордости так и не признавшись в любви единственному человеку, который был мне дороже жизни, и даже злейшему врагу я не пожелаю повторить мою ошибку. Жаль только, что с тех пор жизнь прошла, как вода сквозь пальцы, и ничего уже не вернуть.

— Все это очень грустно, Ив, — прервал ее откровения киммериец, — но давайте разбираться с личными отношениями не сейчас. Мы теряем

время. Ринальд, я должен объяснить тебе все, что удалось выяснить, пока ты отсутствовал во дворце. Некоторые вещи еще лучше перескажет Лю Шен. А потом подумаем, как нам быть дальше.

— Мне тоже стали известны такие обстоятельства, которые требуют как можно более быстрого разрешения, — согласился лэрд. — Кстати, Ив, они касаются цветка, о котором ты упоминала. Я знаю, как он попал в Аргос и какое действие способен производить.

— Я тоже собирался говорить о нем, — сказал Конан, — но предпочту прежде выслушать тебя. Говори, лэрд.

Примерно через час, сопоставив имеющиеся у каждого сведения, удалось получить достаточно полную и жуткую картину, дополненную пересказанной Лю Шен историей гибели Одо.

— Ясно, что эту дрянь необходимо как можно быстрее уничтожить, — подвел итог Конан. — Полагаю, это дело мужчин, так что мы с Ринальдом им и займемся.

— С радостью, — охотно подтвердил рыцарь. — Но, — тут его взгляд сделался напряженным, — это еще не все. Эвер и Дэйна — как быть с ними?

— Хороший вопрос, — мрачно улыбнулся Конан. — Я думал о нем и принял решение. Мы восстановим справедливость в полной мере, если теперь я, в свой черед, вызову Эвера на поединок. В первый раз не все правила были соблюдены. В подобных случаях лишь один участник

турнира может остаться в живых, второй должен погибнуть. Когда речь идет о чести, иначе нельзя, оскорбление смывается только кровью. Далее, Эвер использовал свое право прибегнуть к помощи турнирного бойца, выступавшего от его имени, а я нет. На сей раз будет наоборот. Лэрд Руфус Улл Камиль, согласен ли ты отстаивать мои права в поединке?

— Почту за великую честь, господин,— глаза рыцаря сверкнули восхищением.

— Я и не ожидал другого ответа,— удовлетворенно заметил Конан.— В случае победы можешь рассчитывать на любую награду, которую сам назовешь.

— Тогда позволь назвать ее сразу,— произнес Ринальд.— Разрешите мне распорядиться по своему усмотрению судьбой Дэйны, вот все, о чем я осмеливаюсь просить.

— Я бы мог с тобой спорить, но только что сам обещал исполнить любую просьбу,— развел руками король.— Значит, быть посему, лэрд Ринальд.

* * *

Лю Шен слушала лэрда, окаменев. Упоминание о Дэйне вонзилось в ее сердце больнее кинжала. «Распорядиться судьбой» — что он имеет в виду? Неужели Ринальд по-прежнему, несмотря ни на что, любит эту женщину?

Образ Дэйны отчетливо возник перед внутренним взором девушки.

Да, эта гордая красавица кого угодно может свести с ума, а ведь Ринальд, насколько Лю Шен было известно, в свое время мечтал видеть ее своей женой, он делил ложе с нею, она безраздельно владела тем, о чем кхитаянка могла только грезить! И теперь он готов забыть о ее вероломстве и идет на все, лишь бы сохранить жизнь той, что так ему дорога и так желанна. Жгучая ненависть к сопернице охватила Лю Шен.

До сего момента чувство ревности было ей совершенно незнакомо, и она не знала названия тому, что ощущала теперь. Но не зря ведь Ринальд носил медальон с портретом Дэйны, как драгоценный талисман, возле самого сердца... Неужели все мужчины таковы, что главным для них всегда остается лишь внешнее совершенство? Конечно, ей, Лю Шен, в этом смысле никогда не сравниться с Дэйной! Но, захлебываясь отчаяние, подумала она, чего же я хочу?

Даже если бы ничто не стояло между нами, кто угодно, только не я, могла бы стать женой Ринальда. Не я, потому что наши боги проклянут, в этом случае, не только меня, но и его тоже. Как дорогой отец проклял нашу любовь с Имогеном, и мой муж покинул меня.

То же случится и с Ринальдом, если я снова посмею нарушить древний закон...

Кхитайские боги жестоки более аквилонских. Они не терпят измены установленным ими обычаям.

— Лю Шен, ты меня не слышишь? — обратилась к ней Ив.

Девушка вздрогнула.

— Прости, я задумалась и, кажется, пропустила нечто важное.

— Еще бы не важное. Повторяю для «задумчивых»: твой господин не может явиться во дворец и уничтожить цветок, он даже приближаться к нему не должен, эта ядовитая пакость убьет его. Один раз такое едва не случилось, в ту ночь, когда погиб Рестан, и снова испытывать судьбу просто глупо.

— Она права, — с некоторым смущением подтвердил Конан. — Похоже, цветок слишком сильно на меня влияет. Нет, подумать только — я, способный одержать верх почти над любым человеком или чудовищем, бессилен перед какой-то жалкой травой!

— У каждого есть свое слабое место, — успокоила его Ив. — Никто не сомневается в твоей силе и мужестве. Но не в этом случае. Поэтому, Лю Шен, идти придется тебе и Ринальду. На вас Эулиара столь страшно и быстро не действует.

— Я готова, — произнесла девушка. — А как мы туда попадем?

— Полагаю, примерно тем же путем, каким мне удалось выбраться, — вступил в разговор Ринальд. — Я все объясню подробно. Но мы отправимся во дворец не ранее завтрашней ночи.

— Почему ты считаешь, что следует ждать? — спросила Лю Шен.

— Потому что прежде хочу разобраться с Эвером, — ответил рыцарь. — Не сомневаюсь: после того, как ты дала понять Дэйне, что узнала ее, эти двое постараются исчезнуть из Мессантии. Ищи потом ветра в поле.

— Верно, — согласился Конан. — Тебе известно, где их можно найти?

— Да, — подтвердил рыцарь.

Он знал за собой это свойство: способность довольно долго колебаться, не в силах решиться на некий важный шаг, продумывать множество вариантов и так ни к чему и не приходить... но уж если наконец решение принято, свернуть Ринальда с пути оказывалось практически невозможно.

Основу его натуры, пожалуй, и составляло парадоксальное сочетание склонности к бесконечным сомнениям и бешеного упрямства. В данный момент он определенно знал, что намерен сделать, и ему хотелось это немедленно осуществить. Конан отлично понимал его состояние.

— Пойдем, лэрд, — бросил он, поднимаясь.

Если в первый раз Ринальд проник в сад возле дома Дэйны как вор, стараясь остаться незаметным, то теперь ситуация совершенно изменилась. Привратник было попытался произнести нечто вроде того, что «господин и госпожа сегодня не принимают», но на Конана это не произвело впечатления.

— Лучше пропусти, — посоветовал он. — У нас нет ни времени, ни желания пререкаться.

— Эта земля находится под личной защитой короля Треворуса,— возразил привратник.— У нас имеется охранная грамота. Вторжение сюда приравнивается к государственному преступлению.

— Ага, мы поняли,— кивнул киммериец.— Ну тогда сбегай позови охрану, а мы поговорим со здешним хозяином,— с этими словами он, не церемонясь, отодвинул привратника и вошел, быстро двигаясь в сторону дома.

Как ни странно, никаких препятствий на пути не возникло, если не считать дворецкого, с которым разговор был еще более кратким и доходчивым.

— Быстрее,— бросил Конан Ринальду.— Они нас не ждут.

Он стремительно шел вперед, на ходу отбиваясь от слуг, большинство коих, впрочем, предпочитали не вмешиваться (и правильно делали).

Впечатление, произведенное на Эвера появлением Конана, было неописуемым. Он застыл на месте, не веря своим глазам, сотрясаемый дрожью ужаса.

— Если не ошибаюсь, это ты — наследник аквилонского престола? — спросил киммериец, сверху вниз глядя на него.

— Я герцог Ровар из Гандерланда,— промямлил тот.— Здесь какая-то ошибка...

— Назваться можно как угодно. Больше двадцати зим назад я убил твоего отца Нумедидеса. Ты похож на него.

— Я не законный сын Нумедидеса, и...

— Зато я законный правитель Аквилонии и хочу это доказать.

— Но я не оспариваю твоих прав,— взвизгнул Эвер.

— Конечно нет. Именно поэтому ты послал своего бойца убить меня.

Конан заметил, что здесь, похоже, до него и Ринальда успел побывать кто-то еще. Помещение, в котором он разговаривал с Эвером, выглядело как после побоища: перевернутая и разбитая мебель, разорванные гобелены на стенах, осколки мраморных скульптур и фарфора, хрустевшие под ногами. Жалкое человеческое отродье с прыгающими губами, именуемое Эвером, между тем успело все-таки собрать остатки достоинства, вероятно, случайно вспомнив, что родилось мужчиной.

— Я действовал по закону, послав тебе вызов,— проговорил он.— Мой боец сражался и проиграл. После этого у меня нет оснований настаивать на своих правах: наш спор разрешился в поединке, чего же тебе еще от меня нужно, скажи?

— В поединке чести в живых может остаться только один из противников,— пожал плечами Конан.— Поэтому я не считаю, что в нашем споре поставлена точка. По одной земле я с тобой ходить не намерен. Ты можешь выбрать любое оружие...

Для Эвера не было существенной разницы, сражаться на мечях, ножах, пиках или вруконашную: увы, он не владел никаким оружием и

против Конана не имел ни единого шанса уцелеть. Все равно что с голыми руками идти на медведя.

— Мне все равно,— произнес Эвер, что было чистой правдой.

— Раз ты не можешь ни на что решиться, оставим выбор за моим человеком,— сказал Конан,— ибо в этот раз я использую свое право выставить собственного бойца. Рыцарь Ринальд Руфус Улл Камиль, подойди.

До сих пор лэрда терпеливо ждал, когда Конан позовет его, и только теперь переступил порог, холодно глядя на Эвера.

— Я здесь, господин.

— Как... Ринальд? — Сюрпризы для Эвера, похоже, не закончились.— Какими судьбами? — Изобрести более глупый вопрос, пожалуй, было бы сложно.

— Ты меня рано похорошил,— невозмутимо произнес лэрда,— прихватив с собою в Аргос все мое состояние, а мне на память о себе оставив только вот это,— он расстегнул рубашку, обнажая грудь.

— Ужасно,— выдавил Эвер.— Но ты сам вызвался сражаться, а на турнире, естественно, убивают. Что касается твоих денег, то мы думали, ты погиб, и они тебе не нужны. Я не понимаю, на что ты обижаешься? Вроде бы ты неплохо устроился, раз теперь служишь аквилонскому королю.

Красная пелена гнева ослепила Ринальда — этот человек даже в толк не мог взять, на что

можно «обижаться» после того, как тебя предали! Впрочем, Эвер отродясь не отличался ни сообразительностью, ни обыкновенной тактичностью.

— Спокойнее,— тихо сказал Конан, сжав руку лэрда повыше локтя.— Не теряй хладнокровия, собственная горячность — твой главный враг.

— Я пришел не за тем, чтобы с тобой препираться, Эвер,— произнес рыцарь.— Мой господин бросил тебе вызов, ты слышал?

— Да, но вызов вовсе не обязательно принимать. Я могу отказаться от боя. И что, благородный рыцарь Ринальд, ты тогда станешь делать? Разве честь позволит тебе напасть на безоружного?

— Ага,— безмятежно подтвердил тот.— Позволит. Я тоже безоружен, так что все нормально. Если не хочешь, можешь не защищаться. Тогда я тебя просто убью.

Осознав, что время пустой болтовни, на которую он был большой мастер, кончилось безнадежно, Эвер сделал попытку напасть первым.

— Отлично,— удовлетворенно воскликнул Ринальд,— как же я этого ждал!

Эвер достиг лишь того, что налетел на его кулак, врезавшийся в лицо и превративший зубы «наследника» в кровавую кашу.

Собственно, лэрду ничего и делать не приходилось, Эвер сам бросался на него, беспорядочно и бестолково размахивая короткими жирными руками, но ни разу не сумев даже случайно задеть Ринальда; зато лэрда, внутри себя почти-

тельно отодвинув на задворки сознания понятия о правилах поединков, дал полный ход своему гневу и в считанные минуты превратил противника в мешок с дерьмом, отделав так, что Эвер мог только стоять на четвереньках, как животное, и блевать прямо на пол.

— Вот теперь наконец твоя внутренняя сущность вполне соответствует облику,— заметил Ринальд, выпустив пар и сочтя свою миссию выполненной.— Добить его, господин?

— Да необязательно,— пожал плечами Конан,— сам сдохнет. Ты же знаешь, как бить насмерть. У этой твари теперь внутри один сплошной фарш, с этим долго не живут. Пойдем.

— Нет! Мы должны еще найти Дэйну,— возразил Ринальд,— если она снова не сбежала. Ну что я за дурак, надо было спросить у этого,— он брезгливо пнул Эвера носком сапога,— пока еще мог хоть что-то сказать.

— Вот я о том тебе и толкую, что ты сначала делаешь, потом думаешь,— наставительно заметил Конан.— У куска падали ничего не узнаешь, придется пойти искать твою «награду» самим.

— Боюсь, прямо сейчас не получится,— Ринальд задумчиво взглянул в окно, с интересом наблюдая за тем, как солдаты мессантийской городской стражи, которых позвали на помощь слуги «герцога Ровара», окружают особняк.— Что-то их многовато, господин.

— Это понятно, ты же слышал про охранную грамоту, скрепленную королевской печатью,— напомнил Конан.— А мы вторглись в чужие вла-

дения, да еще здешнего хозяина, считай, прикончили — кому такое понравится?

— Мы вряд ли вдвоем отобьемся,— усомнился Ринальд, разглядывая собственную руку со слегка сбитыми костяшками пальцев.— И сбежать будет сложно. Сколько у нас времени?

— Минута-две, пока эти не сообразят, кто из них останется внизу, а кто бросится сюда разбираться с нами,— прикинул Конан.

— Господин,— Ринальд посмотрел ему в глаза,— скажи, ты отдавал приказ сжигать манускрипты магов?

— Да, но при чем здесь эта нелепая история сейчас, когда...

— Зачем ты отдал такой приказ? Ответь, мою, ты не знаешь, насколько это важно для меня — а объяснять нет времени! Просто ответь мне!

— О боги мои, да потому, что эти манускрипты способны убивать не хуже меча! Во всяком случае, подлее! Потому, что, когда на одной чаше весов — книги, а на другой — сотни жизней, выбирать не приходится!

Ринальд сосредоточенно выслушал сказанное и кивнул, а затем сделал нечто совершенно неожиданное. Стремительно рванувшись к двери, он бросился вниз, через несколько мгновений представ перед толпой солдат.

— Я тот, кто вам нужен. Я только что убил герцога Ровара. И еще меня разыскивают за покушение на жизнь гостя Аргоса, аквилонского правителя Конана...

— Дур-рак,— простонал киммериец, поняв, что, подставляя себя, Ринальд дает ему возможность выиграть время и бежать.— Спятивший на благородных идеалах дурак, чтоб ему пусто было!..

Действительно, солдаты возбужденно загудели и заговорили все разом, окружив лэрда и начисто позабыв о том, что он был не один. Поймать такого преступника было для них огромной удачей! Да к тому же взять живым.

Ринальд стоял совершенно спокойно, без всякого страха глядя во враждебные лица. «Только не сопротивляйся, парень,— мысленно взмолился Конан,— иначе...»

Сам же он счел бы и себя ничем не разумнее лэрда, если бы не воспользовался возможностью и немедленно не покинул дом, выбравшись с той стороны, где в этот момент не было ни единой живой души.

Если он намеревался — услуга за услугу! — вытащить Ринальда, освободив его из рук стражи, то следовало поторопиться. Окажись лэрда за решеткой, задача усложнится многократно.

Глава двадцать четвертая

А ну-ка, поторопись,— раздраженно рявкнул старший из стражников, когда на пути образовалась заминка: через узкую улицу, еле переставляя ноги, переползала полуслепая старуха, опираясь на палку и бережно поддерживаемая девушкой, очевидно дочерью.

Его окрик возымел прямо противоположное действие — двигаться быстрее старая карга не могла, вместо этого нелепо заметавшись и в конце концов попусту, зацепившись за свою же палку, рухнув на мостовую. Девушка засуетилась, пытаясь помочь ей подняться и умоляюще лепеча:

— Ах, простите, мы сейчас, сейчас!

— Убери ее с дороги, пока мы не затоптали,— окончательно вышел из себя стражник, неохотно

придерживая лошадь, но тут откуда-то из-за угла вывернулся еще один всадник, совершенно перекрывая проход. Возник затор, в центре которого все еще оставались две женщины, и в этот момент пленник, до сих пор не предпринявший никаких попыток спастись, отбросил в стороны двух ближайших к нему солдат и нырнул в необыкновенно удачно (для него) расположенную подворотню, ведущую в проходной двор.

— Взять его! — вне себя заорал старший стражник, естественно, тут же позабыв о старухе и девушке, которые проявляли невесть откуда взявшуюся резвость и словно растворились в точно такой же подворотне на другой стороне улицы.

Перепуганная лошадь случайного всадника при этом с диким ржанием металась туда-сюда, не давая возможности немедленно начать преследование.

...Ринальд бежал, не разбирая дороги и прислушиваясь к топоту множества ног за спиной — судя по звуку, ему удалось довольно прилично оторваться, он вылетел на параллельную улицу, и тут произошло непредвиденное — поскользнувшись на выброшенных из чьего-то окна выбросах (выливать помой на мостовую было для жителей Мессантии самым обычным делом), лэрд не удержал равновесия и упал, подвернув ногу.

— Проклятье, — выругался он.

— Эй, приятель, тебе что, нравится отдыхать в грязной луже? — Конан подхватил его и почти

швырнул на спину лошади впереди себя. — Уходим!

...Спустя некоторое время Ринальд, уже успевший вполне опомниться после очередных злоключений, но еще не до конца веря в то, что все, окружающее его, ему не снится, полулежал в постели в доме Ив, и даже несколько наигранное недовольство Конана не могло отравить ему настроения.

— На что ты надеялся? — спросил киммериец. — А, лэрд? Выдавать себя было чистейшим безумием!

— На тебя, конечно, господин. И не ошибся. Я знал, что ты меня выручишь.

Лю Шен, между тем, успела наложить повязку на его ногу ниже колена заметив, что ничего серьезного не произошло, и скорее всего уже на следующий день он сможет нормально передвигаться. Однако Ринальд, который так мужественно держался и в несравнимо более тяжелой ситуации, на этот раз был не намерен так просто ее отпускать. Стоило Ив и Конану оставить его наедине с кхитайкой, лэрд издал совершенно душераздирающий стон.

— Что с тобой? — встревожилась девушка, бросаясь к нему.

— Ужасная боль, просто невозможно вынести! Кажется, я умираю, — произнес Ринальд, закатывая глаза.

— Где?! Скажи, я сделаю все, что смогу!

— Повсюду...

— О, мой милый, неужели эти люди, которые схватили тебя...— Лю Шен склонилась к Ринальду, тут же очутившись в его объятиях.

— Пусти меня, несчастный врунишка,— облегченно рассмеялась девушка, впрочем, не особенно сопротивляясь его рукам и губам.

— Сама виновата, как же мне быть, если ты обращаешь внимание только на тяжелораненых? Не бросаться же на меч, выпуская себе кишки всякий раз, если мне захочется удостоится твоего поцелуя!

— А тебе этого хочется? — серьезно спросила Лю Шен.— Ты... можешь простить мне что я заподозрила тебя в измене королю?

— Во всяком случае, я стараюсь отпустить тебе этот грех,— улыбнулся Ринальд, теряя голову от ее близости.

Лю Шен с бесконечной нежностью вглядывалась в любимое лицо и сама обняла Ринальда, прижав его голову к своей груди, но в этот момент возвратился Конан, тут же вполне оценив сцену, представшую его глазам.

— Извините, если помешал,— произнес киммериец,— но мне надо сказать этому сердцееду пару слов один на один.

Лю Шен заставила себя оторваться от Ринальда и покорно вышла.

— Не морочь голову девчонке,— проворчал Конан.— Она заслуживает лучшего, чем объедков с барского стола.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду,— искренне удивился Ринальд.

— Лю Шен — особенная девушка,— продолжал киммериец,— и я не хочу и не позволю, чтобы кто-то недостойно с ней обращался. А ты сам давеча требовал в награду вовсе не ее, у тебя на уме другая женщина, эта твоя Дэйна, а Лю Шен — так только, время провести. Я сам мужчина, все понимаю и в мыслях не держу тебя осуждать, но...

— Господин,— возразил Ринальд,— но мне лично Дэйна не пужна ни живая, ни мертвая. Да, было время, когда для меня на ней свет клином сошелся, однако теперь я бы и смотреть в ее сторону не пожелал. Если я просил препоручить мне ее судьбу, то лишь потому, что ненавижу отнимать чью-то жизнь! А бесчестно обойтись с Лю Шен я не способен. Ради всего святого, да я готов хоть нынче жениться на ней, только она сама не согласится. Закон ее страны запрещает женщине вступать в брак дважды, и для кхитайцев подобные установления священны и незыблемы.

— Ну, этой-то беде можно помочь,— заметил киммериец в ответ,— Лю Шен подданная не Кхитая, а Аквилонии. Ничего! Если ты не кривишь душой, дальше вы с ней как-нибудь сами разберетесь. Но только после того, как уничтожите проклятый цветок — ты еще не забыл о нем? Некогда я был лучшим вором Шаадизара, да и потом мне частенько доводилось проникать туда, где меня вовсе не ждали. Дворец охраняется довольно скверно, мы вполне справимся с тем, чтобы оказаться внутри. Ты идти сможешь?

Или для тебя любая лужа помоев — непреодолимая преграда?

— Не любая, а только такая, в которой плавают рыбы головы, — усмехнулся Ринальд. — Конечно, смогу. Но разве ты тоже намерен отправиться с нами?

— Еще бы нет, конечно, намерен.

— Но я бы и один справился.

Киммериец посмотрел на него с изрядной долей сомнения. Да, лэрд Ринальда участвовал во множестве битв и сражений, он был отважным и решительным человеком, способным, не дрогнув, смотреть в лицо опасности и смерти — но в открытом бою. А опыт действий в совсем иных обстоятельствах, когда требовалось незамеченным добраться до цели, у Ринальда отсутствовал напрочь. И, пожалуй, он выбрал не самое удачное время для того, чтобы начать практиковаться в такого рода делах, о чем Конан ему тут же и сообщил, не стараясь особо подбирать выражения.

— Ты же попадешься, приятель, — вздохнул он. — Лазутчик из тебя никакой. Вся надежда на Лю Шен, — причем, Конан вовсе не имел намерения сознательно оскорбить этими словами Ринальда, но лэрд, естественно, почувствовал себя уязвленным.

— Посмотрим, что ты скажешь, господин, когда я сделаю все, как надо, — сказал он, подняв на киммерийца полные обиды глаза.

— Я уверен, что ты будешь очень стараться, — заверил его Конан. — Но нет ничего унижитель-

ного в том, если кто-то в битве прикрывает спину, верно? Я не пойду в самую оранжерею, однако во дворец — непременно. В одиночку действовать более рискованно, а нам просто нельзя проиграть. Не в этот раз, Ринальд.

Глава двадцать пятая

Ронечно, бьющийся в предсмертной агонии Эвер никому уже не мог поведать о том, что накануне свой роковой встречи с Конаном и Ринальдом Дэйну не видел. Отправившись, в очередной раз, к Треворусу, домой она так и не возвратилась, Впрочем, Эвер ожидал чего-то подобного и только вздохнул с облегчением, получив некоторую передышку: ибо незадолго до этого Дэйна сделалась совершенно невыносимой, злой, как тысяча фурий сразу, и выражала свои чувства обычным в таких случаях способом, взявшись крушить фарфор и швырять стулья об стены. Такие приступы буйства случались у нее в последнее время все чаще, сменяясь затем чернейшей меланхолией.

Эвер с тревогой ждал ее возвращения, пока не понял, что ночь она, скорее всего, проведет во дворце. До сих пор ее визиты не бывали столь длительными. Он подумал, что, наверное,

Дэйна добилась своего и затащила неприступного Треворуса в постель.

Если так, и дело у них сладилось, она должна успокоиться и более хладнокровно совершать оставшиеся до главной цели шаги.

Но Эвер жестоко ошибался. Дэйна, действительно, провела ночь во дворце, вот только отнюдь не в объятиях своего без пяти минут супруга.

Она отчетливо запомнила два момента: как столкнулась в оранжерее с проклятой кхитайской — затем короткая схватка между ними — и полная темнота; следующим же непосредственно за этим событием было ужасное «пробуждение», когда Дэйна так и не поняла, где находится, а главное, почему.

Помещение было похоже не то на склеп, не то на подземелье, судя по серым каменным стенам, холоду, крошечной темноте, настолько густой, что в первый момент Дэйна с ужасом предположила, будто лишилась зрения, и столь же гнетущей полной тишине. Пошевелившись, она обнаружила, что не связана и не получила никаких увечий.

Но что это за место и кто принес ее сюда? Треворус, взбесившийся из-за поврежденной Эулиары? Или, того хуже, люди киммерийца, которому узкоглазая, узнавшая Дэйну, выдала ее? Оба варианта были достаточно мрачными, и ничего иного Дэйне в голову не приходило. Как бы не вышло так, что ее ожидает лишь один исход

— смерть, причем ей очень повезет, если такая будет быстрой.

Самым отвратительным здесь был не холод, не тьма и не мучительная неопределенность, а невыносимый смрад, наполняющий тесное помещение, тошнотворный запах разложения. Дэйна боялась сделать лишнее движение, чтобы не натолкнуться на то, что было его источником, а это нечто, без сомнения, лежало где-то совсем рядом, стоит только протянуть руку. И оно было всяко крупнее сдохшей крысы. Кому-то пришла в голову веселенькая мысль оставить еще живую женщину наедине с трупом, испытывая ее волю и рассудок, откровенно намекая на то, что очень скоро она сама разделит участь своего ужасного соседа.

Обхватив себя руками и пытаясь дышать ртом, Дэйна подумала, надолго ли хватит ей выдержки, и как скоро она из человека начнет превращаться в обезумевшую, рыдающую и орущую тварь, более не способную удерживать в узде накатывающее на нее ледяные волны запретного страха и отчаяния.

* * *

...Собственно, все было готово.

Он сумел принести Гильгана, похитив его из-под носа скорбящих родственников, туда, где помещалась священная пренда с заключенным в ней Тета-н'киси. И раздобыл настоящую ведьму, к коей его привел Камень. Нагуд не упустил ни-

чего из необходимого и имел все основания быть довольным собою.

Но он опасался, что Тета-н'киси покажется мало той крови, которую удастся получить, для возвращения к жизни сразу двоих, учитывая к тому же, как сильно повреждены их тела. А если так, то ему понадобится еще одна жертва, иначе вся затея может попросту рухнуть, а этого Нагуд допускать не хотел. Повторить все снова он уже не сможет.

Но если все пройдет успешно, Майомбе сможет гордиться тем, что воспитал достойного ученика.

Восстав из мертвых, сам он посвятит Майомбе весь Аргос, изгнав одряхлевших и почти бессильных прежних богов с помощью великого сочетания живого и мертвого, Цветка и Камня.

Недаром он прожил в Куше почти десять зим, впитывая Знание! Недаром отрекся от всего, что прежде составляло смысл его жизни, изменил имя, пройдя Посвящение — теперь едва ли кто-то помнил, что раньше он звался Вахуром и был матросом на одном из аргосских кораблей.

Да, Нагуд и сам об этом забыл, сознательно вычеркнув из памяти все ненужное и лишнее. Он вернулся в Мессантию другим человеком, ничего общего не имевшим с тем, прежним Вахуром, вернулся ради того, чтобы принести в темный и дикий хайборийский мир то великое, что открылось ему под черным небом Куша, где в жертву Знанию приносились сотни ничтожных

человеческих жизней, но за это Тета-н'киси даровали жрецам невероятные откровения. Теперь у него был собственный Тета-н'киси, дух, который верно служил Нагуду и был связан с ним навечно, прочнее, чем нерожденное дитя связано с женщиной пуповиной. Нагуд и здесь сумел соблюсти все необходимые правила.

Он сам изготовил *пренду* — котел, в который был помещен расчлененный труп другого колдуна, могильная земля и прочие символы мироздания: новое обиталище духа, своего невидимого помощника.

В свое время именно на том корабле, на котором некогда ходил в море Вахур, в Аргос был доставлен Цветок. Правда, тогда основную часть работы выполнил другой человек, но тот оказался настолько темен и туп — как животное — что ничего не понял в происходящем. Он прошел мимо чуда, не заметив его и удовлетворившись простой земной платой, которой не пожелал делиться со своим другом, вонзив тому в горло нож еще в Куше. Майомбе нашел едва живого белого человека, сохранил ему жизнь и сделал своим учеником.

Вахур стал Нагудом...

Когда исполнились сроки, Цветок и Камень указывали Нагуду жертву, угодную Тета-н'киси. И все сошлось, все детали головоломки совпали в одном месте и в нужный миг.

В самом сердце Аргоса нынче должно было совершиться Великое. В самом сердце, ибо Нагуд безошибочно выбрал подходящее место: дворец в

Мессантии с его огромным количеством пустых, давно никем не посещаемых помещений. Да, он, презревший земные блага во имя Вечности, жил во дворце и там же хранил священную *пренду* в специальном углублении в полу бывшего каземата.

Это продолжалось уже несколько зим. Правда, до сих пор в жертву Тета-н'киси шла только кровь животных, а не парная человеческая, как положено, стекавшая со свежесодранной кожи женщины-ведьмы.

Кстати, что касается женщин, то о них Нагуд твердо знал, насколько они скверные, нечистые существа, и старался никогда не иметь с ними дела: истинный Посвященный признает только возвышенную любовь между мужчинами, а не занимается скотоложством, к коему, безусловно, причисляется и связь с женщиной. А если таковая пытается быть причастной к Знанию, то отвратительна вдвойне, как собака в храме, и иной участи, кроме как послужить жертвой, не заслуживает.

Но при этом у нее не должно быть никакого физического изъяна: что касается Дэйны, Нагуд тщательно осмотрел ее и остался доволен — ему попался вполне подходящий экземпляр животного...

Он унес ее из оранжереи и доставил туда, где находилась *пренда* и где уже дожидался возвращения к жизни Гильган.

Нагуд не сомневался и в том, что точно так же ему будет послана еще одна жертва.

Нужно только чуть-чуть набраться терпения.
Он увидит ее и сразу узнает: Тета-н'киси не до-
пускает ошибки.

Нужно только *позвать*.

И он позвал.

Глава двадцать шестая

Ринальд невольно восхищался Кона-
ном, одновременно испытывая не-
которую неловкость за себя самого,
ибо, будучи значительно моложе,
все-таки во многом уступал своему
королю. Да, наверное, доведись ему
действовать в одиночку, лэрда тоже смог бы про-
никнуть в резиденцию Треворуса... однако ким-
мериец действовал так уверенно и ловко, каж-
дое его движение было столь точным, что оста-
валось только позавидовать. Он бесшумно унич-
тожил, одного за другим, двоих стражей, не во-
время появившихся на его пути, и сделал знак
Ринальду и Лю Шен следовать за собой,— конеч-
но же, не через парадный вход, а воспользовав-
шись тем же внутренним двором, что и в свое
время рыцарь, только двигаясь в обратном на-
правлении.

Признаться, лэрду было крайне неприятно это возвращение, связанное с воспоминанием о времени, проведенном в каземате в ожидании неминуемой и несправедливой смерти, но он не произнес по этому поводу ни слова. Конан сам понял, что его гнетет.

— А мне, наоборот, нравилось по своей воле являться в такие места, откуда прежде удавалось выбраться вопреки ожиданиям тех, кто мечтал меня прикончить,— как бы между прочим, произнес он.

— Я другой человек, господин,— возразил Ринальд.— И мне никакой радости это не доставляет.

Конан толкнул каменную плиту, представлявшую собою вращающуюся дверь, о которой уже был наслышан.

— Здесь тебя держали? В самом деле, хуже места не придумаешь.

— И меня, и многих смертников прежде,— подтвердил лэрд.— Тут несколько десятков таких камер, правда, они давно не используются, за исключением особых случаев.

— Как бы я хотел пойти с вами и дальше, наверх,— сказал Конан,— но знаю, что лучше этого не делать. Я останусь и буду ждать здесь, если не потребуется моя помощь. Не торопитесь, вы должны быть предельно осторожны, где-то, может быть, придется подождать благоприятного момента...

Лэрд кивнул.

— Иди,— отпустил его Конан.— И... да подожди ты секунду! — он поглядел лэрду в лицо.— Удачи тебе.

Хитаянка и Ринальд благополучно миновали почти половину пути, когда лэрд остановился и повернулся к девушке, следовавшей на несколько шагов позади него.

— Лю Шен,— тихо сказал он,— у нас мало времени, поэтому я буду говорить прямо. Конан не верит в мои силы, а для меня как мужчины и воина важно убедить его в том, что он недооценивает меня, понимаешь? И это задание... я должен выполнить его сам, один. Поэтому я бы хотел, чтобы ты дальше меня не сопровождала. Я уничтожу цветок и вернусь. Это не будет долго, поверь.

— Господин едва ли хотел обидеть тебя недоверием,— возразила девушка,— он просто беспокоится о тебе.

— Нет, конечно нет, дело совсем не в этом. Но мне и самому надо убедиться в своих возможностях.

— Хорошо,— сдалась Лю Шен.— Я останусь и предупрежу тебя, если возникнет какая-то непредвиденная опасность, но обещаю не вмешиваться, коль скоро все будет спокойно.

— Благодарю,— сказал Ринальд, склонившись к девушке и коснувшись ее губ своими.

...От входа в оранжерею его отделяло всего несколько шагов да еще слуга-охранник, мирно дремавший на посту. Руководствуясь обычным кодексом чести, Ринальд бы, пожалуй, заколе-

бался, размышляя о том, есть ли необходимость убивать его, но сейчас было несколько не до кодексов, поэтому лэрд поступил просто — сделал захват и, не позволив беспечному часовому даже охнуть, до тех пор удерживал его горло, пока тот не перестал дергаться и не обмяк. Теперь путь был свободен, и Ринальд вступил в царство растений, только тут осознав еще одну прискорбную вещь.

Он понятия не имел, как выглядит смертоносный цветок, даже какой он окраски и в какой части оранжереи его следует искать! Здесь можно было бесплодно бродить хоть годами, так ничего и не добившись.

И после этого он еще собирается доказывать Конану, что не является законченным идиотом! Не уповать же на то, что на него внезапно снизойдет озарение свыше. Ринальд сжал кулаки и застонал от ощущения собственного бессилия. Тем не менее, он двинулся вперед, пристально вглядываясь в дух захватывающее разнообразие незнакомого мира и пытаясь вспомнить, как Рэйм и Лю Шен описывали цветок.

Увы, купец не отличался красноречием, а кхитайка упомянула лишь что это «по виду — невзрачная такая травка с высоким тонким стеблем и острыми листьями». Да, негусто. «Высоких травок с острыми листьями» здесь полно. Занятые своими мыслями, Ринальд не особенно заботился о том, чтобы соблюдать осторожность, и белый песок на узких дорожках-проходах шуршал под его ногами.

* * *

Треворус обернулся на звук и не поверил своим глазам. Он никак не мог ожидать появления этого аквилонского наглеца! Он, вообще, был уверен, что в ближайшее время ничего не услышит об аквилонцах, благополучно убравшихся из Мессантии, но этот...

— Лэрд Ринальд, значит, — произнес король, поднимаясь ему навстречу. — И как понимать твое очередное вторжение?

Признаться, рыцарь тоже не рассчитывал на встречу с кем бы то ни было, тем более с Треворусом. Но сейчас его взгляд был прикован не к аргосскому правителю, а к стеклянному колпаку за его спиной, под которым жило растение с тонким стеблем и ярко-зелеными продолговатыми листьями, единственное, с коим обращались особенно бережно.

— Это Эулиара? — спросил он, опустив все возможные извинения и приветствия.

— Да, но тебе что до нее за дело? — поинтересовался Треворус. — Может, солжешь, будто пробрался сюда, как вор, лишь бы посмотреть на нее? Вряд ли я в это поверю! Вот что, лэрд Ринальд, это ведь именно ты обвинялся в покушении на своего короля! — вдруг воскликнул он.

— Обвинения были ошибкой, господин. Если кто на самом деле являлся истинным виновником смерти нашего гвардейца Рестана и близкого к тому состояния моего короля, то никак не

я, а этот цветок, — он указал на Возлюбленную. — Но мало того. Он стал причиной множества бед, обрушившихся на Аргос. И если тебе не безразлична судьба Мессантии, доверенной тебе богами, ты еще можешь попытаться исправить тот вред, который — я верю, что невольно! — причинил Аргосу. Ибо можно допустить, что ты не представлял себе, какая огромная злая сила заключена в этом растении. Я скажу больше. Вероятно, несмотря ни на что, ты испытываешь к нему привязанность, и тебе нелегко будет своей рукой его уничтожить, но это необходимо сделать немедленно. Поэтому я готов взять на себя такую миссию. Собственно, именно за этим я и пришел.

— Ты смеешь мне заявлять, что явился убить... ее? — переспросил Треворус. — Ты безумен! Твой воспаленный бред заслуживает сожаления, но у меня нет сочувствия к тебе. Мне даже трудно сразу выбрать, какой казни тебя следует подвергнуть за одну только мысль о подобной мерзости!

Цветок, между тем, повернулся к Ринальду, весь оцетинившись, словно понимая, о чем идет речь. Его листья затрепетали, точно от ветра, хотя какое движение воздуха не могло его коснуться.

— Я просил Конана выдать тебя мне еще в тот первый раз, когда ты здесь же осмелился проявить свой строптивый нрав, но аквилонский король отчего-то пощадил тебя. Что ж, ты сам сказал, что исправить невольно причиненный

вред еще не поздно. Я даже окажу тебе особую честь. Знаешь, какую? Я распоряжусь четвертовать тебя и похоронить здесь же, в этой оранжерее, так чтобы твое тело стало удобрением для моих цветов! Для Нее! — почти выкрикнул он с мечтательно-иступленным выражением фанатика на совершенно безумном лице.

Ринальду пришлось признать, что он только зря потратил время, пытаясь в чем-то убедить этого человека, не способного воспринимать доводы разума. Перед ним стоял откровенный сумасшедший, мыслящий совершенно иными, нежели большинство людей, категориями. Самое интересное, что как раз лэрда до определенной степени его понимал. Ведь у него тоже имелись свои святыни, посягательства на которые он никому не прощал.

Именно поэтому Ринальду было очевидно, что справиться с Треворусом будет нелегко — тот предпочтет погибнуть, защищая цветок.

Убить короля Аргоса?.. Ринальд невольно колебался, зато во взгляде Треворуса никаких сомнений не читалось.

«Ты, бедняга, все время думаешь о правилах, — прозвучал в голове лэрда сочувственно-насмешливый голос Конана, — и не хочешь признать, что живешь в мире, в котором большинство людей на них плюют. Может, это и плохо, но таков уж порядок вещей».

Треворус безмерно облегчил ему задачу, напав первым, как и, совсем недавно, Эвер, но, в отличие от прежнего противника, этот оказался

куда опаснее, он двигался уверенно, молча и молниеносно, точно змея — признаться, Ринальд этого не ожидал, он вообще не имел представления об аргосском правителе как о бойце, и действовал скорее по наитию; он сумел увернуться от удара, но, увы, подвела поврежденная нога, о которой лэрд уже успел забыть — Треворус всего-навсего пнул его носком сапога в голень, и этого оказалось довольно, чтобы Ринальд очутился на земле. К тому же, падая, он неудачно задел хрупкий стеклянный колпак, защищавший ядовитый цветок, и тот рассыпался множеством осколков.

Эулиара затрепетала еще сильнее, она шевелилась и изгибалась как только могла, стараясь дотянуться до своего врага.

— Отлично,— в восторге крикнул Треворус,— моя дорогая девочка сама желает справиться с тобою!

Лэрд, понятно, этих намерений не разделял. Он откатился в сторону и вскочил, но Треворус успел, взметнув из-под ног песок, швырнуть его Ринальду в лицо, на несколько мгновений почти совершенно ослепив его, так что рыцарь самым досадным образом пропустил следующий удар и снова оказался сброшенным на землю.

Треворус, хрипя, навалился на него всей своей немалой массой, не позволяя вывернуться. Положение Ринальда было крайне неудачным — он лежал вниз лицом, пытаясь сбросить с себя противника, и всего в нескольких дюймах от Эулиары, которая, со своей стороны, не оставляла

попыток до него добраться: а ведь всего одного касания было довольно, чтобы убить его! Сквозь пелену выступивших в глазах слез Ринальда видел крупные ядовитые капли, скапливающиеся на ее листьях. Треворус подтаскивал его все ближе к цветку. Ринальд рванулся изо всех сил, резко откинув назад голову и затылком разбив нос и губы врага. Вскрикнув, Треворус ослабил хватку, лэрд вывернулся, и король Аргоса, скатившись с него, коснулся рукой своей драгоценной святыни...

Если до сих пор Ринальд полагал, что самым отвратительным зрелищем в его жизни был ходячий мертвец Нагуд, то теперь понял, насколько заблуждался.

Распространяясь от пальцев, яд принялся живо пожирать человеческую плоть, заставляя ее на глазах чернеть и покрываться ужасающими пузырями, которые тут же лопались, обрызгивая все вокруг фонтанами крови.

Тело Треворуса некоторое время билось в страшной агонии, словно стора изнутри, глаза его выкатились из орбит, рот раскрылся, раздраемый безмолвным воплем.

Очень скоро все было кончено, но последних мгновений аргосского короля Ринальда не видел — он отвернулся, не в силах вынести лицезрения этого ужаса.

Единственным желанием лэрда было немедленно бежать из оранжереи, но этого он не имел права сделать, не уничтожив цветка, в способностях которого только что убедился. Он не соби-

рался прикасаться к Эулиаре и повторять печальный опыт Треворуса.

Пожалуй, лишь огонь мог справиться с зеленой гадиной! Ринальд огляделся в поисках факела, чувствуя, что едва держится на ногах — испарения цветка заставляли мутиться сознание, он дышал, с трудом выталкивая воздух, боль волнами разливалась по спине и груди, очертания предметов расплывались перед глазами. Ринальд разбил один из светильников и поднес открытый огонь к цветку, с удовольствием наблюдая, как пламя уничтожает это живое проклятие Аргоса.

— Что ты сделал?!

Все еще стоя на коленях, он медленно поднял глаза.

Ринальд все на свете отдал бы за то, чтобы увиденное было только плодом кошмара, мороком, вызванным ядовитыми испарениями листьев Эулиары.

То самое чудовище, с которым он уже встречался один раз, предстало перед ним снова. Но теперь мерзкий мертвец явился не один: он прижимал к себе Лю Шен, онемевшую от ужаса и отвращения.

— Нагуд,— выдохнул Ринальд,— отпусти девушку!

— Поднимайся и иди за мной. И помни: одно твое неверное движение, и ей конец. Поэтому лучше тебе не сопротивляться.

— Ринальд,— умоляюще произнесла кхитайнка,— беги отсюда, мне все равно не...

— Я не брошу тебя!

— Хватит болтать,— глухо произнес Нагуд,— иди вперед.

— Чтоб ты сдох, сволочь,— от всего сердца пожелал Ринальд, впрочем, с явным опозданием, что вызвало у Нагуда хриплый смешок.

Глава двадцать седьмая

Еще прошло относительно немного времени с того момента, как Ринальд и Лю Шен отправились на поиски цветка. Конан отлично умел, при необходимости, ждать и не поддаваться при этом тревоге до тех пор, пока для таковой нет серьезных оснований.

Но неожиданно он услышал голос, отчетливо звавший его...

Киммериец повернулся на звук, впрочем никого не увидев, и тут же голос раздался снова, причем на сей раз это был отчаянный призыв, крик о помощи, на который просто невозможно было не отозваться, да к тому же Конан мог поклясться, что принадлежал он его сыну, наследному принцу Конну!

Киммериец, не раздумывая, бросился туда, откуда доносился крик, ему отчего-то и в голову не пришло, что принц Конн едва ли мог очу-

титься в Мессантии вместо Тарантии, да еще здесь, во дворце. Его сын в опасности, ему нужна помощь! — вот все, что аквилонский король вполне понимал, а если так, то он был готов разнести весь Аргос по камешку, лишь бы не опоздать, и все дальше удалялся от бывших казематов по лабиринтам дворца.

— Отец, сюда, скорее! Спаси же меня, я погибаю!..

Даже другой, короткий вопль, донесшийся до его слуха, не остановил аквилонского правителя. Как и необъяснимая странность — по мере его движения голос сына не удалялся и не приближался, принц словно постоянно находился где-то почти совсем рядом.

Так он достиг Белой башни, сооружения, значительно возвышающегося над дворцом и служившего сторожевым постом, а также местом казни — с нее, согласно легендам, прежде, очень давно, сбрасывали преступников из числа придворных вельмож, уличенных в предательстве по отношению к трону, — и начал бегом подниматься по винтовой лестнице, ведущей на самый верх.

— Остановись!

Прямо перед собой Конан увидел женщину в белых одеждах, стоящую на несколько ступеней выше, чем он сам; тонкое нежное лицо ее казалось очень печальным и изможденным.

— Прочь с дороги, кто бы ты ни была, — крикнул варвар, готовый оттолкнуть ее и продолжать свой путь, — там мой сын!

— Конан... там никого нет,— покачала головой женщина.— Твой сын в безопасности, это всего лишь морок, колдовское помрачение, заставившее тебя поверить в несуществующее.

— Нет? — недоверчиво переспросил киммериец, внимательно вслушиваясь — но голос Конна больше не звал его.— Но как же... а ты кто такая? Почему я должен верить тебе, а не...

— Потому что я хочу спасти твою жизнь,— отозвалась она.— Мое имя Гэлинон. Я — последняя королева Мессантии и супруга несчастного Треворуса, нынче ночью последовавшего за мною в царство теней.

— Ты лжешь,— не вполне уверенно сказал киммериец.— Гэлинон скончалась при родах десять зим назад, а с Треворусом я сам разговаривал не далее как пару дней назад, и он был вполне жив.

— Дотронься до меня,— велела женщина.

Конан протянул к ней руку, которая прошла сквозь бесплотное тело, как сквозь прохладный ступок тумана.

— Теперь ты веришь? — спросила Гэлинон.— Иди за мной, тебе следует еще кое-что увидеть.

Она повернулась и принялась подниматься, пока не оказалась на узкой открытой галерее Белой башни. Если смотреть снизу, это сооружение не представлялось таким высоким, здесь же впечатление было совсем иным.

От жестокого пронзительного ветра, ударившего в лицо, едва Конан, вслед за Гэлинон, ступил на галерею, он едва не потерял равновесие и

отшатнулся от низеньких каменных зубцов на самом краю, которые никак не смогли бы предотвратить падение.

— Если бы я тебя не остановила,— прошелестел голос Гэлинон,— ты бросился бы сюда на голос сына и сорвался вниз, следуя за тем, что лишь кажется. Я понимаю, что двигало тобой, ведь у меня тоже есть дети. Ради них я пришла на помощь тебе, ибо ты способен спасти моих сыновей. Ведь теперь, когда Треворус погиб, его власть, пусть столь же призрачная, как мой облик, больше не защитит их. Раммар не допустит, чтобы они заняли место их отца, и только ты сможешь за них вступить, Конан. Ради того, что я ныне сделала для тебя, обещай, что не оставишь их.

— Гэлинон...

— Обещай мне,— настойчиво, отчаянно потребовал призрак.

— Клянусь сделать для них все, что будет в моих силах,— проговорил киммериец.— Но кто пытался завлечь меня сюда и погубить?

— Дух, с которым сейчас сражаются двое, которые тебе дороги,— отозвалась Гэлинон,— чтобы ты не смог вмешаться в его действия. Теперь иди назад, и поторопись. Прощай.

Конан обернулся к маленькой двери, через которую вышел на галерею — она по-прежнему оставалась распахнутой. «Двое, которые тебе дороги»? Кого имела в виду мертвая королева? Ринальда и Лю Шен... Конечно же, он ведь должен

был дожидаться их возвращения, а вместо этого поддался искушению и покинул свой пост!

— Гэлинор? — Конан хотел еще раз увидеть ее, но женщины уже не было — она исчезла, как сметенное ураганом облако.

Не раздумывая, киммериец бросился по лестнице вниз, надеясь успеть возвратиться прежде, чем произойдет непоправимое.

* * *

Теперь и вторая жертва, еще одно животное, необходимое для совершения таинства, было у Нагуда в руках. Он ничуть не колебался в выборе, кого из двоих, мужчину или женщину, отдать Тата-н'киси — конечно, женщину. А этот будет смотреть, как она умирает, не в состоянии вмешаться и защитить ее, и лишь потом настанет его черед, ибо он покусился на священный Цветок и тем самым приговорил себя к мучительной смерти.

Впрочем, Нагуд знал то, о чем Ринальд понятия не имел: если корни остались целы, а для них и огонь не страшен, Эулиара сможет восстановиться, хотя и очень нескоро.

...Нагуд мысленно воззвал к своему Тата-н'киси, произнося слова древнего заклятия, парализующего волю врага. Теперь Ринальд шел, как во сне, даже не пытаясь сопротивляться — он прекрасно все понимал, но не мог ничего сделать.

Нагуд не спешил. Ему следовало быть очень внимательным и не нарушать последовательность действий, а неловкое, неуклюжее распадающееся тело было таким несовершенным оружием! Ну, ничего, скоро оно станет даже лучше, чем было прежде.

Лэрд испытывал невероятные опущения... физически он был свободен, то есть не связан и не в оковах, но при этом мозг больше не руководил его действиями, которыми управляла теперь иная, внешняя, чужая, враждебная сила.

Майомбе и другие Посвященные его уровня в Куше таким образом держали в повиновении сотни рабов и воинов, но Нагуд — пока — находился только на первых, более низких ступенях Знания, и его способности столь широко не простирались.

Он не мог долго удерживать в полном повиновении сознание другого человека, все равно как людям трудно одновременно писать двумя руками, а тем более испытывал сложности, если приходилось следить за несколькими сразу или на большом расстоянии, превышающем поле зрения. Может, потому что он был усердным и преданным учеником Майомбе, но лишенным искры истинного таланта к колдовству. Так представление об основах стихосложения еще не делает человека поэтом. Впрочем, переживать по такому поводу он не собирался. Во всяком случае, не сейчас.

Нагуд взглянул на давно погасший факел на стене, и тот немедленно загорелся. Это было

простое колдовство, вполне доступное ему. Самому Нагуду свет был не нужен, однако он желал, чтобы Ринальд и Лю Шен как можно лучше видели все, что должно произойти, а потому сразу же заставил гореть и второй факел на противоположной стене, так что теперь потрясенному взору лэрда предстала полная картина готовящегося продолжения кошмара.

Он увидел сводчатый потолок и покрытые плесенью стены, углубление, выдолбленное в полу, над которым была установлена решетка с толстыми, кое-где проржавевшими прутьями, и вдруг отчетливо понял, что это не ржавчина, а потоки засохшей крови.

В углу лежало раздувшееся мертвое тело с разрубленной головой, а в другом, скорчившись, обхватив руками колени и низко опустив голову, сидела женщина, лица которой он пока не мог разглядеть из-за скрывавших его длинных распущенных волос.

Но вот Нагуд подошел к ней и заставил подняться, рывком поставив на ноги. Лэрд узнал Дэйну.

— Мертвы, все до единого мертвы, — пробормотала она, остановив взгляд на Ринальде, — и ты тоже... теперь я поняла... ты вернулся и привел с собою демонов из преисподней, чтобы погубить меня...

«Да нет же, я жив», — хотел воскликнуть рыцарь, но вместо слов из его рта вырвалось лишь нечленораздельное мычание — ни говорить, ни двигаться Ринальд не мог, так же как и объяс-

нить свое состояние метнувшейся к нему Лю Шен.

— Что с тобой? — спросила она. — Ответь же мне, скажи что-нибудь!

Если бы это было в его силах!

Он слышал нечеловеческий крик Дэйны, которую Нагуд швырнул на решетку, притянув ее руки и ноги к прутьям прочными кожаными ремнями, видел тускло блеснувшую сталь похожего на охотничий пожа, какими обычно освеживают туши подстреленных животных, и как Нагуд с заметным усилием сдвинул чугунную крышку, закрывавшую то, что находилось в углублении в полу, от чего смрад еще больше усилился...

— Нет, — крикнула Лю Шен, бросаясь к решетке.

Она, признаться, не испытывала особого сострадания к Дэйне, зато понимало, что в подобном отчаянном случае настоящий враг может быть только один, и если отдать ему на растерзание даже прежнего своего противника, то очень скоро наступит и твой черед.

У Нагуда вмешательство кхитайнки вызвало недоумение и раздражение — он не считал, будто это создание способно в чем-то ему помешать. Не владеющая колдовством, такая маленькая и слабая женщина — что она может изменить в его замыслах? Он ударил ее, отбрасывая в сторону, так что девушка отлетела к стене, а затем занес нож над горлом Дэйны.

Лю Шен бросила на Ринальда испуганный беспомощный взгляд, и у него все внутри перевернулось от ненависти к себе за собственное бессилие, неспособность вступить за нее перед чудовищем, орудовавшим возле своего жуткого жертвенника; кхитайка попыталась вывести лэрда из оцепенения, но ее усилия оставались тщетными.

Нагуд, между тем, избавившись от досадной помехи, полностью сосредоточился на своих действиях. Он склонился над Дэйной и, вполголоса произнося слова заклинаний, сделал первый надрез...

Женщина выгнулась и издала нечеловеческий вопль, впрочем, тут же и оборвавшийся — к счастью для нее, женщина погрузилась в спасительное беспамятство. Но едва лишь ее кровь хлынула в раскрытую пренду, из глубины котла поднялся едкий дым, струйки которого, густея и множась, заволокли все помещение, так что уже трудно было различить происходящее дальше. Нагуд продолжал свою работу — теперь кровь лилась сплошным потоком, смешиваясь с содержимым котла.

Дым же не рассеивался, но обретал форму, превращаясь в подобие какого-то невиданного, неопишуемого чудовища с плотоядно ощеренной пастью, его форма и облик менялись, клубясь и расплываясь, как бывает, если долго смотреть на большое темное облако, когда кажется, что оно непрерывно превращается в разнообразных существ.

Вот только это «облако» отнюдь не было ни далеким, ни мирным. Оно полностью обволокло женщину и принялось пожирать ее, быстро и словно затягивая в себя агонизирующую, бьющуюся в последних конвульсиях плоть, пока на решетке не осталась лишь голова и кожа, совершенно пустая и лишенная крови, точно шкурка, сброшенная змеей. Тата-н'киси принял жертву Нагуда!

Тот торжествующе выкрикнул слова благодарности, а затем сам лег на решетку, на то, что осталось от Дэйны, и мертвое разрушающееся тело его начало снова наполняться жизнью, восстанавливаясь, становясь прежним, таким, каким оно было до гибели в петле палача. Да, оно оживало, переломленные кости и позвонки стремительно срастались...

Жуткая гниющая маска на месте лица обрела человеческие черты.

Если бы даже Ринальд не находился во власти сковывающего его колдовства то сейчас, при виде происходящего, едва ли смог сдвинуться с места. Лю Шен также пребывала в полнейшем оцепенении.

Сколько времени длилось это действие минуты или часы, определить невозможно. Но наконец прежний облик полностью вернулся к Нагуду, и колдун поднялся, с восторгом оглядывая себя и ощущая, что приобрел еще и новые, не присущие ему до смерти возможности: его физические силы теперь многократно превышали обычные человеческие!

Впрочем, он недолго любовался собой. Теперь его взгляд упал на труп Гильгана. Не выказывая ни малейшей брезгливости, Нагуд склонился над своим «дорогим мальчиком» и вгляделся в его ставшие неузнаваемыми черты.

— Подожди, Гильган,— произнес он,— я верну тебя к жизни, уже немного осталось!

Он обернулся в сторону Лю Шен.

Преображенное колдовством, лицо Нагуда могло бы казаться вполне нормальным и даже красивым, особенно по сравнению с тем, каким оно выглядело совсем недавно. Однако для Ринальда и кхитайнки сейчас и морда зверя была бы куда привлекательнее, чем это лицо убийцы с бесстрастными, ледяными глазами. Если тело Нагуда ожило, то в глазах его не было ничего, кроме смертельной пустоты, ибо он больше не был человеком.

Даже в душе разбойника, всю жизнь промышлявшего грабежами и оставлявшего за собой горы трупов, ужасный кровавый след своих злодеяний, даже в такой душе в самом дальнем ее уголке живет способность к раскаянию в совершенном, к тому, чтобы когда-нибудь, хотя бы на единый миг, на смертном одре, содрогнуться при мысли о собственных преступлениях.

Однако демон от человека отличается в первую очередь тем, что он-то, как раз, ни к чему подобному не способен, какое бы обличье ни имел.

Так вот, Нагуда, нынешнего Нагуда, это касалось вполне.

Никакая сила не могла бы остановить его, собиравшегося теперь возвратить Гильгана точно так же, как он только что проделал это с самим собой, с той лишь разницей, что сейчас на месте Дэйны пришел черед оказаться Лю Шен. И кхитайнка отчетливо сознавала это.

Как и Ринальд, увы, по-прежнему невластный что-либо изменить.

И тут лэрд вспомнил, как однажды, совсем недавно, Ив сказала ему: «Я не разбираюсь в колдовстве, но говорят, будто, если демоны осаждают человека, и он не может их победить, надо начать петь. Кто их знает, почему, но они этого терпеть не могут...»

И едва Ринальду пришло это в голову, как слова баллад, тех самых, которые он так упорно, любовно и бережно собирал, сами собой возникли в памяти, они звучали в душе его, подобно гимну. Его друзья, так вовремя явившиеся на помощь, когда больше ничто не могло обещать спасения!

Человечьи песни, такие несовершенные выдох усталой души, слагавшиеся безвестными вечно нищими бардами-странниками — разве могли они противостоять страшным черным заклятиям, эти хрупкие бесплотные миражи?.. Однако они вспыхнули в его сознании, подобно багровым искрам, сжигающим незримые оковы колдовства.

Он мучительно старался вырваться, освободиться, невзирая на ввинчивающуюся в мозг боль, которую причиняли эти усилия. Его губы

раздвинулись, превратившись в две тонких серых полосы, обнаживших стиснутые зубы; неимоверное усилие заставляло напрячься каждый мускул, кровь яростным набатом стучала в висках.

— Я не привык лежать на глубине... Живое сердце сонным не бывало,— вслух произнес Ринальд и обнаружил, что язык его более не скован, а вслед за тем и остальные члены тела обретают прежнюю свободную силу.— Я не живу в дремотной тишине, все время начиная все сначала...

Он поднялся на ноги — они служили ему, как раньше, как всегда! — и двинулся на Нагуда.

— Я не ропщу — так интересней жить, в обиду не давая честь и душу, и если надо Зло остановить — останавливаю, и слова не нарушу...

Колдун уже успел схватить Лю Шен, однако Ринальд вырвал девушку из его рук и отбросил колдуна в сторону, чтобы затем сцепиться с ним в рукопашной схватке. Нагуд обладал множеством преимуществ по сравнению с лэрдом. Он был во-первых несравнимо сильнее, кроме того, начисто не способен ни уставать, ни ощущать боль (вот они, свойства нового тела!), так что затея Ринальда казалась совершенно безнадежной. Тем удивительнее было то, сколько времени удавалось продержаться рыцарю, отражавшему атаки чудовища.

Кхитайка метнулась к двери, отчаянно стараясь откинуть засов и вырваться, чтобы позвать на помощь — от нее самой, и Лю Шен это

казалось очевидным, толку сейчас было бы немного.

Наконец ей это удалось. «Боги, боги,— лихо-радочно шептала девушка,— не дайте ему погибнуть, и я клянусь посвятить вам собственную жизнь!»

— Что здесь...

Невероятно. Лю Шен не могла поверить такому счастью — Конан бежал в их сторону, на ходу выхватив из ножен меч.

— Господин... скорее! Там....

Больше ничего кхитайка сказать не успела, да киммерийцу объяснения и не требовались. Через мгновение он и сам прекрасно увидел, что происходит.

К тому времени дела Ринальда были совсем плохи. Нагуд явно одерживал верх, вцепившись лэрду в горло. Противники были так близко один к другому, что Конану оказалось сложно действовать так, чтобы, попытавшись прикончить Нагуда, в то же время не задеть Ринальда. Впрочем, долго раздумывать все равно было нельзя.

Описав в воздухе сверкающую дугу, меч киммерийца отделил голову от тела колдуна, но даже этого оказалось мало, чтобы тот разжал пальцы, сомкнувшиеся на шее рыцаря. Поэтому Конану пришлось нанести еще несколько ударов, буквально расчленив Нагуда, и только после этого дело можно было считать завершенным.

— Откуда, из какой треклятой дыры вылезла еще и эта пакость? — спросил сам киммериец,

разглядывая ужасные останки.— Лю Шен, ты что-то можешь объяснить?

— Я и сама ничего не знаю, господин,— покачала она головой.— Все произошло так неожиданно! — девушка опустилась на колени над Ринальдом, пытаясь привести его в чувство.

Он был жив, но пока вряд ли понимал, что происходит. Его губы продолжали шевелиться, выталкивая обрывки стихотворных строк.

— Все кончилось, мой милый,— сказала Лю Шен.— Ты меня слышишь?

— Вставай, воин,— Конан протянул ему руку, и Ринальд поднялся, оперевшись на нее и слегка пошатываясь, осторожно поворачивая голову и удивляясь тому, каким образом Нагуд не свернул ему шею.— Давай, лэрд, нам надо успеть убраться отсюда. Если тяжело двигать ногами, не строй из себя героя, я тебе помогу.

Глава двадцать восьмая

так, ты убил короля Аргоса,— голос киммерийца звучал недовольно, а сам он двигался по относительно небольшой комнате в доме Ив с таким яростным грохотом, что дощатые половицы под его ногами стояли и прогибались.— Я тебя за этим посылал, Ринальд?!

— Но у меня просто не было выбора,— ответил рыцарь.— Да он, вообще-то, сам прикоснулся к цветку, поэтому и погиб. Я не собирался липнуть его жизни!

— Сколько от тебя проблем,— вздохнул Конан.

— Он сражался и победил,— вмешалась Лю Шен,— господин, Ринальд сделал все, что мог! И меня он спас... если бы не он, меня бы и в живых не было.

— А если бы не я, в живых не было бы вас обоих,— отметил киммериец.— Нечего его защищать! — впрочем, он тут же сменил несколько напускной гнев на милость.— Все правильно, Лю Шен, я на его месте действовал бы точно также. Успокойся, лэрд, я не нахожу смерть Треворуса такой уж великой потерей. Сделанного не вернешь. Хватит переживать из-за мертвых, сейчас самое время подумать о живых.

— Да, господин,— подхватил рыцарь,— ты прав. Там, во дворце, остались те, о ком подумать необходимо. Химат и Талгат теперь, после смерти их отца, в особенной опасности, советник Раммар непременно постарается избавиться от них, а совершить такое злодейство ему проще, чем муху прихлопнуть. Они ведь совершенно беспомощны перед ним.

— Это Гэлинор тебе сказала? — вырвалось у Конана.

— Кто?... — не понял Ринальд.— Я ни с кем не говорил о них, просто сам понимаю, что...

— Да, конечно,— киммериец не собирался никому рассказывать о своей встрече с призраком королевы.

— Во всем Аргосе на стороне Хенга и Чанга не окажется никого,— сказала Лю Шен.— Кроме нас.

— На стороне Химата и Талгата, ты имеешь в виду? — уточнил Конан.

— Она их назвала по-кхитайски, «левый» и «правый», улыбнулся Ринальд.— А все остальное так и есть. Нам следует вмешаться.

— Только не тебе, лэрд! Когда ты во что-то вмешиваешься, ничего хорошего не жди,— возразил Конан.— Ну, не злись, просто тебе и так досталось сполна, можно бы и отдохнуть.

В самом деле, после драки с Треворусом и последовавшей затем схватки с Нагудом на теле Ринальда трудно было отыскать живое место, однако он по-прежнему рвался в бой.

— У меня ничего не сломано, кроме пары ребер, но это не в счет,— заявил лэрд.— Подумаешь, несколько небольших синяков, разве мужчине пристало обращать внимание на такие мелочи?!

— Тогда уж не «несколько», а всего один,— проворчал Конан,— зато сплошной. Действительно, сущий пустяк. Если я прикажу тебе не двигаться с места даже под страхом смертной казни... ты все равно на это наплюешь. Придется идти вдвоем.

— А как же я? — спросила Лю Шен.

— А вот ты точно останешься с Ив и будешь ждать нашего возвращения,— ответил Конан.— Молись за нас всем богам, каких знаешь, и верь, что удача будет на нашей стороне.

* * *

Уже наутро следующего дня известие о смерти Треворуса разнеслось по всей Мессантии, запершей в тревоге и недоумении по поводу того, что теперь будет. Официального объявления о случившемся пока не было. Глашатаи безмолвст-

вовали, словно при дворе тоже не существовало никакой ясности относительно самого главного вопроса о наследовании престола, о том, кто станет во главе Аргоса.

Назывались самые разные имена наиболее приближенных к Треворусу людей, и только два упоминались суеверным полупепотом: истинных преемников прежнего короля, его сыновей.

До сих пор, хотя Химату и Талгату было уже десять зим, их никто не видел, подавляющее большинство мессантийских граждан вообще полагали, что это — один ребенок, при том имеющий внешность настолько чудовищную, что при одном взгляде на него можно лишиться рассудка, а то и вовсе не человек. Об истинном положении вещей мало кто подозревал, но так или иначе, мысль о том, что подобное создание может унаследовать трон, никогда всерьез не допускалась.

Кто займет место Треворуса? Верховный жрец Митры? Или главный советник Раммар? Или глава внутренней охраны Мессантии Форонт? Слухи были самыми разнообразными, они росли и множились с невероятной быстротой, но в точности о происходящем во дворце не знал никто.

А творилось там следующее.

Обезображенный до неузнаваемости труп Треворуса, обнаруженный в оранжерее, так и не удалось перенести в более подобающее умершему место — прикоснуться к нему оказалось столь же небезопасно, как прежде — к Цветку, в чем слуги и убедились, когда один из них разделал

участь своего господина. Далее, в подвальных помещениях дворца было найдено два трупа неизвестных Нагуда и Гильгана, причем один из них был разрублен на куски, и непонятное приспособление в виде наполненного какой-то дрянью котла с решеткой, происхождение и назначение которого оставалось невыясненным, хотя и предполагалось, что его использовали в колдовских целях.

Раммар немедленно собрал наиболее высокопоставленных вельмож из числа самых приближенных к почившему королю, и каково же было их удивление, когда в зал совета вошли Химат и Талгат, которых, собственно, никто не звал!

Но они не просто появились, а заняли место, обыкновенно принадлежащее их отцу. Причем по обеим сторонам трона безмолвно встали двое облаченных в боевые доспехи телохранителей инфантов.

Лицо каждого из воинов было скрыто кожаным забралом, так что определить, кто эти люди, было невозможно.

Прежде, чем кто-либо успел высказаться по этому поводу, Химат властно поднял руку и призвал присутствующих к молчанию.

— Я — наследник аргосского престола и буду говорить, — объявил он.

— Но... — приподнялся было Раммар, впрочем, тут же передумав и предпочтя подождать со своими соображениями.

— Поскольку никаких иных указаний на сей счет мой отец не оставил, мое право, как стар-

шего сына, неоспоримо, — внес Химат полную ясность, и его звонкий детский голос звучал спокойно и уверенно. — Любые попытки встать на моем пути я буду считать государственной изменой. Я скорблю о смерти моего отца и вашего короля вместе со всем Аргосом, — продолжал он, — и в нынешней ситуации вынужден исполнить свой долг и заменить его на престоле.

— Но, позволь, это немыслимо, — все-таки не выдержал Раммар.

— Назови причину, — невозмутимо возразил Химат, — и да хранят тебя боги, если она не окажется достаточно весомой.

— Юный возраст, — Раммара не так-то легко было сбить с толку, — юный возраст наследника позволяет править только под руководством регента.

— Которым, судя по всему, ты видишь себя самого? — уточнил Химат. — Не получится. Мой отец, король Треворус, в последние годы слишком много вопросов препоручал твоему рассмотрению, и в результате Мессантия находится в отчаянном положении. Нищета, бесконечные грабежи и убийства, совершенно бессильная городская стража, пиратские суда, взимающие дань со всех портов почти в открытую — или я не прав? Возможно, внешность моя и брата несколько отличается от обычной, но разум от этого не делается менее ясным, и я в курсе многих вещей, творящихся в столице и провинциях. Также, я достаточно образован, чтобы считать себя в состоянии исполнять долг правителя. Но если по

закону требуется, чтобы кто-то занял пост регента, то я сам укажу достойного человека, который будет меня устраивать.

Примечательно, что за все время этой речи Талгат ни разу и рта не раскрыл; да и вообще мало кто из присутствующих на совете был сейчас способен внятно соображать.

Появление инфантов вызвало вполне объяснимое изумление: Химат был совершенно прав, прояснив вопрос о том, что его с братом уродство еще не свидетельствует об умственной неполноценности. Напротив, не всякий взрослый и абсолютно нормальный человек мог бы при сходных обстоятельствах держаться с таким достоинством и спокойствием, как этот несчастный мальчик, злая шутка богов, выглядящий даже младше своих десяти зим!

Оставалось признать, что в его жалком, уродливом теле обитает несокрушимый дух и живой, острый разум.

— Талгат, — вновь начал Раммар, — но правителем мало родиться. Увы, вряд ли в Аргосе найдется сила, которая станет поддерживать твоё правление, а без этого ты обречен.

— Для начала тебе хорошо бы усвоить имя твоего короля. Оно не столь сложно для запоминания: Химат. Талгат же является моим братом. А что касается поддержки, то ты заблуждаешься. За мной стоит совершенно реальная сила, готовая всячески способствовать моему правлению и приветствовать его.

— Неужели? Какая же?!

— Я имею полное право не отвечать,— улыбнулся Химат.— Но клянусь, что если ты или кто-либо иной совершит попытку препятствовать исполнению принятых мною решений, такому человеку придется жестоко пожалеть о своем безрассудстве.

— Но хотя бы суть этих мудрых решений мы сможем узнать? — спросил Раммар.

— Безусловно. Их всего два на сегодня. Первое: немедленно собрать дань со всех, торгующих в Мессантии, и выплатить жалованье городской охране и легионерам-наемникам, иначе они вынуждены добывать деньги грабежами вместо того, чтобы достойно нести службу.

— Боги вняли моим молитвам,— пробормотал не верящий своим ушам глава внутренней охраны Мессантии, Форонт, и его слова слышали все присутствующие.— Что еще ты соблаговолишь приказать, великий господин?

— Достойно похоронить моего отца,— голос Химата звучал по-прежнему ровно.— Его тело должно быть предано огню по древней традиции.

— Позволь заметить, что ты не упомянул о необходимости отыскать его убийц,— прошипел Раммар,— или для тебя это не является долгом чести... господин?

— Короля Треворуса убил ядовитый цветок из его оранжереи, тот самый, который прежде стал причиной моего с братом уродства и смерти нашей матери, королевы Гэлинор,— сказал Химат.— Если кто-то имеет сомнения по этому

поводу, то может испытать действие цветка — вернее, того, что от него осталось — на себе самом и убедиться, прав я или заблуждаюсь. Ты желаешь опровергнуть мои слова действием, Раммар? Отвечай.

— Нет, но...

— В таком случае, этот вопрос можно считать разрешенным.

— Нельзя,— Раммар стремительно терял свои позиции, но не собирался сдаваться без борьбы, яростной отчаянной.— Король, безусловно, знал об опасных свойствах этого растения и не допустил бы смертельной оплошности, прикоснувшись к нему! Значит, кто-то способствовал тому, чтобы несчастье случилось.

— Если разводишь в своем доме гадов, можно предположить, что одна из них рано или поздно тебя укусит,— ничуть не смутился Химат.— Так вот, горький опыт моего отца научил меня никаких ядовитых тварей возле себя не оставлять в живых. Я ясно выражаюсь?

— Отлично,— вырвалось у Форонта,— я могу немедленно начать подготовку моих людей к принятию присяги на верность новому правителю Аргоса?

— Да, это будет уместно,— согласился Химат.— Еще кто-нибудь желает задать мне вопрос? Если все достаточно ясно, вы свободны.

Химат и Талгат поднялись и направились к выходу из зала совета. Они почти достигли двери, как вдруг позади них раздались потрясенные вопли. Инфанти — хотя теперь было бы точнее

сказать, король Аргоса и его брат — обернулись. На полу, без кровинки в лице, лежал Раммар. Его левая рука баюкала обрубок правой. Аккуратно отсеченная кисть с зажатым в безжизненных пальцах длинным стилетом валялась рядом. Раммар издавал жуткие звуки, какие можно услышать на поле боя после сражения. К его горлу был приставлен окровавленный меч одного из «телохранителей», того, который был выше ростом; рядом, тоже с обнаженным мечом, стоял второй.

— Вероломный убийца, — воскликнул Химат, склоняясь над Раммаром и освобождая стилет из отсеченной кисти, чтобы затем высоко поднять оружие и показать всем. — Если бы не мои друзья, этот предатель убил бы меня!

Химат швырнул стилет под ноги и мрачно посмотрел на поверженного Раммара.

— Я не сторонник кровавых казней и не собирался начинать с них свое правление, но иного выхода нет. Форонт, избавься от этой мрази.

Мало кто заметил, как, отдавая этот приказ, Химат взглянул на воина, только что спасшего ему жизнь, как бы ожидая его реакции, и тот едва заметно одобрительно кивнул, поддерживая решение нового короля Аргоса.

* * *

— Ты справился, — облегченно выдохнул Конан, вытирая со лба выступившую от бешеного напряжения испарину. — Лэрд, ты все видел и

слышал?! Копыта Нергала, этот мальчишка не допустил ни единой оплошности и сделал все, как надо! Химат, внутренняя охрана и армия теперь на твоей стороне, а это прекрасное начало, остальное приложится!

Ринальд же не сказал ничего. Он просто, сдвигая Химат и Талгат переступили порог своих покоев, опустился на колени и прижал к себе короля Мессантии и его брата.

— Ринальд, — Химат в ответ обвил руками шею лэрда, как самый обыкновенный ребенок, нуждающийся в защите и любви, — ты будешь нашим регентом? Ну пожалуйста!

— Я аквилонец, — отозвался тот, — не имею право открыто вмешиваться в дела Аргоса, и в политике мало что понимаю, так что, боюсь, это не получится. Но я бы мог, с высочайшего позволения моего господина, если он сочтет возможным отпустить меня, остаться вашим телохранителем.

— Ты трижды подумай, Химат, прежде чем вообще допускать его ко двору, — предупредил Конан. — Это, знаешь ли, крайне опасный тип, если ему что-то не понравится, он может и на поединок тебя вызвать. Но если все-таки решишься принять его на службу... — киммериец на некоторое время замолчал, — вряд ли пожалеешь об этом!

Глава двадцать девятая

Ринальд, коронация нового правителя состоялась спустя две седмицы, и надо ли говорить о том, что в числе гостей, явившихся засвидетельствовать ему свое почтение, самое достойное место занимали аквилонцы. Но про то, что королю Аквилонии для этого не потребовалось проделывать долгий путь, знали только его приближенные.

Ринальд был счастлив и горд столь убедительной победой короля Химата и не считал возможным как-то омрачать его торжество, невзирая на то, что у него самого причин для радости было немного.

Талгат, однако, заметил странное состояние человека, которого считал своим другом, и что-то вполголоса сказал брату. Химат пристально взглянул на Ринальда и кивнул.

— Что с тобой, лэрд? — спросил он. — Почему у тебя на душе беспокойно?

— Нет, все прекрасно, — поспешно возразил тот, отводя глаза, — не обращай внимания. Я... так, может быть, немного устал.

— Неправда, — вменялся Талгат, — скажи, в чем дело, возможно, мы способны как-то помочь?

— Это вряд ли, парни, — вступил в разговор Айган, не проявляя должной учтивости, но Химат и Талгат уже успели почувствовать и понять его глубокое расположение к ним и не обращали внимания на некоторые отступления от этикета. — В его беде даже королевской власти не хватит, чтобы ее развеять.

— Айган, прекрати, — предостерегающе произнес Ринальд, — не надо.

— Нет, как раз надо, — настойчиво возразил тот, — я тоже не могу молча смотреть, как ты мучаешься. По мне, эта женщина просто издевается над тобой!

Он решительно поднялся и направился в сторону Конана и Зенобии, рядом с которыми находилась кхитайка.

— Господин, ты позволишь сказать несколько слов Лю Шен? — спросил он. — Мне придется для этого ненадолго лишиться тебя ее общества.

Но Лю Шен не сдвинулась и явно не собиралась беседовать с ним, молча вскинув глаза на своего короля в поисках защиты.

— Говори при мне, Айган, — решил Конан.

— Ну, ладно. Лю Шен, я не понимаю, почему ты отказываешь Ринальду во внимании, он что, до такой степени тебе отвратителен?

— Нет! Но мы... я не могу... не должна быть с ним, потому что этим навлеку гнев богов на нас обоих,— тихо отозвалась кхитайка.— Я поклялась не идти против их воли.

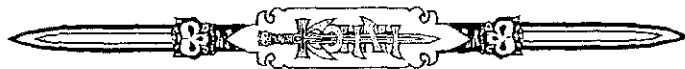
— Да ведь ему твоя холодность страшнее гнева всех богов,— воскликнул Айган,— неужели ты этого не понимаешь?!

Лю Шен не ответила, захлебнувшись слезами. Зенобия не могла этого вынести! Как может нелепое древнее суеверие разрушать жизнь двух прекрасных людей, самой судьбой созданных друг для друга?!

Нельзя пускать чужое горе в свою душу. Куда проще подглядывать за ним в узкую щель вежливого человеколюбия и радоваться, что оно тебя не касается. Не то — беда. Два удара зашедшего от боли сердца, и горе из чужого станет твоим.

Хрупкая девушка с нежной и верной душой — и этот великолепный, сильный, отважный мужчина не должны быть разлучены, чего бы то ни стоило!

— Лю Шен,— Зенобия сжала узкую ладонь кхитайки,— девочка моя, послушай. Я, королева Аквилонии, благословляю тебя стать женой лэрда Ринальда. Вы оба заслужили то, чтобы быть счастливыми. Не бойся ни за себя, ни за него, я освобождаю тебя от всех иных клятв, данных каким угодно богам и демонам. Ведь ко-

роли сами считаются магами, ты не знала об этом? И я ныне желаю совершить доброе колдовство. И думаю, что мой супруг меня полностью в этом поддержит.

— Конечно, дорогая,— подтвердил Конан, который вообще всю жизнь смело перешагивал через любые суеверия, и для коего бросать дерзкий вызов богам было вполне естественно.— Ты права, как всегда.

Лю Шен явственно ощутила, как камнем лежащая на душе тяжесть, долгие годы терзавшая сердце, отпустила ее, ушла из груди, сменившись чувством легкости и свободы. Зенобия не лгала во спасение — она действительно каким-то образом разрушила оковы древнего жестокого закона.

— Ну, девочка, что же ты стоишь, иди к нему,— слегка подтолкнула Лю Шен королева.

И кхитайка пошла, как во сне, не сводя сияющих, точно две яркие звездочки, глаз с Ринальда.

Лэрд шагнул ей навстречу — он еще не знал, что именно побудило ее изменить решение, но прекрасно понимал, что Лю Шен, наконец, готова принять его как своего супруга. Он обхватил ладонями ее лицо и склонился к Лю Шен, чтобы слиться с ней в страстном долгом поцелуе. Точно таком же, как и его король — со своей единственной женщиной, Зенобией.

Но среди ликующих возгласов присутствующих лишь один не волился в общий хор.

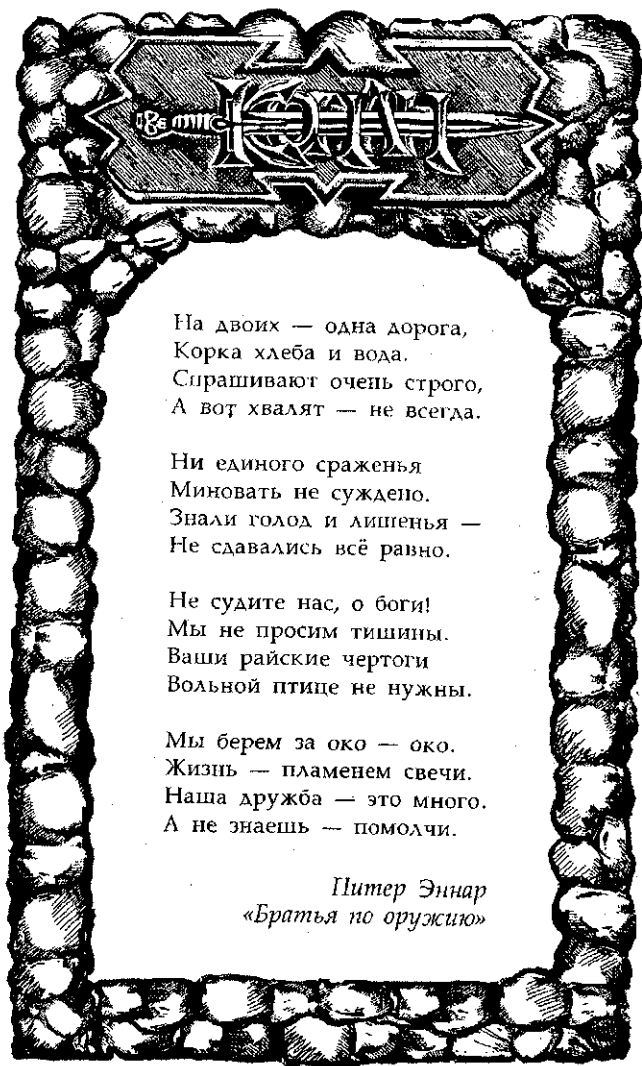

Хромая Ив молчала, пристально глядя на Зенобию и Конана, чувствуя, как холодные пальцы тревоги за них коснулись ее чуткого сердца. Смутная угроза? Предчувствие чего-то неотвратимого? Или просто естественная забота человека о тех, кто ему дорог?...

Она приказала себе не думать о дурном.

В конце концов, к чему омрачать праздник?..

Ву и где, скажи на милость, демоны вас столько времени носили? Должно быть, бельверусские красотки оказались чудо как хороши, что ты не спешил возвращаться! Или всему причиной немедийское вино?

Вместо ответа, Конан с усталым вздохом потянулся в кресле, поудобнее устраивая гудящее после долгой скачки тело. Еще бы! Ведь последние десять дней он провел в седле, торопясь скорее оказаться в Коринфии. Потянувшись за кувшином, он в очередной раз наполнил — и тут же осушил вместительный кубок.

— Нет, с коршенским никакое другое вино не сравнится, — тоном знатока отозвался он наконец, словно и не замечая раздражения собеседника, которое, впрочем, было напускным, вызванным исключительно тревогой за безопас-

ность киммерийца и его спутницы.— Конечно, пуантенское тоже неплохо, да и розовое аргосское...

— Зубы-то мне не заговаривай! — Однако Грациан тоже не выдержал, рассмеялся с облегчением.— Почему вы так задержались?

— О, это целая история. Пусть лучше Палома тебе расскажет. Я у нее был вроде мальчика на побегушках, так что подробностей не знаю. Сам понимаешь, она у нас девица боевая, самостоятельная...

Грациан хмыкнул при упоминании о своей подопечной, наемнице бельверусской тайной службы, которую он две луны назад вызволил из тюрьмы, где ей грозила казнь за убийство. В благодарность за спасение, та помогла коринфийцу раскрыть заговор Черного Кречета — воинственного немедийского Ордена, грозившего захватить графство Коршен.

Вместе с Конаном Палома отправилась в Бельверус, чтобы навсегда покончить с этой угрозой, а заодно и разоблачить высокопоставленного предателя в самом Коршене. Однако имя этого человека узнать им так и не удалось.

— Похоже, эту тайну барон Скавро унес с собой в могилу, будь проклята его черная душонка! — заключил киммериец свой рассказ обо всем, что произошло в столице Немедии.

Грациан пожал плечами.

— Признаться, я не слишком-то и рассчитывал на удачу. Хотя меня не оставляет мысль, что если бы я мог сам отправиться с вами... Э,

да что говорить!..— Он со злостью стукнул кулаком по колену.

Конан с сожалением посмотрел на коршеница. Физическое увечье Грациана было темой, которую оба обычно старательно обходили в разговоре. Но сейчас Месьор сам заговорил об этом, и северянин рискнул высказать наконец то, что уже давно тяготило ему душу:

— Знаешь, я все думаю... Если бы тогда этот парень, которого ты послал меня отыскать, подоспел вовремя... Кром свидетель, уж я бы выпустил кишки из того подлеса, что на тебя напал! Как вспомню об этом — прямо от злости все кишит. Если бы я был рядом!.. Если бы только я мог отыскать этого ублюдка!

Вмиг посерьезневший, Грациан поднял на киммерийца глаза. Усталый, больной взгляд калеки, обезноженного, вот уже несколько лет прикованного к креслу...

— Ты благородный человек, друг мой,— вымолвил он прочувственно.— Возможно, один из самых благородных, кого я знаю... Но перестань себя казнить — что случилось, того не воротишь. И если бы даже ты нашел того, кто пустил эту злосчастную стрелу... ноги мне уже не вернешь. Так что не стоит и говорить об этом! И потом — у меня остались верные друзья. Это важнее всего.

Сам Конан с ужасом думал о постигшей Грациана судьбе — деятельной натуре киммерийца невыносима была мысль о вынужденной неподвижности, и если бы — храни Кром! — ему дове-

лось оказаться на месте коршенища... Об этом лучше даже не помышлять! То, что Месьор не сошел с ума, не озлобился на весь белый свет, было невероятным чудом. К тому же, он не утратил интереса к тому, что творится вокруг, хотя сам уже едва ли мог играть какую-то активную роль в событиях. И за это северянин уважал его еще больше.

— Ладно, — засмеялся вдруг Грациан. — Что-то мы оба расчувствовались, словно плакальщицы на похоронах. Хватит об этом — пора поговорить о делах.

— Ага! — Довольный, киммериец потер ладони. — Ты опять что-то замыслил? Вот и отлично! По мне, так ничего нет хуже, чем сидеть сложа руки! Давай, выкладывай... — Сейчас, глядя на подтянутого, горящего боевым духом наемника, никто не поверил бы, что этот человек только вернулся из долгого, полного смертельных опасностей путешествия. Он вновь рвался в битву!

— Собственно, замыслил не я, — пояснил Грациан. — Так получилось, что помощь нужна одному моему другу. Впрочем, вы с ним знакомы. Это Гарбо, помнишь его?

Гарбо? Конан нахмурился. Они встречались всего один раз, и свела их опять же Палома — когда они все вместе искали убийцу барона Скавро и распутывали заговор Кречета в Коршене. Парень показался северянину тертым пройдохой с повадками убийцы, и как выяснилось позже, он не ошибся. Гарбо был одним из главарей воровского «дна» в Коршене, третьим чело-

веком в местной преступной иерархии. Сам Конан немало якшался с подобными людьми в Шадизаре и Арэнджуне, да и в других местах, так что прекрасно представлял себе, с кем имеет дело. Но что может связывать этого человека с Грацианом? Ведь тот все же был пусть и незаконным, но отпрыском правящей династии Коршена!

Без обиняков, верный себе, он так и спросил Месьора. Тот засмеялся коротким, лающим смехом.

— Мы с Гарбо — одного поля ягоды. Хуже того, родичи. Двоюродные братья, и оба бастарды. Мать его была обычной потаскушкой, зато отец... Бывший наследник коршенского трона, смешно сказать!

— Тот самый, которого... — Конан не договорил. На его взгляд, в истории этой, кровавой, запутанной и грязной, как и любая борьба за власть, не было ровным счетом ничего смешного. В свое время, тридцать с лишним лет назад, нынешний граф коршенский Лаварро, безродный аргосец, силой повел под венец дочь прежнего правителя, в ту пору как раз беременную Грацианом (кто был отец младенца, никто не знал, хотя слухи ходили самые разные...), после чего вместе с верными ему наемниками вырезал все остальное семейство, от стариков до юнцов, таким образом обеспечив себе законное престолонаследие. Так одна династия сменила другую. И уцелела лишь супруга графа, ее сын-бастард, а вот теперь еще, оказывается, этот Гарбо...

Одно соображение, впрочем, Конана заинтересовало.

— Так, выходит, Гарбо тоже готов претендовать на коршениский трон? И Орден Кречета вполне мог иметь дело именно с ним...

Грациан покачал головой.

— Никаких шансов. Незаконорожденный никогда, ни при каких обстоятельствах не может принять графскую корону. Это закон повсюду в Коринфии, в том числе и здесь, в Коршене. К тому же Гарбо, с его разбойничьими повадками, во дворце не усидеть. Нет, уж можешь мне поверить, нынешнее положение устраивает его куда больше. А если ты еще поможешь ему решить одну небольшую проблему...

Что ж, по собственной воле Конан едва ли согласился бы работать на пару с этим проходимцем, но сейчас его просит друг — а это совсем иное дело!

— Сделаю, что смогу, — коротко отозвался он, и этого было достаточно. Грациан уже не раз имел случай убедиться, что слово северянина крепче стали.

* * *

Месьор ничего не рассказал Конану о планах Гарбо, предпочитая, чтобы тот сам поведал о своих затруднениях, и когда Меттерианор, верный слуга Грациана, наконец доложил о приходе гостя, северянин как раз задал интересовавший его вопрос:

— Кто еще будет в деле? Из тех, кого я знаю...

— Ты имеешь в виду моих кровников? — Так именовалась личная стража Месьора. — Или Палому?

— И тех, и других. — Среди кровников у Конана за те полгода, что он жил в Коршене, появилось немало добрых друзей, и он был бы рад, если бы кто-то из них прикрывал ему спину — на Гарбо он положиться явно не мог.

Но Месьор лишь покачал головой.

— Дело это достаточно деликатное, а мои парни слишком хорошо известны в городе, я не могу подставляться в открытую. К тому же, тут потребуется деликатность и ловкость особого рода, которой... не учат простых стражников. А тебе опыта не занимать.

— Так бы сразу и говорил. — Конан хмыкнул. Собственно, они с Грацианом и познакомились, когда киммериец промышлял воровством в Заморе, так что ничего удивительного, что коршенец сейчас вспомнил об «особых талантах» своего приятеля. — А Палом?

— Н-нет. — Удивительное дело, но Месьор, похоже, смутился. — Я не хотел бы ее впутывать в эту историю.

Конан лишь приподнял брови, ничего не сказав, но Грациан верно истолковал его недоумение — и разразился смехом.

— Нет, приятель, дело отнюдь не в том, что я хочу уберечь эту сорвиголову от неприятностей — она их в любом случае отыщет себе выше

крыши. Но, возможно, нам понадобится помощь одной особы... а мне очень не хотелось бы, чтобы они с Паломой встретились. По крайней мере, сейчас.

Чего Конан всю жизнь не выносил, так это излишней таинственности — особенно, когда темнить принимались друзья. Но, с другой стороны, чужие секреты надо уважать. Не хочет Грациан говорить начистоту — дело его. А там посмотрим...

Шум в дверях отвлек мужчин, и оба обернулись на звук шагов.

— Опаздываешь, Гарбо,— поморщился Грациан. Тот, пожав плечами, молча прошел по комнате и уселся. Так же молча потянулся и налил себе вина. Со стороны, отметил Конан, все это отнюдь не походило на встречу любящих родителей. Почему же тогда Грациан так рвется помочь своему братцу?

Коршенинский «черный барон» тем временем поднял глаза, встретившись взглядом с киммерийцем. Тот и не подумал отвести взор. Несколько мгновений длилось молчаливое противостояние — наконец Гарбо ухмыльнулся.

— Рад, что ты на моей стороне, Конан. Таких, как ты, опасно иметь своими врагами.

— Вот-вот. И советую никогда не забывать об этом.

И все-таки то, что вор так открыто признал поражение, расположило к нему северянина. словно встретились на узкой лесной тропе два закланных врага — волк и лис... и разошлись без

драки, ибо каждый почувал в другом матерого, опасного зверя... Разошлись почти с уважением.

— Вот и славно,— подвел итог Грациан, от цепкого взгляда которого, разумеется, не укрылся этот безмолвный поединок.— Я так и знал, что вы поладите. А сейчас вам придется меня извинить, я вас покину. Гарбо все расскажет тебе, Конан. А мы поговорим завтра. Меттерианор! — Карлик-слуга тут же поспешил на зов, вместе со своим близнецом. Вдвоем они подняли кресло Месьора и поспешно вынесли его из комнаты.

Киммериец и коршенец остались одни.

* * *

Дело, которое предлагал северянину Гарбо, оказалось несложным — но теперь становилось понятно, почему и впрямь без помощи Конана тут было не обойтись.

Если говорить напрямик, то «черного барона» давно уже тяготило его место в иерархии городского «дна». Он был третьим — а хотел подняться выше. Однако на пути стоял другой хищник, столь же опасный, закаленный в боях и — до сих пор казалось — неодолимый.

— Чтобы убрать Тусцеллу, я чего только не замышлял,— без обиняков делился своими проблемами Гарбо.— Но проблема ведь еще в том, чтобы никто из «баронов» не заподозрил, что к устранению Стервятника я приложил руку. Иначе — порвут в клочья. Закон..

Так, в последний раз он даже намеренно угодил в городскую темницу за какую-то мелкую провинность, чтобы доказать свою непричастность к налету на Тусцеллу — а тем временем его люди должны были разделаться с проклятым врагом. К несчастью, затея окончилась крахом, Стервятнику удалось спастись...

— Я только чудом сумел отбрехаться на общей сходке, когда начали выпытывать, как, да что... — Гарбо с тоской выругался, вспоминая, как провалился его до мелочей продуманный план. — А потом я узнал, что все это вышло неспроста. Тусцеллу выручило колдовство!

— Вот как? — Чародейства Конан не терпел ни в каком виде, и весть о том, что вновь придется иметь дело с этой грязью, отнюдь не наполнила его радостью. — И что же там такое?

— Один маг из Косалы продал Тусцелле статуэтку какого-то их божка, — пояснил Гарбо. — Пустяковая на вид фигурка, глиняная, грошовая — но с большой силой. По слухам, она может предупреждать хозяина об опасности. Не знаю уж как именно — синим пламенем вспыхивает, или ослиным голосом ревет, но только Тусцелла без нее никуда. Каждый вечер непременно на нее любитесь, чтобы знать, нет ли какой угрозы. И если что-то неладно — тут же охрану утраивает, мечи наголо... ну, в общем, сам понимаешь. Кроме того, он теперь вообще никогда из дома не выходит. Окопался, как в крепости, целой армии не хватит!

Конан с сомнением покачал головой.

— Так, как ты это описываешь, я что-то не представляю, что можно придумать...

Ответом был злорадный смех Гарбо.

— Зато я представляю... Нужно лишь чтобы, как говорится, правая рука не знала, что делает левая. Кто-то один должен украсть статуэтку. Другой — выманить Стервятника из гнезда. Ну, а третий — прикончить ублюдка.

— Только и всего? — в голосе киммерийца явственно слышалась ирония. Но коршенец не обиделся.

— Я не говорю, что это будет просто. Однако — нет ничего невыполнимого, если взяться за дело с умом. Грациан поможет мне с приманкой для Тусцеллы. У него есть кое-кто на примете. Она... этот человек отлично справится — и главное, ни сном, ни духом не ведая о том, ради чего все затевается. Так что божок этот, будь он хоть трижды волшебный, никакой угрозы почуять не сможет. А тут уже в дело вступишь ты. Выкрадешь статуэтку. После чего...

— Останется хорошенько поработать мечами? — Конан хищно усмехнулся. Перспектива доброй драки, как всегда, наполняла душу пьянящим возбуждением. — Что ж, я готов!

Но Гарбо неожиданно воспротивился:

— Нет. Браться за оружие тебе нельзя ни в коем случае, даже не помышляй об этом! Пока ты думаешь только о краже глиняной куклы, ты не представляешь опасности лично для Тусцеллы. Понимаешь? Приманка тоже не угроза, поскольку ни о чем не подозревает. И проклятый

божок будет нем, как рыба! Стервятник не заподозрит неладного — до тех пор, пока не подоспеют мои молодцы. Вот такой вот план. Что ты об этом думаешь?

Конан пожал могучими плечами.

На его взгляд, в любом плане всегда имелись изъяны — и проявлялись они, как правило, в самый неподходящий момент. Но, с другой стороны... почему бы и не рискнуть? Конечно, если вознаграждение будет достойным.

Этот вопрос Гарбо, разумеется, предвидел. Сотня золотых переключалась в карман северянина немедленно. Еще пятьсот он должен был получить, когда принесет статуэтку.

— Но Тусцелла ведь насторожится, когда обнаружит пропажу.

— Не успеет, — хмыкнул коршенец. — Все предусмотрено. Вот только не взыщи — тебе я не могу ничего рассказать. Иначе, сам понимаешь, все пойдет прахом...

Эта часть плана нравилась Конану меньше всего — однако он уже дал согласие. Отступать было поздно.

Что ж, попробуем сыграть вслепую, решил северянин. Но даже с завязанными глазами он никому не даст себя одурачить!

* * *

Вечером следующего дня Гарбо вновь появился в покоях Месьора — и опять опоздал против назначенного часа.

— К тебе не так легко попасть незамеченным, — вместо извинений бросил он Грациану, который, в ожидании гостя, успел прикончить почти целый кувшин вина, — впрочем, никаких признаков опьянения не выказывая. — Ты же не хочешь, чтобы по городу пошли слухи о том, что мы опять что-то замышляем...

Месьор недобро усмехнулся в ответ. Глаза под набрякшими веками блеснули — но тут же вновь погасли, взор сделался привычно усталым и тусклым. И все же, доведись сейчас увидеть своего приятеля Конану — или Паломе — они были бы порядком удивлены, ибо человек, встретивший в своих покоях Гарбо, мало чем напоминал того Грациана, которого знали они. Зато любовью коршенец старше сорока без колебаний заявил бы, что зрит перед собою тень графа Маргелия. Того самого... убитого наемником Лаварро три десятка лет назад. Хищно кривился рот, на лице застыло выражение настороженной угрозы, во всем облике калеки чувствовалась несомненная опасность. Даже Гарбо, крепкий, здоровый мужчина, как будто осторожничал, то и дело косясь на двоюродного брата.

— Так что, она... согласилась? — наконец решился он.

Грациан кивнул.

— Мне это стоило немалого труда: ты же знаешь, она вот уже десять лет как не показываетсь на люди, а уж принять участие в такой авантюре... Но ты все же сын Паллия. Она не могла отказаться.

— Особенно зная, как ты умеешь убеждать...— Гарбо попытался засмеяться, но получилось скверно. Он явно нервничал — и с каждым мгновением все сильнее.

— Не понимаю, о чем ты.— Месьор отозвался нарочито сухо, однако в уголках губ затаилась усмешка.— Скажи лучше, удалось ли тебе договориться с Конаном?

— Разумеется. Уж не знаю, что сыграло свою роль — золото, или то, что это ты попросил его помочь... но он согласился. И не задавал никаких вопросов. По-моему, он ни о чем не догадывается.

Сидевший в кресле калека поморщился.

— На твоём месте, я бы не слишком на это рассчитывал. У нашего варвара, несмотря на медвежью внешность,— острый ум, чутье и недюжинная смекалка. К тому же, он не терпит обмана. Так что если он раскроет твою невинную хитрость... смотри, я тебя предупреждал.

Предупреждение это, однако, не было воспринято всерьёз. Гарбо лишь небрежно повел плечами.

— Он ничего не заподозрит. Да и потом — Конан меня сейчас заботит меньше всего. Пусть пока пошатается вокруг дома Тусцеллы, обследует все и как следует подготовится. Если мы успеем вовремя — уже послезавтра ему предстоит идти на дело.

— Да, с этим лучше не тянуть,— согласился Грациан.— Чем дольше мы собираемся, тем сильнее вероятность, что кто-то узнает о наших

планах, или что-то пойдет наперекосяк. Я просто хотел еще раз предупредить тебя — не подставляй северянина больше, чем мы условились. Он все-таки мой друг...

И вновь предупреждение пропало втуне. Напротив, слова Месьора как будто даже позабавили его собеседника.

— О, да. Ты — и твои представления о дружбе! Боюсь, они так сильно расходятся с общепринятыми, что...

— Помолчи! — Грациан оборвал Гарбо так резко, что тот даже поперхнулся от неожиданности. Сейчас в голосе калеки звучала небывалая властность и сила.

— Мальчик мой, тебя ли я слышу?! — раздался внезапно голос в дверях.— Клянусь небом, на миг мне показалось даже, что это сам...

Женщина не договорила. Гарбо, вскочив с места, бросился ей навстречу. Почтительно опустился на колени. Прижался губами к ее запястью. Даже Месьор дернулся в своем кресле, точно забыв на миг о своем увечье — но тут же неловко осел, выругавшись сквозь зубы.

Впрочем, он мгновенно овладел собой.

— Матушка!

— Да, милый, это я. У меня появилась неожиданная возможность ускользнуть — и я поспешила воспользоваться ею. Прости, что не смогла тебя предупредить...

С этими словами женщина прошла в комнату, на миг задержалась перед креслом Грациана, взирая на него сверху вниз со странной смесью

жалости, любви и страха, потом быстро наклонилась, поцеловав его в лоб — и поспешила отойти, как будто опасаясь задержаться рядом слишком надолго.

Гарбо усадил ее в свое кресло, сам подвинул себе другое... и какое-то время все трое молчали, глядя друг на друга — а потом заговорили все разом:

— Ты совсем не изменился, Гарбо...

— Рад видеть тебя в добром здравии, матушка...

— Как хорошо, что вы смогли прийти, графиня...

И все трое засмеялись. Неловкость понемногу таяла, словно льдинка под солнцем.

Графиня, в свои без малого пятьдесят лет была все еще хороша собой. Высокая, сохранившая почти девическую стройность фигуры, она держалась очень прямо и несла себя с достоинством королевы. Темные волосы, в которых едва проглядывала седина, были убраны под капюшон плаща. Морщин на лице почти не было заметно — только горестные складочки в уголках губ, да паутинка вокруг черных, молодо блестящих глаз.

— Город так изменился, — произнесла она вдруг задумчиво, ни к кому не обращаясь. Десять лет я не ступала на улицу... это так странно. Хотя дорогу сюда, в наш старый дворец, я нашла бы и вслепую!

— Город изменился? — переспросил Грациан.

— О, да. Стало чище. Богаче. Люди... какие-то другие. Все же Лаварро не такой уж плохой правитель...

Гарбо округлил глаза.

— Вы оправдываете его, графиня? После всего, что он сделал?!

Та пожала плечами. Вместо матери ответил Месьор.

— Надо разделять самого человека — его натуру, устремления... и отдельные поступки. Деяния могут нести зло другим людям, однако...

— О, только не надо мне этих митрианских проповедей! — Гарбо был все себя от возмущения. — Я оцениваю людей лишь по тому, что они сделали мне лично. Этого достаточно!

Грациан засмеялся.

— Смотри, не забудь об этом, когда наш друг-северянин раскусит твою игру!

— Если раскусит... И довольно об этом! Ты просто помешался на своем киммерийце, а это никогда для тебя добром не кончается. Вспомни хоть, в прошлый раз, с этим немедийским щенком...

— Гарбо. — В голосе Месьора слышался свист бича. Шипение змеи. Глаза на закаменевшем лице смотрели с такой ненавистью, что Гарбо, даже оторопел, испугавшись, что на сей раз в своей дерзости зашел слишком далеко. — Ты — больше — никогда — не будешь — поминать...

— Мальчики. Мальчики, — властно вмешалась графиня. — Подрались вы все равно не сможете, а осыпая друг друга оскорблениями — пустая

трага времени и сил. К тому же, мне скоро нужно возвращаться, пока меня не хватились, а мы еще ни о чем не договорились...

Медленно, неохотно Грациан опустил голову. Стиснутые челюсти понемногу разжались. Гарбо шепотом пробормотал какие-то извинения... Когда же Месьор вновь посмотрел на графиню — его было не узнать. На лице играла приветливая улыбка, глаза смотрели почти весело.

— Прощу простить, матушка, что тебе пришлось стать свидетелем этой сцены. Я что-то совсем одичал в последнее время... Но нам, и правда, пора поговорить о делах. Гарбо. Поведай графине, чего ты хочешь от нее.

— О, да,— оживилась женщина.— Грациан сказал мне только, что я должна сыграть какую-то роль, чтобы выручить тебя из беды. Я не уверена, что смогу... все-таки уже столько лет я ни с кем, кроме слуг, не общаюсь... но мой долг — помочь сыну Паллия. Я сделаю все, что в моих силах.

— Графиня! — Гарбо рассыпался в благодарностях.— В нашем плане нет ничего сложного — однако кроме вас никто не сумеет справиться с этой ролью. Вы должны будете изобразить знатную аквилонку, которая оказалась в Коршене проездом. И здесь у нее внезапно случились денежные затруднения. Поэтому она хочет продать кое-что из своих украшений. Самоцветы и жемчуг. Но поскольку в городе она не знает никого, то вынуждена обратиться за советом к хозяину постоянного двора.

— О, так мне придется жить там?

— Два или три дня, не более, матушка. Ты сможешь на это время сказатьсся больной во дворце?

Женщина пренебрежительно усмехнулась.

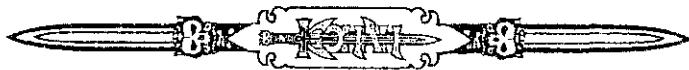
— Лучше на меня нападет очередной приступ набожности. Я запрусь у себя, дабы молиться Митре за грехи своего рода. Они уже знают, что в такие дни меня лучше не беспокоить!..— По губам ее скользнула лукавая улыбка, и на миг эта величественная женщина сделалась похожа на ту шкодливую девчонку, какой была когда-то...

— Вот и отлично. За наши грехи стоит помолиться,— серьезно кивнул Грациан.— Что касается хозяина «Золотого быка» — то он не преминет доложить кому следует. И можешь быть уверена, что покупатель появится очень скоро.

— Если вам самой предложат отправиться куда-то на встречу — отказывайтесь наотрез,— добавил Гарбо.— Тусцелла должен прийти к вам сам. Настаивайте на этом.

— А если он пришлет кого-то из подручных? — Графиня, похоже, уже вовсю включилась в игру, и это неожиданное приключение искренне забавляло ее. Еще бы — после стольких лет затворничества!

— Несомненно, сперва он именно так и сделает. Но ты покажешь его человеку камни такой изумительной красоты, что Тусцелла обязательно пожелает взглянуть на них сам, прежде чем покупать. Он помешан на драгоценностях!

— Верно ли я поняла...— Графиня устремила пронизательный взор на сына,— что ты имеешь в виду ожерелье, оставшееся мне от отца? — В голосе ее звучал неподдельный ужас. Но Грациана это, похоже, ничуть не смутило.

— Это всего лишь камни, мама. Стеклашки — пусть они и стоят целое состояние. Но разве они купили тебе счастье? Разве они стоят нескольких минут веселья? Полнокровной жизни?

Графиня рассмеялась.

— О, да. Ты прав, сын своего отца! Ты прав. И я сделаю это! Но...— вновь засомневалась она,— А не попытается ли этот ваш Тусцелла попросту украсть ожерелье? Подошлет своих разбойников, и...— она сделала выразительный жест рукой у горла.— Видите, мальчики, даже до несчастной затворницы дошла репутация этого злодея — а ведь он истинный негодяй, и ни перед чем не остановится!

Грациан кивнул. Он не собирался обманывать мать, преуменьшая опасность: слишком высоко ценил ее, чтобы опускаться до утешительной лжи.

— Скорее всего, он именно так бы и поступил — если бы ему дали время. Но сперва ему придется все же выбраться из своей норы, чтобы полюбоваться на твои сокровища. Он же должен решить, стоит ли игра свеч! А нам этого будет достаточно. Ты же, как только встретишься с ним,— немедленно возвращайся во дворец. Не смей рисковать собой!

Несожиданно графиня засмеялась.

— Что такое, матушка?

— Да вот я подумала, какая все же это удача для вас, что меня столько лет не видели в городе, что все давным-давно забыли, как я выгляжу. И что бы вы делали в другом случае?!

Вместо ответа Гарбо, поднявшись с места, вновь припал к руке графини.

— Моя госпожа, если бы не вы, нас всех бы не было здесь сейчас...

Грациан с усмешкой прикрыл веки.

— И самое забавное, что это не лесть, а чистая правда. Матушка, я преклоняюсь перед тобой!

...Когда графиня ушла, Гарбо обратился к двоюродному брату:

— Послушай, прости, если я дерзок и лезу не в свое дело, однако я все же член семьи... затворничество графини давно сделалось притчей во языцех, говорят, она уже десять лет не отпирает двери своих покоев ни мужу, ни даже детям... отчего это так? И почему она все же согласилась пуститься с нами в эту авантюру? Я до сих пор не могу поверить...

Но если он и рассчитывал на откровенность, то был разочарован. Лицо Грациана вновь обратилось в каменную маску, и после недолгих раздумий он ответил лишь одно:

— Мне неизвестно, что движет матерью, и почему она делает то, что делает. Через пару сельмиц она может не пустить на порог и меня самого — собственно, такое случалось уже не раз,— не говоря уже о тебе. Лаварро что-то знает

об этом — спроси его, если посмеешь. Что касается моих сводных сестер и братьев, они считают ее сумасшедшей. Решай сам

— Но ты? Ты-то что думаешь об этом?

— Я? — Грациан недоуменно передернул плечами, словно ему докучали вопросом, ответ на который был самоочевиден. — О, разумеется, она безумна. Но пусть это тебя не смущает. Разве не таковы же и все мы?!

* * *

Следующий день выдался хлопотным для Конана-киммерийца, однако он не сетовал на усталость, а, напротив, словно даже воспрянул духом после утомительной и бесплодной поездки в Немедию: сейчас он словно вернулся на пять лет назад, когда был удачливым и беспыльным пидизарским вором, не признающим иных законов, кроме собственных прихотей, превыше всего ценящим отчаянную удачу и капризную удачу. Казалось бы, не так уж много времени прошло с той поры, но Конан здорово изменился. О, он все так же готов был пуститься в самые рискованные авантюры, соблазненный призраком богатства, или даже из чистого молодечества, не слишком заботясь о выгоде; он по-прежнему любил жарких красоток, и те платили ненасытному варвару взаимностью; его кутежи и загулы все так же делались легендой, где бы ни оказался этот достойный сын Крома... однако годы и дороги добавили шальному бродяге мудрости и

рассудительности, научили не лезть на рожон и не подставлять попусту под удар свою буйную головушку.

Вот почему, сговорившись о деле с Гарбо, Конан не бросился тут же искать себе подельщиков, с кем взять штурмом убежище Тусцеллы, и не затаился в ожидании ночи, чтобы тайком пробраться в дом и похитить статуэтку... Нет, он решил сперва отправиться туда просто так, на прогулку, чтобы при свете дня без помех определить, с чем имеет дело — а там уже определить наилучший план действий.

Оказалось, не зря.

Когда Гарбо говорил, что Стервятник превратил свое убежище в крепость, киммериец пропустил его слова мимо ушей. Не раз и не два доводилось ему уже слышать подобные речи, но на проверку всегда оказывалось, что произносил их человек, совершенно несведущий в том, какое множество разнообразнейших способов существует, чтобы достичь цели. Зато Конан все эти способы знал отлично! Что всякий раз и демонстрировал изумленным компаньонам.

Однако на сей раз готов был спасовать и он. Потолкавшись по округе битый день, он не сумел отыскать ни единой лазейки и теперь вполне понимал, почему Гарбо сам не взялся за дело, а пришел к нему на поклон.

Тусцелла построил свое жилище в небогатом торговом районе, носившем странное название Поясок. С этим была связана какая-то древняя городская легенда — но даже из местных жите-

лей мало кто сумел бы припомнить ее с точностью. Однако название зацепилось... Улочки Пояска были узкие — едва-едва двум повозкам разминуться, — грязные и многолюдные. Народ толпился на рыночной площади, заманивали покупателей зазывалы в окрестных лавках... Но мало кто тратил деньги — больше шаялись, да глазели, шупали товар, да приговаривали возмущенно: «Эко цены-то ломят, собаки!..»

Конану это было на руку: лишний человек, даже такой приметной внешности, как у него, в такой толчее не слишком намозолит глаза соглядатаям... а в том, что их тут полно, сомневаться не приходилось. Тусцелла ведь был не просто бандитом, а главарем коршенских низов! Черным бароном... А это персона куда значительнее, в каком-то смысле, чем даже барон настоящий!

Итак, особняк Тусцеллы высился среди этих небогатых домишек, лавчонок, торговых палаток, словно настоящий княжеский дворец. Выделялся не высотой — ибо было в нем всего три этажа, не более, чем в окрестных строениях, — и даже не богатством... разве что стоял на земле прочнее и основательнее соседских развалюх, которые, казалось, ветер дунет — и улетят... Но, окруженный высоким, в полтора человеческих роста, каменным забором, дом этот взирал на мир столь свирепо, так угрюмо смотрели с его серой физиономии крохотные черные окошки-бойницы, что всякий прохожий невольно ежился, торопясь ускорить шаг, дабы быстрее мино-

вать неприятное место — и еще долго не оставляло его впечатление, будто кто-то недобрым, очень недобрым взглядом пялится ему в спину.

Конан, разумеется, был не из пугливых, и, незаметно, но цепко обозрев жилище Стервятника, отметил про себя лишь то, что пробраться туда будет весьма непросто.

По счастью, на улице Кинжальщиков, куда выходили главные ворота дома, ютилось немало оружейных лавок, и заходя то в одну, то в другую, ожидая, пока ему поправят снаряжение или наострят меч, киммериец без помех смог довольно долго наблюдать за особняком. Увиденное ему совершенно не понравилось.

Гостей было мало — разве что к вечеру явились один за другим человек пять или шесть — скорее всего, принесли дань главарю младшие подельщики; всех их ждал один и тот же суровый прием. Двое стражников выходили на улицу, причем ворота за ними тщательно запирались изнутри; новоприбывших тщательно обыскивали, оружие свое они оставляли в особой корзине в караулке — и лишь после этого, в сопровождении двух других охранников их препровождали к дому. Причем таков был ритуал не только для посторонних, но даже и для близких приятелей и постоянных гостей: подслушанные обрывки разговоров убедили в этом киммерийца.

Сколько охраны могло быть в особняке? Наверняка сказать невозможно, но если Конан хоть что-то смыслил в своем деле, то — не меньше

человек тридцати — тридцати пяти. Это он смог определить, когда торговцы подвезли в середине дня продукты и вино. Их, кстати, тоже не пустили даже во двор — слуги разгрузили повозки прямо перед воротами, расплатились, а уж затем сами втащили все в дом.

Наблюдая за всем этим, Конан хмурился все сильнее, но вера его в собственные силы, ловкость и удачу была так велика, что он и на мгновение не допускал мысли о том, что не сумеет исполнить задуманное. Должен, непременно должен сыскаться способ проникнуть внутрь!

Не желая больше мелькать на улице Кинжалщиков, он неспешно обошел квартал кругом, по соседним улочкам, чтобы посмотреть, куда выходит особняк Тусцеллы другими своими сторонами.

...Большей частью там положение представлялось совершенно удручающим. За глухой стеной — ни ворот, ни калитки! — то и дело слышались голоса охранников, — да и не станешь же карабкаться вверх на глазах у всей улицы! И лишь одно место показалось сулящим некоторые возможности.

Здесь, как видно, прежде стояли какие-то лачуги, примыкавшие почти к дому Тусцеллы, но совсем недавно их снесли: площадь была сплошь в обломках и строительном мусоре. Должно быть, столь явное соседство нищеты оскорбляло «черного барона». Если повезет, и ночь будет безлуная, то можно попытаться вскарабкаться здесь на проклятую стену!

...Наступления темноты Конан дождался в уютной таверне, подальше от Пояска, ибо совершенно справедливо подозревал, что в том квартале обо всех подозрительных чужаках Тусцелле становится известно в тот же день, а он и без того немало рисковал, шатаясь там с утра и до сумерек.

В меру подкрепившись вином и отменным жарким и прихватив с собой темного хлеба и сыра — кто знает, сколько еще придется караулить! — киммериец вернулся к особняку.

Луна не подвела: ибо давно известно, что она — верная возлюбленная Бела, бога воров, и потому особо благоволит к его служителям. Стыдливо прячась за тучами, она даровала киммерийцу спасительную тьму.

Двигаясь почти на ощупь, северянин без особого труда отыскал намеченное место.

Для человека непривычного вскарабкаться на эту стену могло бы показаться делом безнадежным: гладкая, точно мраморная, она не предлагала ни малейшей зацепки. Но варвару, сызмальства привыкшему лазать по скалам, взобраться вверх было не так уж сложно — тем более, для этого у него имелись особые приспособления для сапог и для рук, изготовленные в строжайшей тайне одним офирским искусником.

На стене, правда, Конана поджидал неприятный сюрприз — заточенные лезвия, торчащие из камня, словно гребень какого-то злобного дракона... но киммериец был готов к чему-то похожему, а потому лишь едва оцарапал ладонь, умело

примостившись среди вострающихся ножей. Он уже собирался спрыгнуть вниз...

Глухое рычание предупредило его.

Напрягая глаза в крошечной тьме, киммериец с трудом разглядел три неслышно скользящие тени. Мастафы!

Проклятье!

Не питая особых надежд на успех, северянин достал из кармана кусок сыра и бросил вниз. Одна из собак подошла ближе, понюхала — но, как он и опасался, даже не прикоснулась к еде. Этих тварей тренировали особым образом для защиты жилища и хозяина, такой глупой ошибки, как принять пищу у незнакомца, они не допустят никогда!

А собаки, тем временем, всерьез заинтересовались незванным гостем. Медленно сужая круг, три твари с горящими глазами подступали все ближе к стене, где затаился киммериец. Тот пытался слиться с камнем, не дышать и не шевелиться — но ветер донес его запах до проклятых убийц.

Сперва одна псина, затем и остальные подняли морды и угрожающе зарычали. Если он не уберется немедленно — они примутся лаять. На шум сбежится стража... и пусть быстрогого северянина им не догнать, но охранники встревожатся, Тусцелла будет настороже — а этого допускать нельзя! Лучше было по-быстрому ретироваться...

Однако уже в последний миг, подняв голову, Конан обнаружил в окнах особняка нечто, заста-

вившее его пренебречь опасностью и задержаться на несколько лишних мгновений. Прикованный к открывшемуся зрелищу, он даже позабыл о ворчащих под стеной мастафах...

Прямо напротив него оказались окна спальни самого Тусцеллы. И хотя окошки были крохотные — в них не протиснулся бы и ребенок, — да еще забранные плотным свищовым переплетом, но киммериец ясно разглядел самого хозяина особняка.

Тощий, как жердь, с длинными рыжими волосами, заплетенными сзади в косу, Тусцелла сидел на краю огромной кровати, держа в руках странную уродливую статуэтку. Глиняную, насколько мог разглядеть острый взор северянина, размером где-то в три ладони.

Стервятник то крутил ее в руках, то встряхивал и подносил к уху, то поглаживал... при этом губы его шевелились, словно Тусцелла разговаривал с кем-то — хотя в комнате, кроме него, не было ни души. Судя по его довольному, почти блаженному лицу, косальский божок не обещал своему господину никаких опасностей в обозримом будущем...

У изголовья постели стоял большой окованный железом сундук с приоткрытой крышкой. Не было сомнений, что свое сокровище Тусцелла держал именно там.

Неслышно спрыгнув со стены, Конан вознес молчаливую хвалу Беду. Насколько то было в его силах, бог воров нынче все же сумел помочь своему верному слуге!

* * *

Обидно было бы завершить этот день так просто — завалившись спать. Спустившись по улице Кинжалычиков к рыночной площади, Конан обнаружил там сияющую всеми огнями таверну — судя по гомону голосов, доносившемуся изнутри, это было веселое местечко, как раз то, что и требовалось сейчас киммерийцу. Распахнув скрипящую дверь, он шагнул внутрь.

Питейное заведение ничем не отличалось от тысяч других: две улыбчивые девицы сноровисто разносили кувшины с вином, за сдвинутыми столами в центре гуляла шумная компания торговцев, справа нестройно орали разухабистую песенку трое наемников, за столом у левой стены шла оживленная игра в кости... Оглядевшись с порога, северянин решил пока присесть в одиночестве — а там, глядишь, и компания появится, и можно будет неплохо закончить вечер, хоть за игрой, хоть с добрыми собутыльниками, хоть со сговорчивой девицей... но внезапно переменил свои планы, заведя знакомое лицо.

Уверенным шагом он подошел к столу слева от пышущего жаром очага, где сидел одинокий гость; не спрашивая разрешения, уселся напротив, затем махнул хозяину таверны рукой, чтобы тот принес вина. И лишь после этого повернулся, в упор уставившись на ту, кого совсем не ожидал здесь увидеть.

— Привет, Палома. Развлекаешься?

Наемница, по своему обыкновению, была в мужской одежде, снежно-белые волосы убранные под капюшон дорожного плаща, но если кого-то она и сумела бы обмануть таким маскарадом, то только не Конана. Ее глаза на миг распахнулись в удивлении, но тут же лицо приняло привычно отстраненное, чуть насмешливое выражение.

— А, и ты здесь?

— Только не говори, что ты тут случайно оказалась. Далековато все же от дворца Месьюра...

Чистая правда. Особняк Грациана стоял на другом берегу реки.

Палома развела руками. Тут как раз подоспела прислуга с вином, и Конан наполнил их бокалы. Молча оба выпили. Северянин не сводил с девушки тяжелого взгляда синих глаз, и та, видимо, поняла наконец, что отмолчаться не удастся.

— За мной один должок остался.— Она говорила очень тихо, так что в гомоне таверны Конану приходилось напрягать слух, чтобы расслышать.— Когда я попросила Гарбо мне помочь в том деле, с убийством Скавро,— он пожаловался, что у него есть враг, с которым ему никак не справиться. Я обещала отплатить услугой за услугу.

— Тусцелла?

— Верно. А ты откуда знаешь?

Конан уже открыл было рот, чтобы поведать всю историю... как вдруг осознал, в каком щекотливом положении оказался. Грациан говорил,

что не хочет вмешивать Палому в это дело,— по каким-то своим таинственным соображениям. Теперь же выходило, что киммериец предает его доверие.

Вот незадача! С другой стороны, и обманывать Палому он тоже не мог...

— Слухами земля полнится,— туманно ответил он.— Так значит, Гарбо тебя попросил помочь?

Наемница мотнула головой, при этом чуть не слетел с головы капюшон, и она быстрым сторожким взглядом окинула зал — не заметил ли кто. Но гуляки были слишком заняты, чтобы обращать внимание на переодетую в парня девицу.

— Нет, пока он ни о чем не просил. Но я не люблю быть в долгу — особенно перед такими, как Гарбо. Так что решила пока осторожноенько разнюхать что и как... на всякий случай.

Вот это уже интересно!

— И что разнюхала?

— Да так...— Палома поморщилась.— Скверный он тип, этот Стервятник. Начинал как обычный шулер. Играл по-крупному. Затем сделался наемным убийцей. Поднялся на этом, стал других нанимать, чтобы самому рук не марать. Убрал с дороги двоих прежних «черных баронов» — занял их место. Теперь ни он сам, ни его приближенные практически ни в каких темных делах не участвуют, но под рукой Тусцеллы почти весь Левый берег. У него здесь куплена стража, судьи... Все, кто хочет чем-то заниматься в этой

части города, от честных торговцев, до последних нищих, все несут ему дань.

— А Гарбо, стало быть, метит на его место?

— Похоже на то.

— Ну а какой тебе смысл помогать одному против другого?

Вместо ответа Палома осушила до дна свой бокал, затем налила еще вина.

— «Черные бароны» всегда были и будут. А перед Гарбо я в долгу. Поэтому вопросов кто хороший, а кто плохой я не задаю. Просто делаю то, что считаю своим долгом.

Такую логику киммериец мог понять. Хотя, зная Палому, мог бы поручиться, что за этим кроется и кое-что еще.

— Помнится, были разговоры, что Тусцелла как-то связан с Орденом Кречета? И будто Скавро перед смертью вел с ним какие-то переговоры?..

— И это тоже. Хотя, в общем-то, эта история меня уже не касается, но... Не люблю нерешенных загадок.

Жесткое лицо киммерийца озарилось довольной ухмылкой, он приветственно поднял свой кубок.

— За тебя, девочка. Кром свидетель, будь ты мужчиной, я бы сказал, что ты — лучший брат по оружию, какого только можно пожелать!

Наемница оскалилась в ответ.

— А девица, стало быть, недостойна такой чести? По-прежнему считаешь, будто женщины годятся лишь на то, чтобы согревать постель на-

стоящему воину, да варить ему похлебку? И перевязывать раны, когда он явится домой после Настоящих Мужских Дел?!

По всему видно, такое отношение ранило ее. Конан, протянув могучую длань, потрепал ее по плечу, при этом хрупкая фигурка почти пригнулась к столу.

— Не обижайся, и дело не в этом. Просто женщины... Видишь ли, мой опыт показывает, что даже когда они говорят о долге, о чести... все равно у них свои соображения идут вперед, они как-то по-своему понимают все эти вещи. Не так, как мы, мужчины. Это не в укор... Но не родилась еще та женщина, которой я готов был бы довериться без оглядки. Такими уж, видно, вас создали боги...

На несколько мгновений Палома задумалась, сдвинула брови — затем покачала головой.

— Сколько мы знакомы с тобой, северянин, столько ты не устаешь меня поражать. Скажу одно — горе тем, кто вздумает недооценивать тебя! Ты не только силой и отвагой превосходишь всех, кого я знаю, но и... Не мудростью, пожалуй, нет, но — у тебя особый взгляд на вещи. Ты смотришь как будто в самую суть, минуя всякое притворство, все наносное, что обычно отвлекает взор. Честно говоря, порой это даже пугает...

Ее слова смутили Конана. Нечасто доводилось слышать подобное — тем паче от женщины.

— Ну, тебе-то со мной нечего бояться!

— Да, и ты не раз это доказывал, хотя мы и знакомы-то всего ничего. Так может, сыграешь на моей стороне и в эту игру?

— Что ты задумала?

— Видишь ли, насколько я могла узнать, познакомиться к этому Тусцелле очень непросто. Живет он взаперти, из дома никогда не выходит — боится. Окружил себя целой армией...

Конан едва сдержался, чтобы не сказать, что уже знает все это, но решил смолчать. Если он поможет Паломе, то убьет разом двух зайцев: и за этой сорвиголовой присмотрит, чтобы не натворила чего, и поручение Грациана исполнит. Тем более, что у этой хитрой лисы, похоже, имеется какой-то план.

— Что ты задумала?

— Очень просто. Силой вломиться к Тусцелле не получится — значит, пойдем на хитрость. Я хотела притвориться, будто только приехала в город. Гадалка, допустим, или там, пищенка... придумаю. И пришла к нему на поклон, чтобы разрешил работать в его квартале. Это нормально, такой установленный порядок. Здешний хозяин, в этой таверне, замолвит стражникам слово, чтобы меня допустили к Стервятнику, — мы с ним уже сталкивались. Но, если честно... я побаивалась.

Еще бы! Девине, одной, сунуться в это змеиное гнездо! Дань-то с нее, конечно, возьмут — только не деньгами... да еще хорошо, если, вообще, живой выпустят.

— А другого способа нет?

Вместо ответа наемница выразительно повела плечами. Да, и в самом деле, а что еще придумать? К тому же, определенный смысл в этом безумном плане имелся: когда женщина приходит вдвоем с мужчиной, на нее уже смотрят совсем иначе. Тем более, если в роли защитника — такой исполин, как киммериец.

А для него это и вовсе единственный шанс!

— Ладно,— пробурчал он наконец.— Сам не пойму, как ты меня втянула в это, но... Когда ты думаешь все это проверить?

— Завтра, к вечеру. Тавернщику два золотых заплатим за услугу — чтобы предупредил о нас Тусцеллу. Вот так-то...— Она на мгновение задумалась.— Вот только кем бы нам назваться...

На это у Конана уже был готов ответ.

— У тебя волосы белые, как у гиперборейцев. Так что будешь Сьохиль, шаманка, гадалка. То же, кстати, защита неплохая — может, побоятся тронуть колдунью. А я — твой муж, Сигерд. Охраняю тебя, стало быть...— При этом северянин напустил на себя такое туповато-воинственное выражение, что Палома невольно покатилась со смеху.

— Ладно, пойдет. Значит, Сьохиль и Сигерд.

На том и порешили...

И хотя киммерийца не оставляло странное гнетущее чувство, будто они упустили что-то очень важное — он никак не мог облечь это ощущение в слова, а потому не стал ничего и говорить.

Что толку тревожиться понацарасну?!

* * *

Назавтра в полдень, воспользовавшись отсутствием Паломы, которая отправилась за экипировкой для их вечернего маскарада, Конан передал через Меттерианора, что хотел бы повидаться с Грацианом. Вскоре карлик уже вводил киммерийца в покои Месьора.

Здесь, как всегда, царил полумрак и горел камин — калека в последнее время все чаще жаловался, что страдает от резкого солнечного света и зябнет даже в самую сильную жару.

Выглядит он, и впрямь, не лучшим образом, отметил про себя Конан, вглядываясь, словно впервые, в лицо своего давнего приятеля. Лицо бледное, аж серое, одутловатое, глаза утомленные, покрасневшие, словно от бессонницы. Вокруг губ залегла глубокая складка... Сейчас Месьору никто не дал бы его возраста — а ведь он был всего лет на шесть или семь старше киммерийца; скорее, он походил на человека, чья жизнь безвозвратно миновала свой зенит и клонится к закату.

— Я нащупал кое-какие подходы к Тусцелле,— без предисловий начал Конан, усаживаясь напротив Грациана.— Сегодня хотел бы попробовать к нему подобраться.

Он ожидал вопросов, готовился ответить так, чтобы не раскрыть участие в деле Паломы — но это не понадобилось. Месьор смотрел сквозь киммерийца, без всякого интереса выслушав его слова. Помолчал. Затем небрежно махнул рукой,

мол, ну и ладно, пустое... Конан даже разозлился — с какой стати, собственно?! Он тут себе кишки рвет, каштаны из огня таскает, причем не для себя, а по просьбе самого же Грациана... а тот глядит с такой скукой, что и не передать... Однако сдержался. Все же привык щадить увечного друга.

Месьор все же соизволил подать голос. Глухо, точно через силу, заговорил:

— У нас тоже все готово. Она... приманка... сегодня будет на месте. Если все пойдет по плану, Тусцелла будет у нее уже завтра. Самое позднее — послезавтра. Я скажу тебе точно, когда надо будет выкрасть статуэтку. Без команды не начинай. Лучше вообще ничего не сделать, чем спугнуть Стервятника до времени. Приманку нельзя ставить под угрозу!

— Ясно.— Конан кивнул. Хотя, по правде, ничего ему ясно не было. И вообще, в более беспорядочном, скверно организованном деле ему еще не доводилось участвовать. Подумав, он так напрямую и заявил Грациану.

— Можешь отказаться,— только и ответил тот, чем вызвал яростный гнев киммерийца.

Кром! Что за ерунда творится?! Что такое с Грацианом, в конце концов? Никогда он еще его таким не видел! Если бы не Палома, которая все равно полезет на рожон, он точно отказался бы, плюнул на все — и расхлебывайте вашу затею, как хотите! Но белобрысая наемница без него точно пропадет, а отговорить ее идти к Тусцелле

он не сможет. Так что, демон с ними, придется продолжать!

И вдруг, словно прочитав мысли киммерийца, Грациан спросил:

— Кстати, Палому ты давно не видел? Она, как вы вернулись из Бельверуса, здесь так и не появлялась...

Было видно, что вопрос этот стоил калеке определенных усилий. Впрочем, Конан уже давно отчаялся понять, что за отношения связывали этих двоих. Месьор при упоминании имени наемницы каменел лицом, или как-то не по-доброму кривился; Палома, вообще, объявила Грациана запретной темой для разговоров... Про себя северянин решил, что если бы хоть одна женщина осмелилась так трепать ему нервы, он бы — Кром свидетель! — придушил ее собственными руками.

Но пока следовало ответить на вопрос так, чтобы Месьор не заподозрил неладного. С деланным безразличием киммериец отозвался:

— Вчера столкнулись случайно в одном кабаке. Вина выпили. Что-нибудь передать ей, если увижу?

Грациан пожал плечами.

— Да нет, к чему? Сама найдет.

Тогда зачем спрашивал?

Неожиданно для себя, Конан решил, что уже порядком подзадержался в Коршене. Как-то скучновато здесь стало. И душно... Пожалуй, закончит эту историю с Тусцеллой, да и отправится

дальше бродяжить. Может, стоит на юг податься — давно он уже туда собирался!..

Они еще немного поболтали с Грацианом... так, ни о чем. О Немедии, о настроениях в Коршене, о тренировках для кровников, которые проводил киммериец. И все это время северянина не оставляло чувство, будто приятеля что-то гнетет, какая-то мысль или тревога, которой он никак не решается поделиться... Будучи человеком прямым, превыше всего не терпящим недомолвок и всяческих уверток, Конан наконец не выдержал:

— Слушай, парень, ты либо выложишь начистоту, в чем дело, либо давай мы попросимся! Когда я только приехал в Коршен — я помню, все по-другому было! Мне тогда, правда, казалось, что я тебе могу помочь... Что я здесь нужен. Но ты темнишь, скрываешь что-то... Мне это без надобности. Видит Кром! Если тебе наша дружба в тягость — я никому не навязывался, и впредь не собираюсь! По мне, так между друзьями может быть или полная честность и доверие — или пусть каждый идет своей дорогой! Вот так-то. А вытягивать из тебя клещами — ну уж, уволь!

Грациан побледнел, дернулся, точно от удара. Лицо исказилось, словно в душе его шла какая-то борьба, и Конан понял, что попал в точку. Коршенец что-то скрывал от него. Ему это было неприятно, мучительно — и все же он не был честен. Но теперь пришло время решительного испытания. Либо он будет вести себя, как

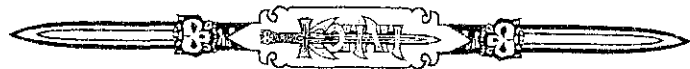
подобает мужчине, либо... их дружбе придет конец.

И, судя по всему, Грациан все для себя решил.

— Конан, ты помнишь, я говорил недавно, что не встречал человека, более достойного и верного слову, чем ты. Это не пустые слова. И в этом я уступаю тебе. Я недостойн нашей дружбы. Все, на что хватит моих понятий о достоинстве — это сказать тебе об этом напрямую. Обманывать тебя, использовать вслепую, пользуясь твоим благородством — это низко даже для меня. Но, видит Небо, как бы я ни хотел, я не в силах рассказать тебе всей правды. Я связан клятвой, которую дал одному человеку, долгом перед другим, и еще... одной давней-давней ложью, раскрыть которую не имею права никому в подлунном мире. Хочешь верь, хочешь нет, но это мучает меня. С тобой, как ни с кем другим, мне хотелось бы быть честным. И мне жаль, что это невозможно. Таков мой рок. Во имя того, что мне не дорого совершенно, я вынужден отказаться от истинного сокровища — нашей дружбы. И тем не менее, изменить что-либо я бессилен.

Коршенец опустил голову. Конан смотрел прямо на него, не отводя взгляда. И наконец проговорил:

— Власть портит людей. Ты хочешь что-то получить — но это невозможно без того, чтобы использовать тех, кто тебе предан. Впрочем, не знаю, как бы сам повел себя на твоём месте.

Хвала Крому, на своем месте я, по крайней мере, точно знаю, что должен делать. Я покончу с Тусцеллой — потом мы распрощаемся. Пусть каждый идет своей дорогой. Но учти. Отныне я не считаю, что чем-то обязан тебе. Я буду действовать так, как считаю нужным.

Грациан кивнул.

— Да, и будешь прав. Так лучше всего. Это скверный город. Он портит даже лучших из нас. Уезжай, пока эта трясина не затянула и тебя тоже — иначе я себе этого никогда не прощу!

Неожиданно киммериец засмеялся:

— Вот это верно! Одно могу сказать наверняка: у вас в Коршене я больше времени провел за пустой болтовней, чем за всю прошлую жизнь! Будь прокляты все эти ваши интриги! Мне не терпится оказаться на свежем воздухе и вволю помахать мечом. Честная сталь куда лучше живых языков!

Его собеседник чуть заметно усмехнулся.

— Я отдал бы все, что имею, чтобы последовать за тобой. — Он похлопал себя по мертвым ногам. — Но в жизни есть нечто сильнее нас самих. Да позволит Небо тебе никогда этого не испытать, киммериец!

* * *

В логово Тусцеллы им удалось попасть без особого труда — только двое стражников, с опаской косясь на здорового киммерийца, обы-

скали его в воротах, заставив выложить меч и оба кинжала в подставленную ивовую корзину.

Палому тоже попытались ощунать — скорее позабавиться, чем в поисках оружия, но она так свирепо зыркнула на них, прибавив при этом витиеватую фразу на загадочном диалекте, должном, видимо, изображать гиперборейский язык, что подручные Стервятника тут же убрали ланы.

Их можно было понять: выглядела наемница впечатляюще. Конан понятия не имел, где она ухитрилась раздобыть подобные тряпки, но за всю свою жизнь более правдоподобной ведьмы ему видеть не доводилось. На Паломе было надето не меньше пяти пестрых юбок, все рваные, обвешанные какими-то амулетами и веревками; из-под пестрого, расшитого бисером жилета виднелась ярко-красная рубаха навыпуск, скрепленная у горла застежкой в форме змеи, поверх этого великоления красовались аж две шали — одна плотная, разноцветная, с затейливой вышивкой, другая — потопыше, желтая, прикрывавшая еще и голову. Волосы она оставила распущенными, зато вплела в них какие-то перья, бусины, связала шнурами и нитками.

В кошеле на поясе что-то скрежетало, в кармане внутри рукава лежали игральные кости и какие-то скляночки...

Озирая все это безумие, Конан смог выдавить только:

— Не чересчур?

На что Палома пренебрежительно махнула рукой, мол, в самый раз. Ну что же, ей виднее...

Что касается киммерийца, то ему повезло больше: наемница заставила его обрядиться в меховую безрукавку, да в короткие меховые же штаны. Сапоги северянину удалось отстоять лишь с большим трудом — а не то пришлось бы влезть в какие-то колодки, больше всего напоминавшие по форме козьи копыта.

На его попытку заметить, что никаким гиперборейцам — как бы сильно он ни ненавидел все это отродье! — не придет в голову обрядиться в такое тряпье, Палома лишь закатила глаза.

— Вот когда нам надо будет, чтобы твои братья-северяне нас приняли за своих — тогда, пожалуйста, ты будешь командовать, как одеваться. Но сейчас нам надо обмануть коринфийцев. Людей, которые гиперборейцев в глаза не видели: Так что будь любезен, не учи меня!..

Вместо ответа киммериец лишь пожал широченными плечами. С наемницей, когда она в таком «вздернутом» настроении, спорить не хотелось.

...И вот Сьохиль и Сигерда оказались во владениях Стервятника.

Дом изнутри оказался именно таким, как и ожидал Конан: уж он-то неплохо знал все это воровское отродье и вкусы их изучил на славу. Богатство было напоказ, из кожи вон лезло, чтобы не остаться незамеченным. Мраморные полы, малахитом отделанные стены. Красное дерево, самшит. И золото, золото, золото... Стараясь вес-

ти себя как заправский дикарь, киммериец без стеснения пялился по сторонам, изображая восторг и изумление, — сам тем временем старательно примечая расположение комнат, помещения для стражи, возможные пути отхода.

Покои Тусцеллы оказались на втором этаже. В просторном зале на возвышении стояло кресло, почти трон, заваленное шкурами хищников. Шкуры валялись и на помосте, и рядом — львиные, тигриные, волчьи, леопардовые... Со стен скалились головы зверей, там же было развешано оружие — сабли, мечи, ятаганы...

Помимо «черного барона», в зале оказалось еще три человека — как видно, приближенные. Двое стражников, сопровождавшие гостей, застыли в дверях. Конан и Палома поклонились человеку на троне.

Вблизи Тусцелла показался еще более тощим, чем тогда, через окно; огненно-рыжие волосы и худосочная комплекция делали его похожим на живой факел. Волосы, впрочем, начали уже редеть и на висках сделались грязно-песочного цвета — ведь главарю бандитов было уже хорошо за сорок. Кожа, молочно-бледная, как у большинства рыжих, с возрастом загрубела, рубцы давних шрамов выделялись на лице уродливыми сизыми пятнами. Бледно-серые глаза смотрели вроде бы рассеянно, но одновременно ничего не упуская, и взгляд их был так по-змеиному неприятен, что даже Конан ощутил скверный холодок. Не зря этого парня прозвали Стервятником, понял он: как есть, падальщик, который

только и ждет своего часа, чтобы добить жертву

Как они и договаривались с Паломой, первой заговорила она. Конан, вообще, должен был подавать голос лишь в крайних случаях, разыгрывая роль туповатого мужа-охранника, который и по-коринфийски говорит-то с трудом.

— Почтенный господин,— с сильным северным акцентом начала наемница. Акцент, с удивлением отметил киммериец, был вполне правдоподобный. И когда только научилась?! — Мы — новички в вашем славном городе, но хотели бы остаться здесь навсегда. Однако нам ведомы законы, и мы хотим сделать все так, как принято в этой стране. Вот почему мы здесь, явились на поклон к человеку, которого называют самым могущественным в Коршене...

Так она продолжала еще довольно долго, безудержно льстя Тусцелле и его присным, которые слушали все эти славословия молча, не сводя с пришельцев глаз, так что под конец даже Палома занервничала под их свинцовыми взглядами.

Наконец один из поделщиков Стервятника перебил ее:

— Ты можешь прямо сказать, коза — чего тебе нужно-то?

Пренебрежительное обращение — ибо так называли воры только гулящих девок — явно взбесило Палому, но выказывать гнев было слишком опасно. Со всевозможным смирением она ответствовала, что хотела бы получить право открыть

палатку гадалыницы на рыночной площади в квартале Поясок — и готова заплатить за эту честь положенную мзду.

— Готова, значит? — Тусцелла оживился впервые с начала разговора.— И сколько же ты готова заплатить?

— Два золотых сейчас, а потом по одному — каждую седмицу.— Расценки «барона» Палома знала хорошо и нарочно предложила чуть меньше, чтобы иметь возможность поторговаться.

— Пять золотых — сейчас. И по два — потом.

— Три сейчас. Потом — по полтора.

— Хм. Ну, пойдет.— Конан еще успел подумать, что что-то уж больно легко уступил Стервятник... как вдруг последовал новый вопрос.— Ну, а этот, муж твой, он сколько будет платить?

С деланным возмущением, «гадалка» вскинула руки, звеня браслетами.

— А ему-то с чего, помилуй меня Лухи! Он просто при мне, охранник...

— Охранник, говоришь?! — Тусцелла внезапно вскочил, прыгнул со своего возвышения и, подбежав к Паломе, схватил ее за волосы.

— Отпусти! — взвизгнула та.— Я тебе не девица для развлечений! Слыхал когда-нибудь про Орден Белой Руки? Или желаешь испытать на себе гнев великой Лухи?!

— Да я плевать хотел на всех богов и ведьм! Имел я их всех — как тебя отымею! — Ничуть не испугавшись угрозы, разбойник принялся грубо лапать девушку.

Конан с рычанием метнулся было к наемнице — но в тот же миг острое меча уперлось ему в бок. Другое — в поясницу. Это по знаку главы-ря поспешила на помощь его стража.

— И где он тебя охраняет, а, красотка? — Стервятник залился каркающим смехом. — В постели, небось? Но мы тебе предложим кое-чего получше, верно, парни?

Подельщики «барона» дружно загоготали. Посыпались сальные шуточки.

— Золотом мы с твоего дружка возьмем — за право дышать в нашем славном Коршене! А с девок мы берем не деньгами. С девок мы берем другим!..

Проклятье!

Не тратя времени на раздумья, Конан пнул одного их охранников в голень, чувствуя, как хрустнула кость под ударом — одновременно уходя вниз от меча. Развернулся, тут же налетев на второго, схватил за руку, выкручивая, чтобы отобрать оружие. Тот успел отшвырнуть меч далеко в сторону. Тогда киммериец наградил его мощным ударом в челюсть — и бандит грохнулся на мраморный пол.

Тусцелла заорал, призывая на помощь. Одновременно его подельщики ринулись в атаку. Двое, обнажив мечи, — на северянина, третий — к Стервятнику, который отчаянно пытался скрутить Палому. Та не давалась, извивалась, кусалась и брыкалась, изо всех сил пытаясь высвободиться, чтобы достать спрятанное в складках одежды оружие.

С отчаянным боевым воплем Конан ринулся на помощь.

С воем и грохотом в комнату ворвался еще десяток человек. Последовала ожесточенная, беспорядочная схватка.

Киммериец успел добежать до стены, сорвал висевший там ятаган — уввы, клинок оказался незаточен. Но даже так, орудуя им, как дубиной, воин ухитрился повергнуть и обратить в бегство человек пять стражников, вооруженных кривыми мечами.

Он использовал любые укрытия, метался из стороны в сторону, заставляя этих ублюдков сталкиваться, налетая друг на друга, швырял в них креслами, на одного набросил тигриную шкуру — и ослепленный, охранник ранил своего же приятеля.

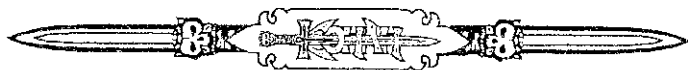
Безоружный, киммериец нагнал такого страха на нападавших, что те отступили — и он готов был торжествовать победу, как вдруг...

Истошный крик Паломы заставил его обернуться. Тусцелла и трое его подручных сумели все же одолеть наемницу. Стервятник приставил ей нож к горлу и полоснул — не сильно, но кровь хлынула ручьем.

Северянин замешкался всего на мгновение — но это мгновение оказалось роковым.

Чудовищной силы удар обрушился на него сзади. Перед глазами как будто взорвалось черное облако, выпустив сноп жалящих огненных искр...

И мир померк.

* * *

Он очнулся от боли — кто-то, заломив ему руки за спину, накрепко связывал их ремнем. Ноги уже были обездвижены. Преодолев первый порыв — попытаться освободиться любой ценой — киммериец заставил себя сдержаться. Со связанными руками и ногами много не навоюешь! Но раз уж его пока — непонятно почему — оставили в живых, лучше притвориться, что он пока не пришел в себя и послушать, о чем будут болтать враги.

Сперва до него доносилась только бессвязная ругань и стоны: это приходили в себя поверженные им охранники. Кто-то из всех сил инул его под ребра. Потом еще раз. Киммериец глухо застонал, не открывая глаз.

— Вот ублюдок! — Это подал голос Тусцелла. — Магриц, скольких он положил?

— Трое, боюсь, уже не поднимутся. К остальным придется лекаря звать.

— Этих троих прирежьте, если еще живы. — Жалость Стервятнику была не свойственна. — Девку связали?

— Готово, — отозвался другой. — Господин, а этого северянина-то зачем в живых оставили? Дайте я его...

Шаги приблизились. Кто-то нагнулся над ним, и Конан ощутил ледяной укус стали на горле. Но Тусцелла остановил дружка:

— Подожди. У меня есть мысль получше. — Раздался отвратительный хохот. — Пусть в себя

придет — полюбуется, как мы с его женушкой развлекаемся! А потом уж...

— Ублюдки, вы не посмеете! — Это закричала Палома.

Судя по всему, наемница была не на шутку испугана, и Конан ощутил дикую, бессильную ярость.

Это же надо было так попасться! Когда они придумывали этот план, им и в голову не могло прийти, что все обернется таким образом... Оба исходили из того, что Стервятник соблюдает воровские законы, равно принятые что в Коринфии, что в Заморе, что повсюду в Хайбории. Законы эти гласили, что человек, который пришел искать покровительства «черного барона», пользуется неприкосновенностью до тех пор, пока готов платить. Вот с несостоятельным должником разговор иной, там возможно всякое... Но чтобы вот так — наброситься на женщину, которая гостьей пришла в дом... это было просто неслыхано!

В Шадизаре или Аренджуне за такие выходы общий воровской сход навсегда лишил бы «барона» власти, обязал бы заплатить пострадавшей огромную виру, а мог бы, вообще, изгнать из города!

Но, похоже, обнаглевший от безнаказанности Тусцелла и впрямь решил, что ему никакие законы не писаны и он волен творить все, что пожелает... Ублюдок!

Конан незаметно подергал руками, пытаясь ослабить узлы, стянувшие запястья. Кожаный

ремень чуть поддался — но чтобы развязать его, пришлось бы здорово потрудиться, а это неминуемо заметят. Что же делать?!

Подать голос? Пригрозить мстью Грациана? Это был последний шанс, и очень слабый.

Даже если из страха перед Месьором Тусцелла оставит их в живых — все равно, это будет сокрушительное поражение. Все планы полетят к демонам. Да и вопрос еще, испугается ли Стервятник?

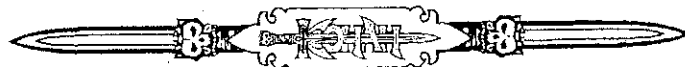
Может, Палома что-то придумает? Чуть разлепив веки, киммериец отыскал глазами свою спутницу — и сердце его упало. Девушка лежала на полу, связанная по рукам и ногам, совершенно беспомощная. Тусцелла приблизился к ней, сел на корточки, уцепил хваткими пальцами за подбородок.

— Ну что, козочка, ты же сама сказала, что готова заплатить. Вот и заплатишь. Сперва мне — а потом и моим ребятам. Они же пострадали, бедняги, вон их как твой дружок отдела, так что заслужили немного радости в жизни! Что скажешь?

Вместо ответа, наемница плюнула вору в лицо. Тот с проклятиями отскочил, с силой пнул ее ногой в живот. Палома застонала.

— Вот ты как? Ну, пожалеешь! Не хотела по добру...

Позабыв об осторожности и здравом смысле, Конан вскинул голову, чтобы заорать — что угодно, лишь бы отвлечь этих недоносков от девушки, перевести их внимание на себя... Но тут

в дверях неожиданно послышался шум. Кто-то вбежал в комнату, задыхаясь от быстрого бега.

— Тусцелла! Тусцелла, послушай!

— Ну, что еще? — Недовольный, тот обернулся в сторону новоприбывшего. Конан попытался извернуться, чтобы разглядеть его, но, увы, он лежал спиной к двери, а потому мог видеть лишь главаря. Тот, судя по всему, был изумлен тем, что видел.

— Ты зачем сюда явился? Я же ясно велел тебе — никогда тут и носа не показывать! Или ты хочешь, чтобы Гарбо узнал, что ты на меня работаешь? Жить надоело?!

Предатель?! Киммериец подавился ругательством. Только этого еще не хватало! Ну, теперь они точно пропали... А тот зататорил:

— Господин Тусцелла, я не виноват! Но это очень важно! Я ни с кем не мог передать такую весть!

— Говори.

— Там, на постоялом дворе у Хромого... Женщина...

— Женщина?! — Тусцелла был взбешен. — Да ты издеваешься надо мной? Какая еще женщина?!

— Выдает себя за аквилонку. Говорит, будто хочет продать какие-то драгоценности...

— Ну и что? — Тусцелла окончательно потерял терпение. — Я уже знаю про эту бабу, Хромой донес. Магрин вечером пойдет ее прощупать. И ты только ради этого явился? Да я тебя...

— Нет, нет, Тусцелла, погоди! Она никакая не аквилонка! Я слышал, Гарбо говорил... Это сама графиня Лигейя!

Наступило молчание. Очень долгое молчание.

— Г-графиня? Сама графиня Лигейя? — Уродливая физиономия «черного барона» вытянулась от изумления, и глаза сверкнули яростной алчностью. — Ты уверен? А Гарбо-то откуда узнал?

— Понятия не имею, господин. Я только подслушал, что он говорил с Барбом. Он точно сказал, что это она и есть!

— Клянусь Белом! Чтобы сама затворница-графиня выбралась из своего замка... Но зачем?

— Хромой говорил, она хочет продать какое-то ожерелье, — вступил в разговор Магрин. — Может, это правда, и ей зачем-то понадобятся деньги? Тогда не удивительно, что она выдает себя за чужеземку — чтобы муженск не узнал...

— Хм-м. — Тусцелла надолго задумался, принялся расхаживать взад и вперед. Свита почтительно застыла, ожидая решения главаря. — Вот что. Я должен быть уверен... Ладно! — Он рывком повернулся к своим подельщикам. — Магрин, Пардос! Возьмите еще человек десять и — к Хромому. Схватите бабу тепленькой — и сразу сюда. Тут уж я решу, что с ней делать!

Бандиты засуетились, принялись выкрикивать команды, собирать охранников. Кто-то окликнул Тусцеллу:

— Господин, а с этими-то двоими что делать? Может, прирезать по-быстрому?

Тусцелла размышлял несколько мгновений, которые киммерийцу показались вечностью.

— Нет, зачем, — хмыкнул он наконец. — Закончим с графиней — тогда уж займемся и этими. Девка подождет. Как вино — только слаще станет! Отправь их обоих вниз, на холодок. Пусть пока попрощаются... любовнички. А то когда еще на Серых Равнинах свидятся!..

* * *

...На лице пожилой женщины не было и тени страха. С того самого мгновения, как в ее комнату на постоялом дворе, грубо оттолкнув визжащую служанку, ворвались пятеро вооруженных до зубов головорезов, приказавшие немедленно отправляться с ними, графиня Лигейя замкнулась в себе, словно устрица в раковине, ничем не показывая, что, вообще, замечает происходящее. Безучастно она спустилась по лестнице, села в карету, которая уже поджидала у задних ворот, не промолвила ни слова, пока экипаж ехал по ночному Коршену до самого особняка Тусцеллы, так же невозмутимо, будто наносила визит правителю соседней державы, вошла в дом. В комнате, где ее уже поджидал Стервятник со своими присными, она уверенно двинулась вперед, ни на миг не задержавшись в дверях, и уселась в кресло, прямая, застывшая, подобно статуе. Губы ее были скорбно сжаты; всем своим видом женщина показывала, что не наме-

рена ни задавать вопросов, ни требовать объяснений, ни — пуше того — молить о пощаде.

Царственный вид ее подействовал даже на «черного барона». Слегка склонив рыжеволосую голову, он произнес, подражая дворцовым манерам:

— Рад приветствовать вас в моем скромном жилище, графиня. Будьте моей гостьей.

Лигейя молчала.

Бандиты выжидающе уставились на главаря: как видно, им не терпелось посмотреть, кто выйдет победителем из этого бескровного поединка; сам же Тусцелла чувствовал, как с каждым мгновением все больше теряет лицо. И от этого сделался дерзок.

— Ты — в моей власти, женщина! Советую запомнить это хорошенько и вести себя полюбезнее!

Графиня Лигейя сморила бандита взглядом, каким, должно быть, посмотрела бы на конюха, если бы тот осмелился явиться, весь в навозе, в ее вельможные покои.

Она по-прежнему хранила молчание.

Поняв, что таким образом ничего от пленницы не добьется, «черный барон» решил сменить тактику и обернулся к одному из своих подельщиков:

— Наша гостья, кажется, привезла какие-то камешки на продажу? Где они?

Пардос с поклоном подскочил к главарю, протягивая ему изумительной красоты ожерелье, которое обнаружили в вещах графини.

— Так-так...— Тусцелла впился взглядом в драгоценное украшение. У него даже пальцы затряслись, когда он понял, что за вещь попала к нему в руки.— Сет и Митра! Неужели это они — Триста Звезд?! Или я сплю?! — Как замороженный, он поднял ожерелье над головой, любуясь игрой света в огромных изумрудах и жемчужинах.— Г...графиня, в...вы принесли мне ц...целое состояние...— От волнения он даже принялся заикаться.

Лигейя не сводила взора со Стервятника, и сейчас ее зеленые глаза горели, как смарагды ожерелья.

Не выдержав напряжения, Тусцелла подбежал к ней.

— Ну же, графиня! Что вы все молчите? О чем вы думаете? Жаль расставаться с камешками? — Он обернулся к своим приятелям.— Эй, подайте нам вина! Пусть графиня выпьет — за наш успех!

Один из бандитов немедленно подбежал к главарю с кувшином и двумя бокалами, тот собственноручно наполнил кубок и протянул его женщине.

Та медленно подняла руку, приняла бокал — и так же медленно перевернула его, вылил на пол рубиновую жидкость. Тусцелла отскочил с ругательствами. Кто-то у него за спиной, не выдержав, захохотал. Стервятник рывком обернулся.

— Заткнитесь, псы, а не то я вам вобью зубы в глотку!

Но кто-то другой все равно продолжал смеяться. Взгляд Тусцеллы заметался в поисках насмешки...

Смеялась графиня Лигейя.

Бандит оскалился.

— Рад, что вам так весело, моя дорогая. Не поделитесь ли, что вас так порадовало?

Они впервые слышали ее голос — суховатый, чуть надтреснутый голос пожилой, полной достоинства женщины:

— Я думаю о том, что сделает с тобой мой сын, когда узнает об этом!

— Твой сын?! — Тусцелла разразился хохотом. — Это который же? Святоша митрианец? Или этот слизняк Пронтий? Или...

Лигейя покачала головой.

— Мой сын, Тусцелла. И ты знаешь, о ком я говорю.

Рыжеволосый побледнел, отступая на шаг. С уверенностью, которой отнюдь не ощущал, возразил:

— Грациан ничего не сделает. Он не станет рисковать жизнью любимой матушки — а ты все же в наших руках, не забывай! И мы можем быть не так вежливы, как ты привыкла у себя во дворце!

Задумчиво, словно давая добрый совет, графиня отозвалась, сочувственно качая головой:

— Но ты не сможешь держать меня тут вечно. Меня видели слишком многие — похищение не удастся скрыть. Стоит Лаварро узнать — он сотрет твой притон с лица земли. Тебе не высто-

ять против всей коршенской армии. А если надеешься прикрываться мною, как щитом... Напрасно. Лаварро с готовностью пожертвует мною — чтобы потом отомстить втройне за оскорбление. Никто не станет вести с тобой переговоры только ради спасения моей жизни!

— А вот тут вы ошибаетесь, графиня! — Тон Тусцеллы был исполнен злорадства. — Один человек на это пойдет. И с радостью. Потому что с моей помощью сможет наконец заставить графа Лаварро отречься от трона — в свою пользу! Со мной граф, может, и не стал бы торговаться, но вот дружку моему отказать никак не сможет! — Он вызывающе посмотрел на Лигейю. — Не верите, что это получится?

Несколько мгновений женщина словно взвешивала про себя сказанное — затем опустила голову.

— Так, значит, Грациан был прав... В семье, действительно, есть предатель! И кто же готов купить себе корону такой ценой?

— А вот это... — Тусцелла не скрывал торжества, — Вы узнаете в свое время, графиня!

— Зачем же тянуть? Будем считать, этим ожерельем я заплатила достаточно, чтобы узнать его имя...

Стервятник мерзко захихикал, оглянувшись на своих товарищей.

— Ну что же, большой беды не будет, если я уже сейчас поведаю, кто будет нашим следующим правителем. Клянусь Небом, графиня, вы будете удивлены...

* * *

...Они очнулись в клетке. С трех сторон — сплошная каменная стена без окон, с четвертой — решетка, железные прутья в палец толщиной. Напротив, лениво укачивая, словно младенца на коленях, меч в ножнах, уселся стражник, толстый, бритый наголо парень, обвешанный золотом.

Похоже, неистощимый поток ругательств, которыми осыпал его киммериец, приводил охранника в истинное восхищение: тот пару раз даже принимался цокать языком и кивал, словно брал на заметку какое-то особо удачное выражение.

Конан мог бы продолжать так бесконечно долго — одновременно пытаясь незаметно ослабить узел, стянувший руки за спиной... пока что, увы, безрезультатно, как вдруг Палома окликнула его неожиданно сладким голосом:

— Сигерд, любимый муж мой!

Он уже повернулся было, чтобы в красках выразить все, что думает по поводу этой проклятой игры, которая может стоить им обоим жизни — но наткнулся на выразительный взгляд наемницы — и осекся. Та явно что-то задумала.

— Что, Съохиль?

— Сигерд, мы оба скоро умрем. Это правда?

— Она повернулась к стражнику. Тот похотливо ухмыльнулся.

— Ну, ты-то еще поживешь немного, красотка. Это я тебе обещаю!

— Но мужа вы убьете! — Бандит выразительно пожал плечами: мол, что проку спрашивать очевидные вещи. — Так позволь нам с ним попрощаться!

— Чего-о? Руки не развяжу, и не проси!

— Нет, нет, добрый господин, — испуганно залепетала женщина. — Просто позволь — пусть муж хоть поцелует меня... на прощание!

Кром! Что она задумала?

Стражник, как видно, задался тем же вопросом, но не заподозрил в этой безобидной просьбе ничего, кроме глупой бабьей сентиментальности — а потому великодушно дозволил:

— Ну, ладно. Потешьтесь напоследок, так и быть.

— Поцелуй меня, Сигерд, любимый!

Совершенно ошалевший от такого поворота, Конан, связанный, подкатился к наемнице. Та тоже подползла навстречу — и повернулась так, чтобы стражнику было не разглядеть ее лица.

Их губы встретились. Но вместо поцелуя Палома яростно прошептала:

— Живее! Зубами — слева из воротника!

Вот оно что! Конан тут же вспомнил их давний разговор с наемницей о том, где удобнее прятать оружие. Сам-то он был яростным противником всех этих штучек. Честный меч, честный нож — только это достойно мужчины! Но, возможно, зря он тогда осуждал Палому!..

Ухмыляясь, северянин нагнул голову, делая вид, будто целует ее в шею — и осторожно извлек за рукоять тонкое лезвие.

Терция! Оружие наемных убийц. Гибкое, точно ивовый лист, смертоносное, как бритва!

— Ближе мне к рукам!

Стараясь, чтобы со стороны их действия выглядели, как невинная любовная игра, Конан ухитрился передать терцию прямо в руки наемнице.

Как она сумеет справиться — со связанными запястьями! — он не мог понять... но, судя по всему, в Бельверусской тайной службе Палома прошла неплохую школу! Всего через несколько мгновений ее серые глаза вспыхнули победным блеском.

Готово!

Неожиданно она приподнялась на полу.

— Эй, господин стражник!

Тот заушмылялся.

— Что, муженек-то мало на что способен? Ну так и быть, давай я тебе помогу!

Палома оскалилась в ответ.

— Ты добрый человек. Иди сюда, ко мне!

Тот с сожалением помотал головой.

— И рад бы, красавица, да ключ от вашей клетки только у Стервятника. Не доверяет он нам почему-то... — и паскудно захохотал, пожирая ее глазами.

Наемница с сожалением вздохнула.

— Жаль. Тогда придется справиться и так...

— Ты о чем это? — Бритый удивленно скрипел: как видно, что-то в голосе пленницы насторожило его. Но осознать собственную тревогу он не успел...

Резкий взмах руки. Свист лезвия.

И терция, точно пройдя меж прутьев решетки, вонзилась прямо ему в горло.

Захлебываясь кровью, бандит упал.

Не тратя времени на разговоры, наемница извлекла вторую терцию откуда-то из рукава, ловким движением разрежала путы на ногах — затем освободила Конана.

— Теперь придется ждать, пока кто-нибудь явится за нами. Жаль, у этого ублюдка не оказалось ключа!

Но северянин только ухмыльнулся в ответ.

— Всю жизнь ненавижу ждать! Может, у тебя найдется шишлык?

Обрадованная, Палома со смехом захлопала в ладоши!

— Вот почему люблю иметь дело с ворами!

— Это я заметил, — пробурчал киммериец, принимая медную проволочку. — И они тебя любят... почему-то.

Палома вмиг посерьезнела, виноватым голосом произнесла:

— Ты прав. Это моя вина. По моей глупости мы оба могли лишиться жизни. Прости.

Конан лишь махнул рукой — извиняться будем, когда выберемся на волю. Пока рано болтать!

...На то, чтобы разделаться с замком, ушло всего несколько мгновений. Но теперь оставалось самое сложное.

Статуэтка косальского божка.

И графиня Лигейя.

* * *

По пути наверх им почти не встретилось препятствий — ну, не считать же таковыми, в самом деле, двоих стражников в караулке, и еще двоих, стороживших выход из подвала, служившего Стервятнику темницей. Конан с Паломой даже заспорили тихонько, не желая уступить друг другу удовольствие разделаться с ублюдками... Зато теперь оба были вооружены до зубов: киммериец взял себе два меча, наемница собрала у всех убитых кинжалы.

Первый этаж, где располагались две большие компаты стражи, они миновали с осторожностью, решив, что пока не готовы вступить в бой с тремя десятками бандитов. Ну, а затем началось настоящее веселье...

Самым сложным было бесшумно снять часовых, дежуривших у входа в «тронный зал» Тусцеллы, чтобы не встревожить тех, кто внутри. Но Палома не зря всегда хвалилась, что не знает себе равных в метании ножей. Два разом — это было посложнее... И все же наемница с честью вышла из этого испытания. Вертаген, ее наставник в Бельверусе, сейчас гордился бы своей воспитанницей!

Переступив через два хрипящих в кровавых пузырях тела, бойцы переглянулись — и киммериец мощным ударом ноги выбил дверь. Они влетели внутрь с оружием наизготовку, как раз вовремя, чтобы расслышать слова Тусцеллы, обращенные к Лигейе:

— ...графиня, вы будете удивлены...

Это были его последние слова.

Воспользовавшись замешательством бандитов, Конан вылетел на середину зала, кося врагов мощными ударами двух клинков, словно жнец — колосья. Мгновение — и на полу уже валялось пятеро негодяев. Тусцелла стал шестым. Меч киммерийца снес ему голову, и она покати-лась по полу, разметав рыжие патлы. На бледном лице навсегда застыло выражение смертельной ненависти.

...Палома, ловким броском вогнав последний кинжал в глазницу Магрина, рывком подхватила меч одного из убитых и сцепилась в схватке с Пардосом. Яростный натиск ее был столь стремителен, что бандит не продержался и трех выпадов.

За это время киммериец оттеснил к окну еще одного из подручных Стервятника — и единственным ударом выпустил ему внутренности.

Последний из оставшихся в живых, вместо того чтобы бежать прочь и звать на помощь своих приятелей, метнулся к графине Лигейе.

— Не подходите! — заорал он, бешено вращая глазами. — А то я ее прирежу! — В руке его сверкнул меч.

Это было его ошибкой.

Седовласая женщина, от которой никто не ожидал такой ловкости, бросилась ничком на пол, молниеносно откатившись прочь, — и Конан, мгновенно воспользовавшись замешательством противника, метнул в него меч.

Пущенный мощной дланью северянина, клинок просвистел в воздухе — и вонзился прямо в грудь бандиту. Тот рухнул навзничь, и сталь зазвенела о мрамор.

Все было кончено.

...Некоторое время в зале слышалось лишь тяжелое дыхание бойцов, да kloкочущие хрипы умирающих. Молчание нарушила графиня Лигейя:

— Полагаю, я должна благодарить вас за спасение, господа? Хотя жаль, что вы не появились на пару мгновений позже... но, полагаю, мне едва ли стоит роптать.

Конан и Палома не совсем поняли, что она имела в виду, но переспрашивать не стали. Сейчас было не до того.

— Думаешь, они там, внизу, что-то слышали? — встревожено спросила северянина девушка. — Вроде бы, никто не успел закричать...

Тот пожал широченными плечами.

— В любом случае, скоро встревожатся. Либо вниз кто-то спустится, либо захотят подняться сюда...

— Тридцать человек... — Палома поморщилась. Покосилась на окно. — Нет, через эти проклятые бойницы даже мне не выбраться — о тебе я уж молчу.

— Верно. Ладно, придется поискать другой путь.

Не дожидаясь возражений напарницы, киммериец бросился прочь из зала. Оставшись одни, женщины тревожно переглянулись.

— Выхода нет, верно? — спросила графиня таким спокойным тоном, словно обсуждала погоду.

Палома не желала поддаваться отчаянию. В конце концов, совсем недавно их положение представлялось куда более плачевным.

— Выход есть всегда, — только и ответила она. — Его просто надо отыскать. — И, не желая больше тратить время на пустые разговоры, принялась подтаскивать к дверям самую тяжелую мебель — кресла, стол, сундук — чтобы, в худшем случае, они могли забаррикадироваться в зале. Нужно только дотянуть до утра! Тогда можно будет попробовать позвать на помощь из окна... да мало ли еще что придумать! Хотя даже поджечь весь этот проклятый особняк!..

Тем временем, вернулся Конан.

— Везде одно и то же, — удрученно оповестил он. — Не окна, а мышиные норы!

— Крыша! — внезапно воскликнула Лигейя. И верно!

Крыша особняка, плоская, как это принято в Коршене... если забраться туда, там куда легче обороняться, чем в этом зале-ловушке, да и на помощь позвать... все втроем они ринулись к лестнице. Даже у Лигейи в руках был меч, явно слишком тяжелый для хрупкой женщины, но ни Конан, ни Палома не посмели ничего ей сказать.

А внизу уже поднялась тревога — должно быть, кто-то обнаружил трупы в подвале. Кто-то заорал истошно:

— Магрин! Пленники сбежали!

— Тусцелла! Эй, что у вас там?!

Послышался топот сапог, звон оружия...

Но беглецы уже достигли винтовой лестницы, ведущей на крышу. Конан задержался на мгновение, чтобы столкнуть вниз самого ретивого из преследователей, давая женщинам время укрыться в безопасности — бандит, сыпля ругательствами, покатился по ступеням, увлекая за собой еще двоих товарищей. Воспользовавшись их замешательством, киммериец устремился наверх.

Деревянный люк запирался выдвижным засовом — правда, довольно хлипким, но все же дававшим надежду на передышку. Снизу уже сыпались удары, слышалась отчаянная ругань и угрозы.

Северянин велел женщинам осмотреться — но сам остался у люка, готовый в любой миг отразить нападение. Судя по тому, как трещали плохо пригнанные доски и выгибался в петлях засов — надолго эта преграда бандитов не остановит...

Откуда-то сзади послышался взволнованный крик Паломы. Но Конан не успел толком разобратъ, что она кричит. Доски раскололись, брызнув щепами — и вновь начался бой.

По счастью, на узкой лестнице мог сражаться лишь один человек; бандиты лезли вверх, одержимые яростью и жаждой мщения, лишь мешая друг другу — и пока киммерийцу не составляло труда отбивать атаки. Один за другим раненые падали вниз по ступеням...

Но их место тут же занимали новые бойцы — а силы Конана были не беспредельны. Рано или поздно он устанет работать мечом... и что тогда? И где же — Сет ее поberi! — подевалась Паломма?!

В этот миг наемница оказалась рядом с ним.

— Спасены! Там — подмога! — Она мотнула головой куда-то назад.

Но Конан уже услышал и сам. Вопли у ворот особняка. Лязг мечей. Топот бегущих ног.

...Гарбо наконец подоспел на помощь.

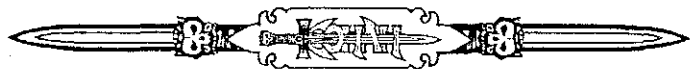
* * *

— Госпожа, там прибыл эскорт, который за вами прислал его сиятельство граф Лаварро! — Служанка, в низком поклоне присевшая перед креслом пожилой дамы, восторженно округлила глаза. — Человек сорок стражников, госпожа, все конные, с графскими штандартами... Ох!

Лигейя ласково улыбнулась девушке.

— Эскорт графа Лаварро подождет, дитя. Я еще не закончила свои дела в доме сына. — Она обернулась к Паломе, сидевшей на низком диване напротив. — Жаль, что не удалось избежать огласки. Рано или поздно я все равно намеревалась выйти из своего добровольного заточения — но все же не таким... шумным образом.

Наемница засмеялась. За несколько часов, прошедших после их чудесного спасения, две женщины почти не расставались; во дворце Месьора им отвели смежные покои, чтобы они

могли отдохнуть после пережитых потрясений, однако они предпочли отдыху дружескую болтовню. Палома и сама не заметила, как успела рассказать Лигейе почти всю историю своей жизни...

Что касается супруга графини, то, разумеется, после резни, которую устроил Гарбо сотоварищи в центре Корнелена, скрыть от него происшедшее было невозможно, однако ему, как и всем остальным, преподнесли сильно измененную и урезанную версию событий: якобы злодей Тусцелла, желая получить богатый выкуп, выкрал графиню прямо из сада, где она гуляла — но был замечен храбрецом Гарбо, который и вызволил несчастную жертву из лап коварных негодяев.

— Зато теперь Лаварро задаст бал в ванпу честь — мы сможем на славу повеселиться!

— О, да, дитя, ты ведь любительница графских балов, я помню...

Смущенная, Палома не ответила, не зная, как реагировать на эти слова: слишком уж двусмысленным было ее первое и последнее появление во дворце, две луны тому назад. И откуда затворница Лигейя могла узнать?..

— Грациан рассказал мне эту историю. Признаться, я смеялась, как безумная!

Вот если бы мне еще кто-нибудь объяснил смысл шутки, — мрачно подумала Палома. Но вслух сказала совсем другое:

— Грациан... Я беспокоюсь за него. Он рисковал вашей жизнью — так глупо, бездумно и не-

нужно! И он отталкивает от себя хороших, верных ему людей! Зачем?!

Лигейя поднялась с кресла, прошла по комнате, затем присела рядом с Паломой и ласково взяла ее за руки.

— Ты так юна и наивна, дитя... Боги, мне кажется, я никогда не была такой... Дай слово, что не забудешь меня и станешь навещать во дворце: мне это так необходимо! Словно пьешь чистую воду... — Она помолчала. — Что же касается моего сына — мне трудно судить. Он так изменился за те годы, что мы не виделись с ним. Особенно, после этого увечья... Теперь он куда меньше похож на своего отца! Потому что если бы вся эта история случилась лет десять назад, я сказала бы с уверенностью, что по какой-то причине Грациан пожелал избавиться от меня — и намеренно устроил все именно так. Сейчас же... не знаю. Скорее всего, он просто не учел, на что способен Тусцелла. Хотя, возможно, он надеялся таким образом опознать изменника в графской семье... Жаль, что это не получилось!

Палома не могла поверить своим ушам.

— Избавиться от вас?! И вы так спокойно говорите об этом? Да он чудовище или человек?!

— Человек, конечно. И именно поэтому — чудовище. Как и каждый из нас. Ты не знаешь истории нашего рода, дитя, и это к лучшему. Хотя, возможно, когда-нибудь я расскажу тебе... Но пока довольно будет сказать лишь, что я не вижу в этом ничего особенного. Просто... каждый из нас всегда вел свою игру. Я сумела бы защи-

тить себя, не сомневайся. Хотя в какой-то момент мне это опротивело — именно тогда, десять лет назад, я и стала затворницей. Так было проще...

— Все равно — я не понимаю!

И вновь графиня Лигейя улыбнулась своей мудрой, всепрощающей улыбкой.

— О, дитя! Просто нужно разделять суть человека, его намерения и поступки. Добрый человек способен желать зла другому — и поступить дурно. Точно также скверный человек может желать кому-то блага. Скажу больше, можно, желая другому добра, причинить ему зло, и наоборот...

Наемница в сомнении тряхнула головой.

— Это слишком сложно для меня!

— И ты права. Ибо на самом деле нет ни добрых, ни злых людей, равно как ни добрых, ни злых намерений или поступков!

— О, вы совсем запутали меня! Так что же тогда есть?!

Лигейя задумалась.

— Об этом тебе лучше всего, наверное, сказал бы твой друг киммериец. Есть холодные, безразличные боги на небесах. И человек — с его волей и страстями. Вот и все!

— Но Грациан! Вы оправдываете то, что он сделал... но зачем он оттолкнул Конана от себя? Ведь вы слышали, что рассказал северянин: Грациан, по сути, сам признал, что они с Гарбо обманули его. Теперь киммериец уезжает. Он сказал, что не станет даже прощаться с Месьбором...

А ведь о таком друге тот мог только мечтать! Зачем он так поступил с ним?!

— Он поступил мудро, — отозвалась графиня суховато, но, заметив, что глаза Паломы наполнились слезами — ибо девушка никак не могла пережить, что двое самых близких ей людей расстаются едва ли не врагами, — смягчилась. — Грациан был связан клятвой, которую дал Гарбо, и потому не мог быть честен с киммерийцем. Но он сделал самую разумную вещь, которая только ему оставалась: открыто признался в этом. Северянин ценит прямоту превыше всего. И потому не станет держать зла на моего сына. А это важно — потому что в будущем им еще суждено повстречаться, и я не хочу, чтобы они стали противниками.

— Вам ведомо будущее?

Лигейя рассмеялась.

— О, не смотри на меня так испуганно, я вовсе не ведьма и не гадалка! Сейчас Конан придет — я позвала его — и ты все узнаешь. Он обещал мне помочь...

...Словно только и дожидался этих ее слов, северянин появился в дверях. С собой он принес кувшин вина, а позади слуга, сгибаясь под тяжестью, тащил поднос, заваленный аппетитной снедью, фруктами и сладостями. Вид у слуги почему-то был испуганный — впрочем, Палома давно заметила, что зачастую киммериец действует на челядь таким странным образом. Как видно, им внушал ужас его зычный голос и суровые манеры.

По-хозяйски распорядившись, Конан уселся напротив женщин, велел слуге разлить вино и расставить угощение, тут же осушил бокал и с аппетитом принялся за еду.

— Пока попрощался с ребятами в казармах, пока собрался в дорогу...— проговорил он с набитым ртом.— Даже крошки во рту не было! А потом подумал — наверняка эти недотепы и вас покормить забыли!

Графиня Лигейя ответила ему восхищенной улыбкой.

— О, юноша, теперь ты — дважды наш спаситель!

Впрочем, сама она почти не притронулась ни к вину, ни к еде, только с удовольствием наблюдая, как утоляют голод молодые люди.

Насытившись, Паломна подняла взгляд на киммерийца:

— Так, значит, уезжаешь?

— Да. Конь уже под седлом.

— И... попрощаться ни с кем не будешь?

— Почему? Вот с вами же я прощаюсь...

Ладно, тема закрыта, поняла наемница. Боги, ну почему мужчины — такие странные, упрямые существа?!

Пока она размышляла об этом, Конан повернулся к Лигейе.

— Вы сказали, графиня, что о чем-то хотите меня попросить?

— О, да! — Пожилая женщина оживилась.— У меня давно уже зрел один план — но не было человека, способного помочь осуществить его. А

тебя, юноша, мне словно послали сами боги! Я хотела бы нанять тебя для небольшого поручения. Нужно поехать в Аквилонию — и привезти сюда, в Коршен, одного мальчика. Моего младшего сына. Семь лет назад его отравили пажом к барону Алиусу Тимарольскому, но теперь я хочу, чтобы он вернулся домой.

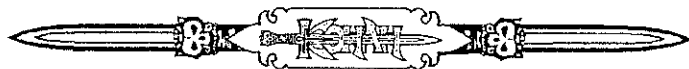
Распространенный обычай в семействах побилей — младшие отпрыски воспитывались не дома, а в домах друзей или дальних родичей, зачастую очень далеко от родных мест, набирались там ума-разума, зачастую даже находили невест... Так знать укрепляла связи между богатыми родами.

Но зачем это нужно делать так скрытно? Почему бы не послать отряд гвардейцев, как подобает по традиции? С какой стати Лигейе тайно отправлять за сыном одного-единственного наемника, которого она, к тому же, едва знает? Опять интриги... Или женщина просто чего-то боится?!

Киммериец пристально посмотрел на нее, не торопясь с ответом.

— Дело в том, что я никому не могу доверять,— печально продолжила графиня.— Все словно помешались из-за этого наследства. Дети графа грызутся между собою, как свора псов. Кто-то покушался на жизнь Грациана. Как можно быть уверенным, что охрана, которую я пошлю за Эстеваном, не будет подкуплена?

— Так не проще ли оставить парня в Аквилонии, если там безопаснее?

Графиня с грустной улыбкой покачала головой.

— Он должен вернуться. Пришло время. И я прошу тебя, Конан, отправиться за ним. Ты сделаешь это?

Киммериец кивнул.

— Но есть одна проблема,— продолжила женщина.— Я не знаю, смогу ли я заплатить тебе. Если только ты согласишься принять пару изумрудов из того ожерелья?..

— Ваше ожерелье? — Палома пришла в ужас. Но это же настоящее сокровище! — Она лишь мельком разглядела его, когда Лигейя забрала свою собственность из мертвых рук Тусцеллы, но с уверенностью могла бы сказать, что равного по красоте украшения ей не доводилось видеть.

— О, что такое эти глупые стекляшки — по сравнению с жизнью моего сына! — Пожав плечами, Лигейя потянулась за ожерельем. Но неожиданно Конан остановил ее и расхохотался, вскинув руки.

— Кром, что за нелепость! Неужели я возьму деньги у женщины, которая просит о помощи?!

— Но...

Киммериец продолжал смеяться. Под изумленными взглядами двух женщин он снял прицепленный к поясу кошель и, развязав тесемки, вытряхнул содержимое из кожаного мешочка на низенький столик...

Камни со звоном раскатились по мраморной столешнице, играя в солнечных лучах всеми цветами радуги. Рубины, гранаты, сапфиры и

изумруды, жемчуга и опалы, агаты и аквамарины... Их было не меньше сотни, крупные, как на подбор, и превосходной огранки. Вся комната вмиг наполнилась их переливчатым сиянием.

Женщины смотрели, как замороженные.

Наконец Палома прошептала:

— Откуда это у тебя?

— Не только у меня! — Северянин веселился от души. Ребром загрубевшей ладони он разделил горку камней на три части и сгреб одну обратно в кошель. Вторую придвинул наемнице, третью — Лигейе.— Забирайте. У вас на эти камешки прав не меньше, чем у меня!

Ни Палома, ни графиня даже не шелохнулись, не сводя потрясенных взоров с Конана. Отсмеявшись, тот наконец соизволил объяснить.

То, что Гарбо пытается обмануть его рассказом о волшебной косальской статуэтке, Конан понял почти сразу. И глаза у вора как-то нехорошо бегали, когда он выкладывал всю эту историю, и потом Грациан намеками подтвердил, что дело нечисто...

Но больше всего наблюдательного киммерийца убедило поведение Тусцеллы. Когда он подглядывал за «черным бароном», тот тряс фигурку и поглаживал ее, как самое дорогое сокровище.

Но ведь та явно оказалась не в состоянии предупредить хозяина об опасности... И сам Тусцелла заявил громогласно, что не верит ни в богов, ни в демонов — суеверный человек поостерегся бы так бросаться словами.

В общем, Конан успел обшарить спальню Стервятника и взломал сундук-сокровищницу. А когда разбил глиняного идола...

— Все это было там! Все драгоценности, которые скопил этот недоумок! Он так любил свои камешки, что не мог с ними расстаться — а чтобы не обокрали свои же подельщики, спрятал их внутри статуэтки.

— Но зачем Гарбо хотел, чтобы Конан украл этого божка? — изумилась графиня. — Ведь когда они разделились бы с Тусцеллой, он и так получил бы все!

Улыбнувшись наивности пожилой женщины, Палома пояснила:

— Во-первых, план мог провалиться, и Стервятник избежал бы ловушки — а Гарбо все равно заполучил бы камни, благодаря Конану. А во-вторых... он не хотел делиться со своими людьми, если бы сокровище нашел кто-то из них!

— Что ж, и поделом ему тогда! — мстительно засмеялась Лигейя. — Этот мальчишка — в точности как мой покойный братец. Хитрый, жадный, глупец! Не бойся, киммериец, от нас с Паломой никто ничего не узнает. Я скажу и Гарбо, и Грациану, что мы трое не разлучались ни на миг и понятия не имеем ни о каких сокровищах. Пусть гадают, куда делся косальский божок!

— Вот это и будет мне лучшей наградой за твое поручение! — с громовым смехом отозвался киммериец.

— Так ты согласен?

— Еще бы!

— Тогда я буду ждать твоего возвращения. — Поднявшись со своего места, графиня Лигейя приблизилась к киммерийцу и по-матерински поцеловала в лоб. — Доставь мне моего мальчика живым и невредимым...

— Я тоже буду ждать. — Палома подняла сжатый кулак, в традиционном приветствии братьев по оружию.

Конан ответил ей таким же жестом.

* * *

...Пожилая женщина и человек, прикованный к креслу, — одни в полутемной комнате...

— Ты затеял опасную игру, сын. Опасную игру. Я тревожусь за тебя.

Он молчал так долго, что она усомнилась, понял ли он ее слова. И наконец отозвался:

— Я ждал десять лет, чтобы услышать это от тебя. Но... ты на моей стороне?

— Как ты можешь спрашивать об этом?!

— Ты — дитя своего отца.

— То же самое могу сказать и о тебе.

И вновь тишина повисла между ними. Сказано было слишком много — для того, кто умел слышать невысказанное.

Наконец мужчина вновь подал голос:

— Осталось две луны. Думаешь, мы успеем?

— Все предусмотреть невозможно — так уж устроена жизнь. Но мы постараемся. — В голосе женщины звучала убежденность, которой, воз-

можно, в душе она и не ощущала.— Я верю в тебя, сын.

Он засмеялся горьким, ироничным смехом.

— Старуха и калека. О, какая блестящая пара!

Рассерженная, она не дала ему договорить:

— Мудрость и опыт. Хитрость и предвидение.

Были ли когда-нибудь лучшие игроки?!

Он пожал плечами.

— Что ж, посмотрим. В любом случае, игра началась. И первый ход за нами...

СОДЕРЖАНИЕ

Энтони Варенберг

ЗАКАТ АРГОСА

7

Норман Хьюз

БРАТЯ ПО ОРУЖИЮ

351

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Варенберг Энтони
Конан и закат Аргоса

Хьюз Норман
Братья по оружию

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.05.2001.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура «Палатино». Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз. Заказ 1808.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Гигиеническое заключение № 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ». Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU. E-mail: astpub@aha.ru.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999.
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А.
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125,
sz-press@peterlink.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155—1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ПНЕЗ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХСВЛИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СГЛЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИВАРА 56
КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИЦ ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66				
КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68					

ISBN 5-17-008534-6

9 785170 085347